

Dok. Mac

Созвни
пассажир

Есения. Водитель со стажем. Скандальное увольнение стало для меня почти приговором: огромные долги и мечта восстановиться на медицинском требовали немалых денег. Но судьба решила мне улыбнуться, подбросив хорошую работу. Служба безопасности того самого короля недвижимости! Но... Мне угрожают, заставили нянчиться со спятившей матерью миллионера, его бывшая жена готова задушить, поклонницы Архарова мне прохода не дают. Сам же магнат даже не подозревает, что все беды его насыщенной жизни свалились на голову отнюдь не паренька по имени Сеня...

Особый пассажир

— Сень, послушай...

— Есения, — сквозь зубы поправила Марка, выстраивая между нами стену. Совсем как он недавно. В тот самый вечер, когда вывернул мою душу наизнанку, растоптал сердце и швырнул его обратно мне, униженной и уничтоженной, в лицо, — для вас я Есения.

В его черных глазах вспыхнули некие чувства, которые, увидев у нормальных людей, я назвала бы болью и сожалением.

Но это долбаный Архаров, который травил меня на виду у друзей, спустил своих адвокатов, готовых в клочья разорвать то немногое, что от меня осталось.

Моя жизнь — полнейший ад. Даже его серый идеальный серый костюм светлее моего будущего.

Я смотрела на него, обжигая холодным взглядом, удерживая каменное выражение лица. Спасибо, Марк, у тебя научилась.

Ты ошибался, говоря мне, что я ничего не смогу добиться. Я хорошая ученица.

Сердце в груди горело огнем, внутренний голос вопил, чтобы я убралась отсюда, что он заманил меня в ловушку. Если останусь, то не выдержу, и он поймёт, насколько мне до сих пор больно.

Такой ошибки я допускать не хотела.

Я смотрела в черные глаза мужчины, которого всё ещё любила, и мечтала вернуться в прошлое, чтобы никогда, никогда с ним не встречаться.

Шесть месяцев назад

Для августовского вечера было довольно прохладно. Клиенты задерживались уже на пять минут, хотя, они предупредили о своем опоздании. Первые вежливые пассажиры за целый день.

Обычно те, кто вызывает такси бизнес-класса достаточно воспитаны, но, видимо, сегодня просто не мой день. До конца смены ещё пять часов, а мне уже нагрубили, предлагали всякие пошлости, одну девушку даже стошнило в моей служебной Ауди, что вылилось в два часа простоя, потраченных на химчистку и сушку салона. За мой счёт.

Вышла из машины немного пройтись. От постоянного сидения ныла поясница. Прогнулась назад, держась за неё, и вперёд, бесполезно, ноющее неприятное чувство не ушло. Попробовала поприсесть, не привлекая к себе внимания, но на втором заходе послышался звук открывающейся двери, сопровождаемые весёлыми голосами. Вышла пара: мужчина средних лет в сопровождении молодой светловолосой девушки.

— Извините, мы долго собирались, — вместо приветствий произнес мужчина, с нежностью посмотрев на свою спутницу.

Девушка по всей видимости его дочь, настолько они похожи.

Я вежливо поприветствовала их и открыла пассажирскую дверь салона, пропуская внутрь. Дежурно спросила устраивает ли музыка, кондиционер и бездумно покатила по адресу заказа.

Парочка щебетала о чём-то своём, я не прислушивалась. В голове крутились мысли о предстоящем выходном, точнее о планах на него. Проспать весь день или прогуляться с Айрин? Сейчас я была настолько уставшая, что первый вариант казался привлекательнее.

— Параллельной дорогой было бы быстрее, — отвлекся мужчина от беседы со своей

дочерью.

Так погрузилась в себя, что не сразу поняла, о чём он мне сказал.

— Там много лежачих полицейских. Подвеска хорошая, но вам в любом случае будет не очень комфортно.

— Ах, извините, — он улыбнулся мне в зеркало заднего вида, — не хотел поучать. Моя Людочка поступила в МГУ, представляете? Мы едем праздновать!

— Пап, — смущенно шикнула девушка.

— Примите мои поздравления, это очень достойный ВУЗ. Какой факультет?

Нас ругали, когда мы надоедали клиентам своими разговорами, но мне действительно было интересно. Всегда ценила достойное образование, хоть для меня самой это пока большая тема. Тем более, они первыми начали диалог.

— Факультет биоинженерии и биоинформатики.

— Это действительно впечатляет, вы молодец!

По пути до ресторана я слушала историю от Людочки и Степана Михайловича, как он представился, о самом сложном годе её жизни. Столько, как в одиннадцатом классе, она никогда в жизни не училась и надеется, учиться так больше не будет.

— Вы ещё подождите до первой сессии.

Я тоже думала раньше, что главное поступить. Но нет! Сессия — страшнее. А ещё надо было набирать баллы, чтобы не вылететь с бюджета.

— А вы, — Степан Михайлович сверился с приложением, — Есения, учись?

— Нет, пришлось взять академический отпуск по семейным обстоятельствам, — вдаваться в подробности не хотелось.

Семейные обстоятельства закончились со смертью бабушки, но вернуться на бюджет уже, к сожалению, не светит. Нужны были деньги. А для медицинского образования — прорва денег.

Прилегающая территория ресторана оказалась красивой. Зеленый луг, мощенные аллеи, небольшая пристань на берегу реки — отличный отдых вдали от шума города.

Подъехала к ступенькам, у которых топтался портье, и заглушила машину. На вас жаловались юные леди по поводу того, что «из-за этой вонючки от меня не пахнет диорчиком!»? А на меня да. И это была жалоба на выхлопную трубу работающего авто, то есть, на естественный процесс. Не так уж и пахло. Я меняла катализатор, между прочим. С той жалобы всегда глушу двигатель, а то мало ли, прямо как на заправке.

— Есения, если вдруг, если вдруг что, звоните! — Радостный отец Людочки протянул мне свою визитку.

— Если вдруг что? — Моргнула непонимающе.

— Мало ли? Жизнь длинная, люди должны помогать друг другу.

Понятно. Опьяненный превосходным результатом упорной работы дочери он решил хоть как-то поделиться своей радостью и со мной.

Вежливо пожелала им хорошего вечера, убирая визитку в карман, заведомо зная, что не позвоню.

***

— Ну уж нет, — дыхнул пьяных угаром мне в шею сзади отвратный тип, — ты меня проводишь до клуба, ты, ***, я тебе за что плачу? За услуги!

— В мои услуги входит привезти вас из пункта А в пункт Б, — сквозь зубы, но как можно более вежливо повторяла уже раз в десятый, наверное, — я не занимаюсь эскортом.

Я была права насчет этого вечера. На Степане Михайловиче и его Людочке мое везение на клиентов закончилось. От слова совсем.

— А чо эскортом не? Такая соска.

Внутри меня передернуло от липкого тона этого типа.

— Эскорт в значении сопровождение. Приехали.

— Дверь открой!

Мы были у входа в популярный ночной клуб, у которого уже столпилась очередь, хотя ещё довольно-таки рано. Народ весело перекидывался приветствиями, кто-то присвистнул мне вслед, кто-то узнал в моём клиенте своего знакомого и уже направлялся к нам.

— Прошу, — встала за открытой дверцей, как за щитом.

Парень пробежался по мне неприятным, пьяным взглядом, делая шаг ближе. Я отступила, но это все равно не спасло от этого нахала. Он рывком схватил меня за предплечье и притянул к себе, вжав в свое тощее тело.

— Передумай, куколка, — от него так несло алкоголем и плохими зубами, спрятанными за винирами, что даже дорогой парфюм не мог прикрыть это амбре. Наоборот, делал только хуже.

— Прошу прощения, но у меня уже новый заказ и рабочая смена в самом разгаре, — попыталась мягко вырваться из этой хватки. Но где уж там? Несмотря на хилое тело, впился в меня, словно щупальцами. Липковатый привкус отвращения отлично подчеркивал это сравнение.

В свою защиту скажу, что я пыталась вырваться мягче, даже пыталась воззвать к разуму, к хоть каким-то приличиям, но под пьяное улюлюканье толпы он не просто еще сильнее сжал мою руку, а нагло начал тереться об меня своими причиндалами, о которых приличные девушки не говорят вслух. Вторая рука шарилась по моей пятой точке, вызывая приступ тошноты.

Я так устала за сегодня, что не сдержалась и изо всех сил отпихнула пьяного извращенца. Тот, не удержавшись на ногах, неуклюже плюхнулся на тротуар прямо на виду у всего честного народа.

Зараза.

— Хорошего вечера, — пробубнила ему и сиганула в машину.

Не смена, а проклятье какое-то.

Сплюнула три раза через левое плечо, вдруг, поможет?

Весь путь домой я мечтала поскорее вернуться побыстрее к Эдмундо. Только он мог успокоить после длинного дня залатав настроение. До самого утра раз за разом прокручивала случившееся с пьяным клиентом, и раз за разом меня передёргивало от отвращения. Принять бы душ из кипятка с металлической щёткой.

На улице только занимался рассвет. С каждым шагом домой с остановки я всё больше и больше успокаивалась. Завтра выходной, а там попрошусь на дневную смену, чтобы меньше наткаться на пьяных недотёп, которые ведут себя как свиньи.

— Уф, спасибо, тетя Роза, — улыбнулась сама себе, обнаружив под дверью банку закатанных помидор.

Вот люблю я их, а тетя Роза из шестнадцатой квартиры прекрасно это знала и время от времени подкидывала такие подарочки. Почему не лично в руки? А чтобы другие не просили. Тетя Роза у нас предпринимательная леди.

— Эдмундо, милый мой, — бросилась к черному любимцу, как только помыла руки, —

ты ведь порадуешь мамочку?

Итальянец, возвышавшийся почти на уровне глаз, подмигнул мне и начал выдавать струйку прекрасного эспрессо, миглом одурманившего мои вкусовые рецепторы.

Я из тех, кому кофе на самом деле не даёт уснуть, но также и из тех, кто просто не способен от него отказаться. Ну повороचाюсь часик, ничего. Оно того стоило.

Эдмундо знал, что я люблю двойной эспрессо и немного кипятка, чтобы отбить горечь, вот только молока налить не мог, но ему я готова всё простить.

Внутреннее напряжение не отпускало, будто сегодняшней день мне ещё выйдет боком. Могут даже надбавок лишить в качестве штрафа, если поступит жалоба, тогда у меня начнутся реальные проблемы.

Разбудил настойчивый стук в дверь.

— Сенечка! — Послышался голос тети Любы, — ты в порядке? Телефон разрывается.

Еле разлепив глаза, выглянула в окно и тут же поморщилась. День выдался очень солнечным. Взглянула на часы, всего-то обеденное время! Мне бы ещё хоть часик поспать.

— Всё нормально, тетя Люб! — Крикнула двери, — Спала крепко просто.

Что-то дружелюбно пробормотав, соседка потопала во двор. Сейчас у моих соседей время лимонада. В такой час они обычно собираются за столиком для пикника под моими окнами, но только, если у меня не выходной, чтобы не будить. Я их никогда об этом не просила, народ просто у нас заботливый, вот и перебрались на другую сторону нашего двора, чтобы не «мешать Сенечке»

— Да, слушаю, — ответила сиплым голосом в телефон, на котором светились четыре пропущенных из главного офиса.

— Есения, здравствуйте. Это Александра, отдел кадров, вы могли бы подъехать сегодня в течение рабочего дня?

— У меня выходной, — невежливо прокашлялась в трубку.

— Мы вас ждем, Есения, — ответила строгим голос дамочка и отключилось.

Утреннее неприятное чувство вновь закружилось внутри, вызывая лёгкий холодок. В отдел кадров вызывали либо для продления контракта, либо для повышения зарплаты, либо из-за какой-то проблемы. Новый контракт на год я подписала месяц назад, денег больше мне не светит, а вот проблемы — это пожалуйста.

«Только бы устное предупреждение и на этом всё, пожалуйста!» — Но потолок, которому я вознесла молитву, смотрел на меня потрескавшейся штукатуркой абсолютно равнодушно.

Спасть хотелось до слез, но заставила себя скатиться с кровати, чуть не упав на пол.

Без Эдмундо мне не справиться.

«Зайени!!!@ Это точно пушкам!» — пришло смс от Айрин с кучей ошибок из-за её вечной спешки куда-то. Пока Эдмундо готовил эликсир бодрости, уселась на стул и открыла ссылку, которую скинула подруга.

На видео было красивое лицо Айрин с надписью, что-то типа «я о нём до сих пор помню, а он приехал на вызов и даже не узнал» под грустную мелодию, а потом камера отворачивается и показывает красивый салон авто и плечо водителя, обтянутое белой деловой рубашкой.

Я присмотрелась.

«Ты отвратительная, а я — жирная)))» — Отправила Айрин, хихикая. Я её подвозила сегодня, но не подозревала, что на неё снизойдёт новое вдохновение и она слепит из этого

некую мелодраму.

«Я не отвлечённая, я в поисках себя!».

Она у меня такая, да. Умнейший человек, училась на юриста по гражданскому праву, но всеми правдами и неправдами её влекло подальше от традиций семьи в степь популярности в сети. Тематика ее творчества менялась с завидной скоростью. Я помогала ей с декорациями для видео с танцами — не зашло, мы пытались кулинарить на камеру — тоже мимо. Айрин просто искала свою нишу, как она говорила, а по мне, так она выше всей этой наигранности, о чём, в свою очередь, сообщала ей я.

Ещё раз бросила взгляд на своё плечо на видео, которое с этого ракурса казалось уж очень пухлым, сравнила с реальностью и выдохнула. Вроде, не все так плохо.

До главного офиса добралась быстро с пинка кофеина и неприятного предчувствия. А когда специалист из отдела кадров трагичным голосом предложила присесть, предчувствие стало не просто неприятным, а ужасным.

— Есения, вы знаете, почему вы здесь?

— Нет? — Почему-то с вопросительной интонацией соврала ей.

— На вас в последнее время было много жалоб. Мы должны при таком раскладе проводить воспитательную беседу с водителями, в качестве превентивной меры.

С облегчением выдохнула. Даже не заметила, что от волнения перестала дышать. Просто воспитательная беседа, никакого лишения надбавок.

— Но, — громом среди ясного неба произнесла она.

Опять несознательно задержала дыхание. Александра смерила меня грозными взглядом из-под очков и строгим голосом продолжила:

— Исходя из последней жалобы, вы вышли за рамки дозволенного, Есения.

— Эм-м...

— Цитирую: «Она мне грубила всю дорогу, обозвала, а потом и вовсе несколько раз ударила, отчего я упал при своих друзьях», — закончив, Александра сняла очки и вперила в меня взглядом школьной директрисы, — что вы на это скажете?

— Но он сам приставал ко мне! Говорил гадости и назвал соской! — Несколько более эмоционально, чем хотелось бы, вырвалось у меня.

— То есть, всё, что здесь написано — ложь?

— Да!

— Вы не пихали его? Он не падал?

— Пихала, — запнулась, — падал, но...

— То есть, его жалоба не безосновательная?

— Нет, то есть да, — почти завывала я, — я путаюсь в двойных отрицаниях. Повторите, пожалуйста, вопрос?

— Есения, вы причинили вред клиенту или нет?

— Нет, конечно! Что с ним может случиться?

Александра уставилась на меня так, будто сейчас была готова сломать планшет об мою голову. Я не стала испытывать её терпение:

— Я его пихнула, случайно. Он ко мне приставал с грязными намёками, даже больно схватил за руку! — Показала ей упомянутую руку в качестве улики, на которой остались лёгкие синяки. — Я правда не хотела причинить ему вред. Не думала, что пихну его так сильно. Хотела просто оттолкнуть.

— «Не хотела», «не думала», — Александра вздохнула, делая пометки у себя в

блокноте. — Значит, вот как мы поступим...

При каждом её слове, меня сковывал холод, улетучивались какие-либо эмоции. Я кивала ей, мол, да, все понимаю. Подписывала распечатанное ею же заявление на увольнение по собственному желанию. Шла к метро, а в голове, как заезженная пластинка, вновь и вновь крутилась её последняя фраза «Мы вынуждены с вами расстаться...».

— То есть, как это тебя уволили? — Айрин ложкой зачерпнула из банки помидор тети Розы. — Из-за какого-то нахала?

— Из-за какого-то богатого нахала, — пробубнила я, вяло ковыряясь в гречке с тушенкой.

Я так выделила слово «богатый», будто это имело особое значение. Меня бы вышвырнули при такой жалобе из-за любого клиента.

— Ты подавала ответную жалобу?

— Угу, пять раз. Подписала заявление и была такова.

Уже поздний вечер, а настроения не прибавилось. Одна радость: я проработала там чуть больше года и ни разу не ходила в отпуск. Расчетный лист приятно радовал глаз суммой, но с моими долгами и планами на учебу — это как капля в море.

— Ты не унывай, — Айрин уселась на табуретке по-турецки, — если немного поджаться, закроешь долг за лечение бабушки. А там уже и на медуху накопишь, чтобы восстановиться.

— Ты права. Надо только перестать покупать новую одежду, лекарства, а ещё еду и пользоваться светом. Ты хоть представляешь, сколько стоит платно учиться на медицинском?

— Эскорт? — меня передернуло от ее слов, — ладно-ладно. Ещё слишком рано шутить на эту тему.

Мы продолжили жевать ужин в полной тишине. С меня ещё не сошла волна первого шока, чтобы связно мыслить, а Айрин увлеченно мониторила результат своей режиссёрской работы, закусывая помидоры хлебом.

Может, я зря переживаю? И ежу понятно, конечно, что в службу такси мне пока лучше не соваться. Имеется ввиду, в приличную службу. В неприличную, где пассажиров и водителей не страхуют, машины на ладан дышат, а клиенты такие, что и сами в лес вывезти водителя могут — сама не хотела. А для достойной службы у меня уже подмочена репутация.

— Блин, у тебя кроме гречки и помидор что-нибудь вообще есть? У меня уже язык щиплет.

— Найдёшь, поделишься, — я вяло наблюдала, как подруга безуспешно рыщет по шкафчикам и холодильнику в поисках еды.

Я не такая уж и бедная, просто в магазин давно не заходила, а готовить мало что умела. Так что у меня обычно водился набор студента: пельмени, каши, майонез, тушенка и прочее. Но даже с этим Айрин не повезло.

— Сейчас, конечно, банальность скажу, но так жить нельзя, — она вернулась за стол и к помидорам, — еда — это удовольствие. Если жить, постоянно работая и безо всякого наслаждения, то не останется ради чего жить вообще.

— Я просто забыла зайти в магазин! И что за чушь — жить ради еды, что ли?

— Я просто пытаюсь тебя научить успешному мышлению! Сама ещё этому учусь. Когда думаешь, как успешный человек, ведешь себя, как успешный человек, выглядишь, как успешный человек, то и становишься успешным! Это просто! Вот я выполняю все пункты и на пути к успеху.

— Успешные люди не постят у себя сторис с акцией на бесплатный сет суши, — фыркнула в ответ на пламенную речь.

— Имелось ввиду — выглядеть именно успешной, про не выглядеть лицемерной речи не было.

Провожая Айрин домой, а точнее, в соседний подъезд нашей двухэтажки, прихватила отвар из трав для тёти Розы, который оставила у её двери. У нас это традиция — подкидывать друг другу вкусности под дверь.

Тётя Роза мне вообще-то не кровная родственница. Я всех соседей называю тётями и дядями, хотя мы были скорее друзьями. И вообще, им больше подошло бы называться бабушками и дедушками, но привычка, дело такое. К тому же жили мы как одна большая семья на этой улочке в два дома среди лесопарковой зоны.

Два дома были построены в далеких пятидесятых заводом для своих сотрудников. Они все оттуда, как и моя покойная бабушка. Между нашим и домом напротив была старая непонятная вражда. Порой мне кажется, что они и сами не помнят, почему она началась. Но спорили из-за всего буквально: ветки дерева подрезали не так как кому-то хотелось, гараж построили там, где баба Катя хотела разбить садик, даже чуть не подрались ходулями, когда построили практически идентичные беседки. Один дом ругал другой, что идея была украдена, хотя строили в одно время и с одинаковым темпом. Откуда-то во дворе появился автомат с газированной водой советского образца. Не нашлось ни одного свидетеля, кто бы рассказал, откуда он всё-таки взялся, но мои смышлённые тётушки и дядюшки быстро сообразили, как его разобрать и стали вливать его лимонад по вторникам, холодный чай по средам и четвергам, домашнее вино в пятницу, воду с валерьянкой в субботу. Воскресенье и понедельник — выходной.

Соседи напротив оскорбились своим отстранением от удобного барного аппарата, и случилась почти война. Вот не совру: мы с Айрин — единственная молодёжь в округе — еле успевали оттаскивать пенсионеров, бьющих друг друга тапками, по разным углам. С тех пор на автомате появился вполне официальный график «залива». Даже подписи ставим.

Я любила своих соседей, это моя единственная семья. Когда-то двор был шумным и веселым. Все праздники справляли вместе. Но дети разъехались давно, а внуки уже не навещали. К сожалению, их возраст не располагал к долгой жизни, было много и мрачных дней. Из пары сотен жителей осталось едва ли с пару десятков.

Оставив у дверей тети Розы термос с отваром, неспешно пошла во двор, посидеть на лавочке и дать волю грусти. Темнейшее время суток ещё только занималось, но в воздухе витал тот самый непередаваемый аромат летней ночи. Обычно в мегаполисах из-за освещения не видно звезд, но как я и говорила, это место особенное: облокотившись о спинку лавочки, смотрела на звезды, не позволяя пролиться слезам.

— Спокойной ночи, Сеня! — Крикнула из окна мне тетя Люба.

— Спокойной!

Из открытых окон еще пролетали короткие переключки моих соседей, которые, вообще-то, уже час как должны были спать.

***

— Вы, простите, что сделали? — Ошарашенно переспросила сотрудника банка, в котором я брала кредит на лечение бабушки.

— Мы, согласно сорок первому пункту кредитного договора передали ваш долг по кредиту третьему лицу, — послышался чопорный ответ.

— То есть, продали его? И на каких условиях? Мой основной долг остался прежним?

— Процентную ставку по кредиту третье лицо вправе изменить в одностороннем порядке.

— А первое лицо может сказать мне, насколько сильно я из-за вас влипла?

— Есения Аристарховна, у вас остались ещё какие-то вопросы? — Этот уставший тон разозлил меня ещё сильнее.

— Да вы ещё на первые мои вопросы не ответили!

— Мы пришлем вам контактные данные нового кредитора на электронную почту, указанную в анкете, всего вам доброго.

«Всего вам доброго» — передразнила в трубку.

Да это возмутительно! Я только два раза задерживала платеж, да и то всего на пару дней. Я, видите ли, клиент с большим риском. А они — банк с большим риском!

Стало трудно дышать. Я с дядей Федей и дядей Мойшей пару раз смотрела криминальные сводки, как черные кредиторы выбивают долги из должников.

— Эх, — цыкнул тогда дядя Мойша, — если надо брать кредит на дело, значит, дело того не стоит. Они могут и ноги сломать. И ломают. Я видел!

Не очень хотелось, чтобы мои ноги кто-то ломал. Я к ним привыкла.

Мне удалось настолько себя накрутить, что стало подташнивать. Я без работы, без накоплений, без перспективы устроиться на работу, даже без человека, у которого денег можно было бы занять, но зато с паскудным банком, из-за которого за мной теперь откроют охоту те самые кредиторы, которые ломают ноги. И сколько я сейчас буду должна им со всеми процентами?

От нервов стала ходить из стороны в сторону, но мыслей эта прогулка не прояснила.

Присела. Стала раскачиваться из стороны в сторону, зажимая телефон в руке.

Ой не нравится мне это всё.

Из открытого окна доносился шум со двора. Соседи играли в нарды, то и дело переругиваясь между собой. Тетя Роза вынесла поднос с пирожками. Даже отсюда я смогла ощутить аромат свежей выпечки.

Недолго думая, вылетела ко всем.

— Привет, Сеня!

— Сенечка, а у тебя разве выходной сегодня?

— Мы для тебя чай остудили!

Тётя Роза, хитро улыбнувшись, протянула мне самый румяный пирожок, ещё горячий.

О, да! С капустой!

Жуя горячий пирожок с холодным чаем, рассказала соседям про свое увольнение. Те расселись по лавочкам и стульям полукругом, как в детском саде, сочувственно качали головами.

— Это же какой позор его родителям! — Возмутился дядя Федя.

— Вряд ли они об этом даже узнают, дядь Федь, — потянулась за вторым пирожком.

— Сенечка, а что ты делать будешь?

— Работу искать буду.

— Вот отучится наша Сенечка, будет хоть кому за нами присмотреть, когда совсем старыми уже станем, — тетка Маша всегда была кокеткой.

— Чтобы отучиться Сенечке, ей надо денег заработать хотя бы на первый год. В меде особо не позанимаешься подработкой, — отхлебнула ещё чая, — а там буду стараться

вернуться на бюджет. Если раньше на панель не придётся пойти.

«Ничего-ничего, скоро найдёшь работу» — так заключил мой «совет». Да и я — девочка с мозгами, из хорошей семьи, точно найду что-нибудь достойное — добавил тот же «совет».

Но спустя неделю поисков поняла: ошибались мы все. В службу такси меня не звали, грузчиком идти не вариант, про официантов молчу — там мне даже на половину месячной выплаты по кредиту не хватит.

И да, со мной связалось «третье» лицо. Срок выплат они не увеличили, а вот проценты накрутили. Теперь сумма, которую я должна отстегивать раз в месяц поднялась ровно в два раза.

Кажется, моя шутка про то, что мне предстоит перестать есть — не шутка вовсе, а вполне нерадостная реальность.

Айрин всеми мыслимыми и немыслимыми способами и такими же видео (сейчас она решила окунуться в тему косплея) пыталась поднять мне настроение. Дабы прекратить её тщетные попытки, надела на себя маску оптимистки. Может, и сама поверю, что все будет хорошо.

«У тебя брюки черные были, дашь, пожалуцста?» — пришло от нее, когда я занималась уборкой, чтобы хоть как-то отвлечь себя от гнетущих мыслей.

«Да, заходи».

— Чем это у тебя пахнет? — Айрин втянула воздух носом, блаженно зажмурившись.

— Ты что, под дверью стояла?

— Нет, просто была рядом, — чмокнув меня в щеку, она поспешила на кухню, проверить источник аромата, — жаренные пельмени! Сметана есть?

Пока я ходила за штанами, которые носила на службе в такси в качестве формы, Айрин успела расставить тарелки и водрузила на стол сковороду с истинным блюдом всех королей.

— Прости, я их ещё не стирала, пакет найди, — встряхнула штаны подальше от стола, оттуда вылетел маленький прямоугольник.

— Оп-па, что это?

Я и забыла про визитную карточку своего пассажира.

— Степан Семиохин, — прочла Айрин, — здесь только номер и имя. Это кто вообще?

— Клиент, добрый человек. Оставил визитку со словами «мало ли». Можешь выбросить.

— Ты сбрендил? Тебе, считай, помощь предложили, а ты отказываешься.

Айрин, наверное, не понимала, что мне много чего оставляют: от визиток до предложений. Оставляли, точнее. Но за этим в сухом остатке ничего не стоит. У пассажиров зачастую бывает хорошее настроение, которым они готовы делиться таким вот образом. Или они были пьяные и давали громадные чаевые. Никто в здравом уме не будет напрашиваться человеку, сделавшему радушно предложение в запале чувств.

— Айрин, перестань. Что я ему скажу? Денег попрошу? — Я накладывала пельмени по тарелкам, — ты и сама понимаешь, что это за чушь. Есть давай.

Пока я угрюмо жевала мой кулинарный шедевр, неутомная подруга ускакала в спальню, с кем-то весело щебеча по телефону.

В голове роились невеселые мысли. Я откликнулась примерно на сорок вакансий, но всё впустую. Тем, которые подходили мне, не нужны были девушки, а те, кому нужны были девушки, не подходили мне. Моего расчетного листа при увольнении почти впритык хватит на погашение первого платежа «третьим лицам», а вот за коммунальные услуги заплатить уже не выйдет.

Идея пойти на трассу уже не казалась такой бредовой.

— Готовься! — На кухню вбежала Айрин, — завтра у тебя собеседование.

— Поясни, — протянула с набитым ртом.

— Я позвонила Степану, раз уж ты стеснялась, представилась тобой и попросила об услуге.

— Ты что сделала?!

— Ты сейчас так на меня смотришь, будто мы больше не подруги, — ох, даже больше, я сейчас её придушить готова и эту мысль со всей мощью моего возмущения вложила в силу взгляда. Но Айрин это не смутило, и она с легкостью продолжила:

— За спрос не бьют, как говорит дядя Мойша. Тебе нужна помощь и есть человек, который согласился тебе помочь. И хватит смотреть на меня так, будто если я умру, ты даже на мои похороны не придешь.

— Конечно приду, — прошипела ей, — убийцы всегда приходят на похороны своих жертв, чтобы сбить с толку следаков.

— Завтра нацепи на себя лучшую рубашечку и улыбайся, спасибо за обед!

Глава 3

— Дядя Мойша! — Я усердно барабанила по двери соседа, — дядя Мойша, мне помощь нужна!

Я проспала. Всю ночь ворочалась из-за мыслей, но в итоге пришла к тому, что Айрин права: за спрос не бьют, и помощь мне нужна. Это не позорно — спросить о возможной работе. Я не совсем понимала, что именно Степан Михайлович может предложить, но, судя по тому, что я видела в вечер нашего знакомства, вряд ли что-то постыдное.

Дядя Мойша вскоре собрался. Нужно было, чтобы он меня подкинул до офисного здания. Оно-то недалеко, но на общественном транспорте мне придется сделать три пересадки, я никак не успею туда добраться за тридцать минут.

— Только ты сильно не наступай в центр, там днище дырявое. Я-то фанерку подложил, но вдруг сломается? — Предупредил меня дядя Мойша, когда я садилась в его старенькую Оку.

— И как ты техосмотр проходишь?

— А зачем? Я плачу налоги, больше ничего никому не должен.

Спорить с ним о безопасности и прочем было бы бесполезно. Дядя Мойша только с виду безобидный старичок, но на дороге он совсем лютый. Мы добрались до места назначения в рекордные пятнадцать минут, и это при том, что по пути был ремонт полосы и одна авария — что вылилось в заторы.

Дядя Мойша поехал искать место на парковке, чтобы меня подождать.

Здание, где мне предстояло пройти собеседование на загадочную работу представляло собой современное строение из бетона и стекла, но по большей части, конечно бетона. Внутри это было больше похоже на ангар: потолки метров шесть высотой, открытое пространство на тысячу квадратных метров было забито дисками, колесами, автомобилями, подвесными механизмами, а в углу располагался тренажерный зал. Незастеклённый, неогороженный, просто был и всё.

Ещё на подходе к ангару из будки охранника выполз угрюмый тип, попросил представиться и забрал мои документы. Вот с этими самыми документами сейчас и шёл мне навстречу Степан Михайлович:

— Есения! Рад вас снова встретить, — развел он руки, будто собрался обнять, — честно говоря, удивился вашему звонку. Но обрадовался, нам нужна свежая кровь.

На его голос стали выглядывать мужчины из разных уголков громадного помещения. Все как на подбор высокие, с мощными фигурами, обтянутыми в строгие костюмы.

Вежливо кивала встречающимся угрюмым мужчинам, следуя за Степаном Михайловичем. На секунду даже струхнула. Если меня заведут куда-то и стукнут по голове, даже на помощь не позову. Дядя Мойша был из тех, кто не пользуется мобильными телефонами.

Но, глядя на доброе лицо Степана Михайловича, у которого от улыбки у глаз рассыпались лучики морщин, понадеялась, что я в нём не ошиблась, и он не маньяк какой-нибудь. За остальных я так поручиться не могла, выглядели они жуткова-то.

— Есения, — Степан Михайлович предложил мне присесть на стул перед ним, — расскажите, что вы умеете?

Уф, это я запросто, главное, чтобы он не попросил что-нибудь приготовить:

— Я хороший водитель. Долгое время работала в такси, отзывы положительные. Разбираюсь в авто: технических характеристиках, поломках, ремонте, — машинально загибала пальцы, — знаю хорошие автосервисы, могу и сама починить несложную поломку...

— А расскажите о себе, — перебил меня Степан.

— Мне о себе нечего особо рассказывать, — я вздохнула. История моей жизни на самом деле скучная и какая-то кривая.

Наверное, про многих можно сказать то же, что и обо мне: способна на многое, просто не повезло. Так сложились обстоятельства.

Не было желания рассказывать свою биографию, но взглянула на по-отцовски добрые глаза своего, надеюсь, спасителя и... выложила всё. О бабушке с дедушкой, которые растили меня после смерти матери. Отца я не знала никогда. О том, как умер дедушка пять лет назад, и как потом, после мучительной болезни ушла от меня и бабушка. О том, как ради нее я бросила учебу в медицинском, ради которой я расшибалась о стены. О том, что я мечтала стать педиатром. Я пожаловалась на клиентов, из-за которых меня уволили, на их приставания.

— Извините, я не хотела, вот так, — запоздало остановилась я, — что-то меня понесло.

— Не переживайте. Зурыгин, подойди! — Крикнул Степан Михайлович мне за спину, в открытую дверь.

В помещении появился огромный мужчина, как и все, в черном костюме и узком галстуке. Я пыталась сильно не таращиться на его левое ухо, точнее на его отсутствие. Безэмоциональные глаза мазнули по мне лишь мимоходом.

Степан передал Зурыгину мой паспорт, бросил тихо пару слов, и тот ушел.

— Наш глава безопасности, он просто проверит, не были ли вы замечены в чем-то плохом, — пояснил он мне.

— То есть, я принята? — Спросила без особого доверия. Как-то слишком просто. Да и куда делось ухо Зурыгина узнать было бы интереснее. — А куда я принята?

— Ещё нет, пара тестов и там посмотрим.

Передо мной появилась стопка листов с вопросами и ответами на выбор. Общий тест на психологический тип и эрудицию. Встречались и странные задания, типа на мышление.

После того, как отдала заполненные листы, пошла за Степаном Михайловичем посмотреть на «последнюю проверку».

— Что ты видишь? — Меня подвели к черному седану.

Позади столпились все те же типы, которые мне попались при входе сюда. Они замерли молчаливыми шкафами, сверля тяжёлыми взглядами мою спину.

— Седьмой Лексус ЕС, вроде 2018-го года, двухлитровый двигатель, двести лошадей, кажется, — я присмотрелась, — за ним не очень хорошо следили, на порогах жучки.

— Садитесь за руль.

Я с детства любила автомобили. Торчала в гараже с дядей Федей и Мойшей, когда они ковырялись в своих любимцах. Я не видела себя автомехаником, но вот врачом — да. Для меня машины, что люди — то же сердце, такие же разные характеры и души, та же система, как вены у людей. Наверное, поэтому я любила давать всему и всем свои имена — я везде видела душу.

Салон не пах никаким освежителем, как я и люблю. Водительское сиденье будто повторило контур моего тела. Какое же блаженство! Сейчас машины делают для комфорта,

но вот в чем вопрос: как сосредотачиваться на дороге, если так и тянет свернуться калачиком и встретить старость на этом райском облаке?

Мне поручили выехать в серверную часть гаража и проехаться по закрытой территории. Ожидала какого-то подвоха, но завела Лексус, сняла с передачи и послушно поплелась к выезду.

Двигатель урчал красиво, как сонный зверь, вызывая у меня легкую улыбку наслаждения. Не привыкшая к габаритам, я старалась быть как можно более аккуратной, что не укрылось от Степана Михайловича.

— Твоя задача: не притормаживая на выезде, разогнаться по прямой и остановиться именно тогда, когда я дам команду.

Вроде несложно. Пока подъезжали к поднимающимся воротам, я быстро оценила открывшуюся перед глазами территорию: разогнаться было где. Я не уточнила цель этой проверки: посмотреть, насколько быстро я могу разогнаться? Или как справляюсь с управлением? Но по прямой и с таким рулевым управлять авто можно было и коленкой.

Помня, что нельзя притормаживать, на медленном ходу при выезде сбросила передачу на нейтралку, вжала педаль газа в пол, накидывая двигателю обороты. Машина мгновенно взревела подо мной, вызывая приступ адреналина. Даже, если сделаю что-то не то, когда ещё мне удастся провернуть такой финт, да еще и на машине такого класса?

Сама собой появилась улыбка на лице. Ох, как же Лексус ревел.

Пора!

«Воткнула» сразу вторую передачу, поддала оборотов и перескочила сразу на четвертую. Кровь шумела в ушах, внутри что-то защекотало, вызывая какую-то дикую эйфорию.

— Ю-ху! — Я не смогла скрыть восторга несмотря на то, что мчала нас навстречу стене. За нами явно останутся следы шин от пробуксовки.

Да мы бы ветер смогли обогнать!

— Стоп, — спокойно отдал приказ Степан Михайлович.

Слегка раздосадованная, вернула нейтралку и стала мягко жать на тормоз.

Что-то не то, тормоз не срабатывал. Вдавила педаль в пол по самое небалуйся, но результата ноль.

— Что за? — Вернула третью передачу, чтобы не занесло и подняла ручник.

Он тоже не сработал.

Мамочки! Пресвятые простоквашки!

Эйфория мгновенно сменилась на неконтролируемую панику. У меня глаза, неверное, на лоб вылезли от наблюдения, как мы неминуемо приближаемся к стене. Я не уверена, что справлюсь с заносом, если резко выверну руль.

Я никогда не делала то, что собираюсь сделать сейчас, даже никогда не пыталась тормозить двигателем, но, если не попробую, мы попросту разобьемся на всей скорости. Вернула нейтралку, газанула, и включила вторую передачу. Вырвался слегка облегченный выдох — машина резко замедлила ход. При таком же манипулировании перешла на первую, и машина заметно притормозила.

Вдруг, мы вовсе замерли. Вот мы ехали, пусть, уже и медленно, но ехали, а сейчас двигатель заглох, машину остановилась полностью, будто кто-то сзади схватил её за багажник.

— Почему перешла на нейтралку, а не сразу понижала передачи?

— Б-боялась колеса заблокирует, з-закрутит нас, — прозаикалась я, все еще глядя во все глаза на бетонную высокую стену, — с-сцепление б-боялась сжечь.

— Молодец, — только сейчас заметила у него в руках планшет, подключенный к бортовому компьютеру, — трос ручника сорван, но тормоза работают. Ты отгонишь авто на станцию для ремонта и на сегодня можешь быть свободна. Завтра в шесть утра жду на месте. Рабочий стиль — официально деловой. И, Сень, правда, ты молодец.

Дрожащими руками получала документы на машину и машинально подписывала что-то там о чем-то там средств. Также, все еще дрожащая, медленно поплелась на выезд, не обращая внимания на строгие взгляды, провожающие меня.

Даже забыла про дядю Мойшу на парковке, но после вернулась.

Если мне придется каждый день испытывать такой стресс, то ну его эту работу.

На следующее утро я стояла зевая, но ровно в шесть утра у будки охранника как штык. Только вот ни охранника, ни кого-либо ещё вокруг не наблюдалось, а двери были закрыты.

Попивая творение Эдмундо из термокружки, прогуливалась кругами в ожидании встречи хоть с кем-то из моих новых коллег.

— Так-так-так, — густой баритон раздался так неожиданно, что я подпрыгнула на месте, — мне ребята сказали, что у нас пополнение по имени Сеня. Метр с кепкой и весит меньше моего бульдога. Ожидал увидеть кого угодно, но не тебя.

Обладателем баритона оказался высокий блондин, смотрящий на меня и на весь мир с легкой усмешкой. Вчера я его, кажется не видела.

— Был на дежурстве, — ответил тот на мой невысказанный вопрос и протянул руку, — Илья.

— Есения, — ответила на рукопожатие, — то есть, я не ошиблась и девушки для вас — редкость?

— Да. Ты правильно поняла. Почему опаздываешь?

— Я вовремя пришла, просто нет никого.

Илья прошёл вперед и толкнул легко поддавшуюся дверь, которую я и не заметила. С умным видом, будто только и ждала, что мне кто-то откроет дверь, гордым фламинго вошла в ангар.

— Ребят! — Крикнул Илья, — встречайте: Сенька-новичок.

Прозвучало, как Сенька-дурачок.

Послышался лязг железа. Из «тренажерной» зоны появился амбал под два метра ростом. Из-под светлых, даже слегка девчачьих, ресниц, на меня смотрели леденистые глаза. Лысая голова покоилась на настолько широкой шее, что казалось, росла прямо и бычьих плеч.

— Тебе тоже придется там заниматься, — Илья кивнул в сторону тренажёров, — чтобы сдать экзамен по физподготовке. А это Костик.

Амбал с милым именем Костик, протянул мне руку. Я робко ответила на рукопожатие, но он так меня тряхнул, что в голове, кажется, мозг взбодрился.

— Экзамен по физподготовке?

— Все его у нас сдают, мы же гарды.

— Кто?

— Телохранители, — Илья закатил глаза, мол, что тут непонятного, — а ты — наша авто-няня.

Какой ещё экзамен по физподготовке?

— Скоро придет шеф, Степан Михайлович, он тебе всё и объяснит. Лень! Иди, познакомься с новенькой!

Когда пришёл Степан Михайлович, наконец, многое стало понятно: сегодня я познакомилась со своей «сменой». Два гарда, то есть телохранителя: Костик и Илья, и два водителя. Я — запаска водителей и, судя по перечню моих обязанностей, действительно авто-няня. Работа непыльная: следить за состоянием машин, отгонять куда надо, пригонять, следить за уровнем топлива, а ещё действительно тренироваться. Степан Михайлович хмуро взглянул на Илью и подтвердил, что экзамен по физподготовке есть. Работа сутки через сутки, но дежурство на самом деле длится больше двадцати четырех часов.

Я не успела даже кофе допить, как мне выдали рацию, «ухо» на спиральном проводе, платёжную карточку, копии ключей от всех машин, огромные заводские инструкции по эксплуатации к каждой из них с фразой «чтобы от зубов отлетало» ...

Вся эта стопка всего, что попало мне в руки, как-то сильно выбивалась из моего представления о работе авто-нянь. Семеня за Костиком, я будто впервые оглядывалась по сторонам, впитывая в себя все те миллионы, которые окружали меня и эти взгляды с усмешкой, которые сверлили мою спину. Только Степан Михайлович не улыбался, а как-то по-отечески взял за плечо и сказал, что поговорим позже, а пока его ждет работа. «Костик все расскажет, для начала».

— Стоп, а на кого мы работаем? — Спросила я, когда Костик дал мне в руки увесистый травматический пистолет. — Я стрелять не умею, если что. И боюсь, по правде говоря.

— Пойдем, — бросил богатырь и увел меня за собой.

У стены, где хранились диски, обнаружили стеллажи с книгами и папками. Костик покопался на одной из захламленных полок, а после протянул мне папку с файлами.

— Этот, наш босс — Марк Архаров. Мы работаем на него, — ткнул огромным пальцем в молодого мужчину Костик, — это — Алина Архарова. Бывшая жена господина Марка, но они вроде как ещё не до конца разошлись. Короче, приказ есть на нее реагировать, вот. Это мать Архарова...

Костик перелистывал страницы с фотографиями, адресами всех Архаровых: мать Архарова, сестра Архарова, отец Архарова, кухарка Архарова, собака Архарова. На каждой странице было приблизительное расписание их распорядка дня и адреса наиболее посещаемых мест. Выглядело это все несколько дико.

— Реагировать?

— Ну, когда позовут, примчать, защитить и все такое. Когда заварухи, Михалыч вызывает гардов по найму. А так нас по четверо на смене. Водители тоже должны уметь защитить, если что. У тебя лицензия на травмат есть?

— Откуда?!

Костик смерил меня хмурым взглядом с ног до головы и забрал оружие, которое все это время я держала двумя пальцами:

— Мы тебе битку купим.

Осмотрел меня ещё раз и добавил:

— А пока держи перцовку.

У меня чуть не вырвалось «зачем»? Но вовремя себя остановила. Может, они привыкли постоянно быть на страже, но моей задачей, кажется, будет все время торчать здесь.

Папку мне великодушно разрешили оставить. Только напомнили, что я подписала жесткое соглашение о конфиденциальности, так что «никому ни-ни».

Леонид и Виктор — два водителя на моей смене. Виктор сейчас на выезде, ожидает Архарова у его дома. Потом его сменит Леонид, позволив Виктору пару часов поспать. Для концентрации.

Меня захватил водоворот информации о внутреннем укладе службы системы безопасности. Графики, протоколы, режимы — я будто в казарму попала. Здесь не было уголка для девушек, так что чуть позже я увидела семенящего Костика, который шёл в уборную с новым стульчаком под мышкой.

С первого взгляда могло показаться, что меня приняли весьма добродушно, но... Илья

так косился на Степана Михайловича, будто не верил, что я здесь задержусь. Мужской мир, мужская работа и все такое. А вчерашний концерт — просто блажь «Михалыча», пусть всем и непривычная.

Руки слегка подрагивали, прошло-то совсем ничего времени, а я все никак не могла прийти в себя. Села на лавочку, прижимая папку с фото и гору инструкций авто к животу, ошалело оглядывалась по сторонам.

И здесь мне предстоит работать?

Круто, конечно, но я никогда не обслуживала автомобили. Я в них разбиралась, но для работы на таком уровне нужно специальное образование, которого у меня, соответственно нет. И опыта немного.

Возможно, для Михалыча это действительно блажь? Этакая благотворительная акция, у которой есть дата истечения срока? Скажем, месяц, надо мной посмеются и попросят на выход. Не Михалыч, конечно, посмеётся. Все остальные.

Я даже не глянула вчера на оклад. Вполне возможно, что он мизерный, тогда меня могут задержать. Как домашнего питомца.

Посмотрела на сгорбленную гору Костика, который, усевшись на низенькую лавочку, что-то сосредоточенно выписывал в блокнот, казавшимся в его руках совсем маленьким, вздохнула.

Скорее всего, мои предположения верны. Иначе, откуда у меня этот синдром самозванца? Слишком просто попала сюда, слишком всё сюрреалистично.

Внезапно в голову пришла шальная мысль, что, даже если доброта Михалыча закончится и меня посчитают неуместной, после такой записи в трудовой и будущих рекомендательных писем от службы безопасности САМОГО (хотя я без понятия, кто он) Архарова меня точно примут обратно в такси. Ещё и прощения попросят.

Вначале я читала книги-руководства, как мне и было поручено, но потом приехал Виктор, дежуривший всю ночь и очень обрадовавшийся, что не ему придется ехать на станцию техобслуживания.

Вручив мне банковскую карту, документы на машину и бросив грозное «только чеки не забудь», меня бодренько вытолкали в утреннюю столицу забрать моего вчерашнего знакомого, на котором я чуть в стену не влетела.

***

— Двадцать пять тысяч? — В сотый, наверное, раз, я возмущалась в лицо холёного автомеханика, — за трос?!

— Девушка, это же лексус!

— А это просто трос! Что там сложного-то?

— Ещё раз повторяюсь, оплата согласно прейскуранта. Диагностика в подарок.

— Спасибо вам большое, — из меня так и лился сарказм. Диагностика, видите ли, в подарок. Ещё бы они денег за неё взяли, когда не просили.

— Послушайте, мы эту машину обслуживаем не в первый раз, у нас пакет со скидками на неё и другие автомобили, с другими водителями никаких проблем не было. Михалыч прекрасно знает наши цены и качество обслуживания.

Я с подозрением прищурилась и взглянула не него. Парень не особо проникся моими угрозами, так что выставила ещё и палец для значимости слов:

— Смотри мне. Специально с горки поставлю прямо напротив ваших дверей, если трос ручника не выдержит, заеду тебе прямо по лбу.

Только села в машину, как мне пришел список поручений и адресов, куда нужно заехать. Судя по всему, они собирались использовать свежо-отремонтированного красавчика в качестве грузового авто: забрать два колеса, несколько запчастей, заехать за какими-то документами и привести некоего М. к нам на «базу». Документы и некий М. — это одно, но вот запчасти и шины возить? Какое кощунство.

Время близилось к одиннадцати дня, очень хотелось есть. Я по наивности своей стала искать в интернете ближайшие точки готовой еды или магазины с кулинарией, но не учла тот момент, что сейчас нахожусь в районе не для простых обывателей. Казалось, здесь слоган у каждого кафе был «Тебе не по карману, смиришься».

Вчера я так толком и не рассказала Айрин, как прошло моё собеседование, а сейчас не удержалась, и сделала селфи для неё.

«Вау! Покатаеш? Я тоже хочу!» — ответ не заставил себя долго ждать.

«Сколько тебе собираться?» — наши дома как раз по пути первого адреса назначения. Насколько я помню, у Айрин сегодня пары начинаются где-то в два, а значит, я её прокачу, а потом высажу у метро. Она приедет чуть заранее, и я не нарушу рабочий график.

«Ай, захвати чего перекусить».

— Подожди секунду! Цветочный магазин видишь? Притормози у него, — Айрин в восхищении крутилась на переднем пассажирском сидении, оглядываясь вокруг. Не думаю, что меня поглядят по голове, если узнают о небольшом randevу с подругой на служебном авто, но какая девушка удержалась бы от такого? Как только я подобрала её двадцать минут назад, девушка без умолку расспрашивала о моей новой работе: а на кого, а как, а что делать надо, а сколько платят, а есть ли ещё такие же машины, чтобы в них пофоткаться.

Айрин выскочила из машины у цветочной лавки и побежала к продавцу. Поговорив с ним пару минут и ткнув пальчиком в увесистую охапку роз прямо из ведра, Айрин вернулась с ними в лексус. Продавец бдительно наблюдал, чтобы мы не рванули с места с дорогостоящими цветами.

— Он тебе их дал просто так? Пофоткаться?

— Да, маловероятно, что кто-то на такой тачке просто рванет с места с краденными цветами.

Ага. Логика захромала на том, что Айрин из «такой тачки» попросила букет бесплатно, пофоткаться. Или, предполагалось, их приобрести должен был тот, кто за рулем. То, что водитель — девушка, не видно. Окна ведь тонированные наглухо.

Быстро заразившись её воодушевлением под задорную музыку, льющуюся из качественных динамиков, вошла в амплуа фотографа. Кажется, у Айрин сегодня будет новый ролик, и опять — я играю роль её невидимого ухажёра.

— Волосы нормально?

— Нормально, нормально, я уже штук двадцать снимков сделала, давай закругляться, — покосилась на чёрный Майбах, замедливший возле нас ход.

— И она вернулась! — Встретил меня будто радостно Илья.

Вернулась в ангар ближе к вечеру. Для всех в столице сейчас только-только заканчивался рабочий день, а у меня он в самом разгаре. Что-то в тоне Ильи мне очень не нравилось. Он вполне напрямую, не скрывая, давал понять, что я здесь случайно. Или очень временно, будто участвую в акции «приведи дочурку на работу». Вряд ли мы подружимся с блондином, но я не доставлю ему удовольствия, выйдя из себя.

За мой слегка неуравновешенный характер я уже вылетела с одной работы, а здесь я приложу все усилия, чтобы задержаться. Михалыч не похож на такого человека, который не знает, что делает. А это место не похоже на то, где изо дня в день нанимают людей просто так. И да, это уже десятый круг моих мыслительных качелей от "меня попрут как только, так сразу" до "если взяли, значит, надо".

Мне понравилось кататься день по Москве. Без людей, кстати. Молчаливый М. не в счет. Он как призрак сидел на заднем сидении, «не отсвечивая». До того, как его забрать, я все же нашла место, где можно купить недорогой чебурек. В машине его съесть не рискнула, боясь, что пропахнет весь салон.

— Отстань, Косыцин, — добродушно бросил Илье Михалыч, — все правильно и вовремя она сделала.

От его похвалы у меня потеплели уши.

— От тебя беляшами пахнет, — усмехнулся Илья, проходя мимо меня.

— Чебуреками, да и то одним, — чуть было не огрызнулась, но прикусила язык.

— Передохни, сходи поешь, у тебя сорок минут перерыва.

Машинально поблагодарила Михалыча, а сам задумалась, а где поесть-то? Рядом не видела ничего похожего, что могло быть мне по карману.

Уселась на лавочку, где утром Костик записывал что-то в блокнот и отрыла в рюкзаке засохшую половину шоколадки. Кофе, который с любовью сварил мой Эдмундо, безнадежно остыл. Но я была ему рада. Что-то родное и привычное в этом месте, которое мне... непривычно.

— О чём задумалась, Сень? — Михайлович подсел ко мне со своим планшетом, с которым, по всей видимости, вообще не расставался.

— Странно как-то, — вырвалось у жующей меня, — в смысле, — я пыталась сформировать интересующий меня вопрос так, что не выглядеть совсем уж глупой, — вот в фильмах показывают, что у таких людей, как Архаров, личный транспорт и служба и все остальные находятся в доме. Ну, чтобы под рукой. А здесь прям целая база и половина коллектива постоянно находится здесь.

— В принципе, так оно и есть. Но таково решение Архарова — он ценит личное пространство и минимум людей. Его предпочитаемый автомобиль действительно в основном находится всегда при нем, но иногда мы их меняем. Водитель чуть более семи часов всегда при Архарове, как и один из телохранителей в беспокойные времена, а второй здесь — занимается машинами. Потом пересменка, а потом опять. В другое время ребята либо тренируются, либо выполняют работу, которую теперь будешь делать ты.

— Эм, — я глотнула кофе, — мне прямо стыдно, а Архаров, он что, что-то вроде авторитета какого-нибудь?

Я попыталась найти больше информации о моём главном боссе в интернете, но позорно застряла на рассматривании фотографий, каюсь. Архаров не был классическим красавцем, он скорее больше походил на злодея с демонической внешностью — абсолютно не мой типаж, но... Я часами вглядывалась в фотографии из сети, всё больше и больше погружаясь в какое-то подростковое увлечение им. Как каким-нибудь далёким, недостижимым кумиром. Не хотелось бы, чтобы он бы преступником.

Михалыч негромко рассмеялся:

— Нет, он не связан с криминалом. Но статус и положение обязывает. К тому же, всегда есть конкуренты, недовольные партнёры, взбешённые уволенные работники. Были инциденты в прошлом, которые подтвердили, что не зря он нас всех держит. С бывшей женой будь аккуратнее, только. Я не люблю говорить за спинами людей то, чего у меня нет возможности сказать в лицо, но здесь другой случай. Она очень подлая женщина. Мы все радовались как за себя, когда он решил с ней порвать.

— Я же по сценарию буду здесь постоянно.

— По сценарию, — будто подтвердил, но с неким намеком ответил Михалыч и оставил меня доедать мой скудный обед.

Домой добралась к десяти утра следующего дня и свалилась спать без задних ног. Не разделась, зубы не почистила, я просто отрубилась лицом вниз, даже не разувшись.

Все же человеческий организм устает быстрее от сильнейшей умственной нагрузки, чем от физической. Меня больше никуда не посылали с заданиями, а просто оставили учить, учить и ещё раз учить. Сколько же там инструкций, просто не счесть! И ладно бы только к машинам, но ещё к компьютеру с программой диагностики, значение каждого кода я должна была знать.

На каждой пересменке ребята или занимались в зале, или что-то обсуждали тихими голосами с Михалычем, а порой и вовсе спали, аккуратно повесив свои пиджаки, чтобы не помялись.

Мне сказали, что я скоро привыкну, но верилось с трудом. Причем, скоро график изменится к суткам через двое. Кажется, у Архарова идёт какая-то бурная череда событий и встреч. Михалыч регулярно вносил изменения в графики дежурств, загоняя не только меня, но и ребят.

Хотя, я слегка погорячилась, меня особо не трогали в первый рабочий день, а вот на следующий...

— Форму взять не забыла? — Спросил Илья, как только я переступила порог ангара.

— Я в ней приехала, — указала на очевидное, выставив свою ногу, спрятанную за широкими спортивными штанами.

— Мы с Костиком поочередно будем заниматься твоей физической подготовкой, экзамен через две недели, — Илья постоянно оборачивался, будто в поисках кого-то. Но Костик сейчас на выезде, Михалыч ещё не пришел, а Виктор пытался урвать еще часик сна на неизменной лавочке.

И как там можно было толково отдохнуть? Она такая неудобная. Я позавчера пыталась пристроиться вздремнуть хотя бы пять минут, но либо она была чересчур жёсткой, либо совесть не позволила.

— Слушай, а это правда необходимо? — С тоской спросила, я никогда не была особо спортивной. Даже в школе частенько «забывала» форму дома, отчего регулярно получала нагоняй от бабушки, — мне же не надо ездить на выезды.

— А если форс-мажор? А если нам всем колени прострелят? Или ты думаешь, я это требование с потолка взял?

— Если вам всем колени прострелят, я тем более буду бесполезна, — с досадой буркнула в ответ на его грубый тон.

— Я от тебя устал. Упор лежачи, быстро! — Рывкнул вечно улыбающийся Илья.

Хотя, я его знала-то всего день, но он мне сразу не особо понравился, как оказалось, не зря.

Спустя тридцать с чем-то минут, которые показались мне вечностью, я готова была попрощаться с легкими, а еще с печенью и с селезенкой. Если кто-нибудь не знал, что именно колет в боку от быстрого бега, то вот вам информация из общей медицины: печень и селезенка. Они переполняются кровью и давят на свою собственную оболочку-капсулу. В оболочке находится много нервных окончаний, за счёт возросшего давления они и образуют острую боль. Если болит в правом боку — дело в печени, если в левом — в селезенке.

— Что ты там бормочешь? — Кажется, я это всё проговаривала вслух, — Ты хоть раз в жизни напрягалась хоть немного? — С удивлением спросил мучитель, всматриваясь в мое красное от нагрузок лицо.

Я бы ответила, но изо рта вырвался лишь предсмертный хрип. Парень, кажется, рассчитывал на более длительное истязание новенькой, но даже легкий толчок в мое лежащее неподвижное тело не дал никаких результатов:

— Ты только не помри здесь, я перед Михалычем на ковре стоять не хочу.

— Что здесь происходит? — Такого грозного тона от упомянутого всеу Михалыча я ещё ни разу не слышала, — Косицын, ты опять за своё? Сколько тебе сверхурочных ещё поставить, чтобы взялся за ум?

— Да это ради её же блага!

— Из меня что-то вытекает, — подала, наконец, первый признак жизни.

— Ты на бутылку с водой упала, дуреха, — в привычной манере усмехнулся Илья, — иди в душ, пока я из-за тебя еще сильнее не огреб.

Легче сказать, чем сделать. Меня оставили лежать на прохладном полу тренажерного угла, чему я была рада. Сейчас надо как-то собрать все свои кости вместе и поплестись в душ, но резко захотелось спать.

«Эх, Эдмундо, что ж ты так далеко?». Как же хотелось кофе. Или пол кило сахара. Или всё же откликнуться на зов и пойти к свету.

Плескаться в душе было слегка некомфортно. Тут такая голая я, а там с пол дюжины мужчин. Плюс ко всему, ванная комната закрывалась табуреткой изнутри, отчего не покидало ощущения, что я мылась в стеклянной комнате. Как истинная леди, убрала за собой все длинные светлые волосы с плитки, чтобы никого не смущать. Или мне так казалось, что они будут смущаться.

— Твой комбинезон, — перехватил меня Михалыч, когда я все еще в спортивном костюме направилась к сумке с формой, — задачи на сегодня...

Работать было удобно, не как в службе такси, где надо было заполнять кучу бланков по поводу каждого движения, лишней заправки, о каждом выполненном действии при осмотре авто чуть ли не рапорт составлять, а здесь не надо было ничего записывать, Михалыч давал мне распечатанный список задач в стиле «чек-лист»: сделала — поставила «галочку».

Целый день под бдительным надзором выспавшегося водителя Виктора я проверяла уровень масла в машинах, шины на проколы, фильтры и прочее. Виктор время от времени

удовлетворенно хмыкал, порой давал небольшие уроки, закрывая пробелы в моём опыте.

«Я прмдумала новую фишкц!» — пришло смс от Айрин, когда я обедала отварной гречкой с тушенкой. — «Лофи!»

«Твоя новая фишка- писать с немецким акцентом?».

Айрин писала, что заходило ко мне домой за аквагримом и бабушкиными тяжелыми портьерами, и вот сейчас я наблюдала за ней в образе мифической принцессы, которую якобы проклинал дядя Федя, обрядившийся в какие-то лохмотья. Я присмотрелась и расхохоталась: дядя Федя извалял выходное платье тёти Любы в пыли и напялил на себя, притворяясь бродягой.

«Блин, Айрин, круто, конечно! Дядя Федя жив там остался? Убежище не нужно?)» — с вилкой во рту отправила подруге.

— Ну-ка, а это у нас кто?

— Знаешь, больше твоей этой похабной улыбочки я терпеть не могу, когда заглядывают через плечо, — огрызнулась Илье, нависающему надо мной.

Тот попытался было выхватить мой телефон, но я, угрожая вилкой, спрятала его подальше от нахальных глаз.

— Кто-то с утра не в духе?

— А кто-то давно по хвосту не получал.

— Не слишком ли много гонора для такой мелочи, тем более во второй рабочий день? — Да, я понимала, что он просто дразнится, но сдержаться получалось плохо.

— Хочешь проверить? — Шипела ему, — могу устроить тебе такую веселую жизнь, что все врачи города не сразу поймут, что с тобой не так.

— Что здесь опять происходит? — Если бы можно было самой выбирать крёстного родителя, я бы выбрала Михалыча.

— Я просто Сеньке говорил, чтобы она салон камри пропылесосила, — Ильа поднял ладони в примирительном жесте.

— Я тебя сейчас пустыню отправлю пылесосить, — рявкнул на него Михалыч.

— Да я с мирными намерениями, а она отравить меня угрожала!

— Ты что, только что на меня наябедничал? — С искренним удивлением спросила телохранителя.

— Она может, в меде училась на отлично, — вроде бы фраза в мою поддержку, а стало очень неловко. Михалыч сказал «училась», а не «закончила».

Ничего-ничего, я ещё вернусь.

— Ты училась в меде? — С обидным удивлением спросил Ильа, — ты не обижайся, просто неожиданно. Как наткнуться в интернете на видео с читающим хомяком.

Не выдержав, кинула в его самодовольное лицо скомканной салфеткой. Ильа ловко перехватил её налету, и швырнул в меня обратно. Я уже была готова наброситься постыдным образом на него с целью выцарапать глаза, но меня остановил Михалыч:

— Не давай ему себя задевать, Сень, и всё станет гораздо легче.

Ильа перед уходом послал мне издевательский воздушный поцелуй. Может, идея с отравлением не такая уж и плохая? Я понимаю, что моя реакция могла показаться несколько преувеличенной, или чертой моего характера, но в свою защиту скажу: этот парень будто себе цель поставил — довести меня до белого каления.

— Этот Илья — тот еще гад, — голос Айрин в очередной раз заставил меня вынырнуть из дремы.

Мы наслаждались последними летними деньками в году, сидя во дворе за столиком за игрой в нарды. Я время от времени рассказывала ей о работе, особенно про вредного коллегу. Да и всему честному народу в нашем доме. За последние две недели он меня настолько достал, что сил моих больше не осталось. Или это из-за регулярных тренировок. Или из-за сбитого графика, к которому я так и не привыкла. Даже помидорки тёти Розы больше не поднимали настроения.

За последние две недели я, кажется, мира не видела, только машины, машины и ещё раз машины. Зато подружилась с Бони и Клайдом — с камри и лексусом, которые то отгоняла в автосервисы, то забирала. Только эта моя любимая парочка ни разу не преподносила мне никаких сюрпризов.

Майбах мне не доверяли. Кстати, я его узнала, когда Виктор и Костик пригнали авто на базу для диагностики. Именно он притормаживал возле нас с Айрин, когда мы сделали «лакшери» фото с розами в лексусе, принесшее подруге тысячи «лайков». А после получила первый нагоняй от Михалыча: оказывается, тогда-то нас и застукала «почти» бывшая жена Архарова. Она подумала, что у её благоверного кто-то в лице Айрин завёлся на стороне, поэтому магнат недвижимости и получил свою вечернюю дозу скандала со слезами, угрозами, заламыванием рук и прочими классическими женскими премудростями, а они даже не живут вместе.

А от Айрин получила полкило шикарных кофейных зёрен двойной прожарки, фото вышли улётными.

Архаров, судя по краткому пересказу Костика, не особо переживал, просто был раздражен, поэтому, в свою очередь, сделал небольшой выговор и моему шефу, а тот по цепочке отругал меня. И начал сильнее гонять, на радость Илье.

Мысли о том, что я облажалась перед Архаровым была по мне сильнее всего. Подозреваю, что мы с ним и не увидимся-то никогда, что он и забудет про своего мелкого сотрудника вскоре, но перед глазами таких мужчин, как Марк, любая девушка захочет выглядеть более достойно, а не как нашкодивший котёнок.

Надо реже его фото листать перед сном...

И да, каждое утро я, сжав зубы, выполняла целую цепочку диких упражнений, после чего регулярно проводила в легкой коме ещё часа пол. С Костиком было проще, он все время отвлекался на маленький блокнотик, в который записывал что-то с таким завидным усердием, что хотелось посмотреть, что же там такое. Поэтому тренировки с ним были больше похожи на лёгкую разминку. Илья внаглую пару раз пытался вырвать блокнот пару из рук, но даже весьма накаченному парню не сдвинуть это гору мышц, который мог одним сжатием ладони сломать кому-нибудь что-нибудь важное.

— Сеньк, дочка, давай мы с ним потолкуем? По-мужски, — тряс кулаком дядя Федя, набивая другим самокрутку махоркой.

— Ишь чего, ты раньше мог потолковать по-мужски, — тетя Люба крепким подзатыльником выбила самокрутку изо рта своего мужа, — сейчас только хуже девочке сделаешь. Не слушай его, Сень, — она уселась за соседний столик, подперев пухлую щеку

кулаком и по-доброму посмотрела на меня, — ты нам скажи, чем помочь можем? Сама подумай и скажи, не инвалиды.

Соседи дружно закивали, готовясь идти с вилами и ходулями наперевес навстречу моим обидчикам. И неважно, что в таком случае всем поголовно придется вечером мерить давление и делать успокаивающие чаи с ромашкой, а кому-то и уколы, все равно горой стоять готовы. Кстати, сегодня как раз таки десять литров ромашкового чая были залиты в наш аппарат с газировкой, что очень не понравилось дому напротив:

— Наша очередь была заливать! — Кричала баба Катя с лавочки на другом углу двора.

— Вы в прошлый раз сладкую воду залили и все забилося! — Тетя Роза никак не могла успокоиться такому кошунству, — и вообще, аппарат заливаем до восьми утра.

— Да! — Поддержал жену дядя Мойша, — последнему поросенку сиська у ж... Ай! — Второй сосед получили увесистый подзатыльник от своей жены. А ещё даже полудня нет.

Я сделала первый платеж «третьему лицу» по кредиту из денег, которые мне дали в службе такси при увольнении. Видимо, я что-то не так подсчитала, свободных средств осталось совсем ничего. Но все равно сбегала в магазин купить пирожных и чересчур сладких лимонных конфет своим друзьям, которые в последние дни поддерживали, подкармливали и будили меня как могли. Один раз дядя Мойша даже приехал на своей старенькой Оке и привез мне армянский хаш с еврейской мацой на обед, которые отобрал Илья. Правда, Костик, узнав об этом, поделился со мной своим бутербродом с локоть, но всё равно было обидно.

Но завтра должен быть аванс, так что посмотрим на сумму и рассчитаем уже более внимательно, как жить дальше.

«Два-семь-два, ответьте» — раздалось из рации, которая несколько чужеродно смотрелась на нашем пенсионном пикнике.

— Никогда не слышала, как звучат эти шлуки, — Айрин даже дернулась от стрекочущего звука.

— Я уже привыкла, — набила рот эклером с вареной сгущенкой, — все в толк не возьму, зачем мне это. Михалыч общается со мной только по телефону.

«Два-семь-два, ответьте» — повторил хриплый, прерывистый, незнакомый мне голос.

— Кого-то ищут, — с умным видом кивнул дядя Мойша, скручивая тайком самокрутку для дяди Феди.

— А кто такой два-семь-два?

— А я без понятия, — пожала плечами, блаженно вытягивая ноги в шортиках и подставляя лицо нежному солнышку.

Сейчас выпью чай, дома попрошу Эдмундо о горячей и крепкой услуге и завалюсь спать часов до семи вечера.

«Сеня, мать твою, ты где?!» — кто-то проорал настолько резко, что я аж подскочила.

Два-семь-два — это я, что ли? Надо было и эту инструкцию внимательно изучить. Вторая неделя и второй косяк.

— Как это включается? — Панически тыкала на кнопки, ожидая, когда загорится зеленая лампочка, — как в тебя говорить-то, шайтан-машина?

— Неуч, смотри, — дядя Федя, шурясь от едкого дыма, указал на кнопку, — зажимаешь и в этот микрофон говоришь.

— Вы там скоро трещалку выключите? Людям отдыхать не даете! — Вновь послышалось из другого угла двора.

— Да помолчите уж! — Крикнула тетя Люба, — а то скоро на погосте отдыхать будете.

— Два-семь-два, э-э-э, здравствуйте, — рация хрипнула, давая понять, что сообщение отправлено, — прием?

«Никто не говорит «прием», балда ты, два-семь-два» — раздалось в ответ после характерного «хрипка».

— Илья, — прошипела в рацию, догадавшись, чей это голос так звучит, — да я тебя...

«Два-семь-два, на базу. Срочно» — рация хрипнула в последний раз и замолчала.

Моя была настроена на определенную волну только нашей смены, поэтому, казалось, сегодня все утро было тихо. Может, вчера что-то и происходило, но я, как обычно, не слушала.

Внутри пополз липкий холодок, заставив подпрыгнуть на месте и рвануть за формой и комбинезоном. Пофиг, там переоденусь.

Дядя Мойша с тетей Розой вызвались подвезти меня. Я их долго отговаривала от того, чтобы войти внутрь со мной, аргументируя это тем, что, если срочно вызвали, значит что-то случилось. Грозная парочка готова была идти грудью на амбразуру, даже на охранника слегка набросилась, но под несгибаемым «не положено» все же отступили и с сопением, неспеша побрели к красной старушке с прогнившим днищем.

«Заработаю денег и отремонтирую им этого динозавра» — дала себе зарок, глядя им вслед.

С плохим предчувствием, толкнула входную дверь.

— Пингвины? Тебе что, семь? — Илья прошелся насмешливым взглядом по моим голым ногам и остановился на футболке с милейшими пингвинчиками.

— Они самые симпатичные в мире птиц, отстань.

— А ты знала, что пингвины могут совокупляться с мёртвыми самками часами, пока не поймут, что что-то не так? Да и когда поймут, в большинстве случаев им будет наплевать, и они продолжат.

— Во-первых, тебе не убить эту любовь между мной и ими, — фыркнула в ответ, направляясь к шкафчикам, — а во-вторых: фу. Ты отвратительный.

Сегодня была не моя смена, но Леонид был здесь, что-то сосредоточенно вычитывая в планшете, Костик, как выяснилось, был на выезде, а Михалыч у босса.

— Зачем вызвали? — спросила нахала, переодевшись в комбинезон.

— А сегодня, милая наша Сеня, — начал Илья с той самой улыбочкой, от которой приличным девушкам захотелось бы зарядить перцовкой в его лицо, — сегодня ты сдаешь экзамен по физподготовке.

— Сегодня? — Внутри что-то оборвалось, — а заранее нельзя было предупредить? Я бы поспала и не ела эклеры! И надо было ради этого моих соседей пугать срочным вызовом?!

— Ты споришь со старшими? А ну во двор!

— Я тебе что, дворняга? — Не больно, но сильно стукнула Илью в плечо, — тон подбирай. Ты кем себя возомнил?

— Тем, кто как раз таки и принимает экзамен. Пошла.

Переобувшись в удобные кроссовки, двинулась к выходу на внутренний двор. Это была огромная территория, по периметру которого стояла наша база, склады и высокое офисное здание, из окон которого на меня почему-то смотрели с разных этажей незнакомые лица. Все это принадлежало нашему боссу, то есть Архарову. Я так и не вникла до конца, чем он конкретно занимается: то ли застройщик, то ли покупает недострои и продает уже готовые

проекты — неважно на данный момент. Сейчас меня ждала полоса препятствий из веревок, наспех сооруженной стены, какой-то паутины из бечевки, которую мне предстояло пройти на глазах у коллег с другой смены, на глазах у пары десятков незнакомцев из офисного здания и под гнетом противного Ильи.

— У меня зрение хорошее, но я, даже напрягаясь не могу рассмотреть, как это все проходить, — меня больше всего смущала «паутина». Если неудачно в неё упасть, можно и шею сломать в тугих, натянутых нитях.

— На все у тебя шесть минут, десять секунд, — Илья помахал секундомером, открытым на телефоне, — пройдёшь — останешься, а если уж провалишься, что ж... приятно было познакомиться.

— Почему именно шесть и десять? — Будто это главная моя проблема.

— Дата моего рождения, я сентиментален, — Илья с актерской скромностью пожал плечами, с усмешкой оборачиваясь на «команду поддержки», от которой послышались тихие смешки.

Ну что ж. Работа мне нужна, кофеин бы тоже не помешал, но что имеем, то умеем.

Проверила кроссовки на скользкость и пошла на линию старта, прочерченную мелом и с надписью «Беги, Сеня, беги!». В ушах звенело, я даже не различала разговоры за спиной, которые становились громче с каждым моим шагом к началу полосы препятствий.

По-моему, кто-то даже окна открыл и свесился с подоконника.

— За фальстарт снимаю сорок секунд, — наглым тоном бросил Илья.

— Твои слова в первую брачную ночь? Что же тогда останется? — Огрызнулась в ответ, вызвав смех у наблюдающих.

В отместку Илья «на старт, внимание, марш» проговорил так быстро, что я замешкалась. Нет, я всё-таки стартовала, но моё прохождение заняло совсем немного времени, как ожидалось: после натянутых параллельных веревок, которые я перемахнула аки газель кусты, вскарабкалась на деревянный щит, играющий роль стены. Как оказалось, щит был ни чем не закреплен к земле, отчего мы с ним о-о-очень медленно стали заваливаться прямым в «паутину», в которой я благополучно и абсолютно намертво застряла.

— Сень, это даже лучше, чем я ожидал, — Илья от хохота даже по коленке стучал.

Наши коллеги тоже смеялись, только тактично старались спрятать смешки за кулаками и направились ко мне, чтобы освободить мое повисшее тело в позе свастики.

— Нету никакого экзамена по физподготовке, так ведь? — Со стоном спросила я.

— Нет, извини, крошка.

Мне кажется, что-то подобное я и подозревала.

***

— Переодевайся в костюм, галстук отобрал у Ильи, бери. Сегодня ты на выезде с госпожой Архаровой, — Михалыч по приходу осмотрел довольного, как чеширского кота Илью и насуспенную меня, спросил, что у нас случилось, но я молчала в тряпочку, вынашивая план мести. — Старшей. У нас небольшой форс-мажор, так что свободных водителей нет. Бери лексус и направляйся к дому Архаровых. Только все в темпе.

Наспех переделалась и попыталась завязать галстук в узел, но выходило криво.

— Не обижайся, детка, — на помощь пришел Илья и перехватил галстук из рук, — мы всем устраиваем посвящение, но прежние способы не подходят девушкам. И, кстати, я ставил на то, что ты пройдёшь хотя бы половину, другие на то, что ты и стартовать откажешься.

— Так был еще и тотализатор? Я хочу свою долю, я чуть шею там не свернула!

— Надо было раньше интересоваться жизнью команды, а не прыгать по базе в наушниках.

Илья слегка толкнул кулаком мой подбородок, что должно было казаться подбадривающим, но меня только разозлило.

Собрав длинные, светлые волосы в низкий, тугий пучок, надела пиджак и пошла к Клайду.

— Ну что, дружище, первый выезд? — Погладила приборную панель, — ты у меня умничка, а я тоже попытаюсь быть с тобой нежной.

Михалыч разрешил пользоваться навигатором, тем более, туда с планшета он уже отправил предстоящий маршрут госпожи Архаровой старшей по нескольким адресам. Волнения как такового не было, даже обрадовалась, что можно проветриться на выезде, а не смотреть в наглые глаза механиков автомастерских, которые сдирали втридорога за плёвые работы. И не впервой мне этим было заниматься.

Дом, а точнее особняк Архаровых впечатлял своим величием из камня и дерева. Вот это я понимаю — русский стиль! Высокие, несимметричные, каменные стены гармонично смотрелись с балками из обтёсанного темного дерева. Огромные панорамные окна «отзеркаливали» дневной свет, не позволяя любопытным носам заглянуть внутрь.

Зарулила на подъездную дорожку и встала прямиком за черным Майбахом. Вот за руль этой машины я бы сесть не рискнула. Некоторые грузовики в длине короче легендарного немца. А разворачиваться как? А парковаться?

Виктор стоял у пассажирской двери, сложив руки за спиной. Я повторила его позу, с важным видом ожидая свою пассажирку, вылавливая из памяти фото с её лицом. С одной стороны — ничего нового для меня: важная персона, а я — водитель для неё.

У входной двери послышались голоса.

Мать Архарова — Зинаида Александровна, по-королевски держала осанку, зацепившись за локоть своего статного сына.

У меня перехватило дыхание. Я не готова была столкнуться с тем, чьё имя у нас произносят чуть ли не шёпотом, и чьи фото я рассматривала почти каждый, подпитывая розовый туман в своей голове. Это как встретить Джонни Деппа вживую или Ли Шана из «Мулан» — фото и близко не передавало весь тот флёр из силы и властности, который окружал его. Высокая фигура была обтянута в явно сшитый на заказ костюм-тройку. Темно-русые волосы аккуратно уложены чуть набок. На волевом, гладковыбритом подбородке темнела ямочка под чуть тонковатыми, четко-очерченными губами.

Марк Васильевич не был слащаво-красивым. Если сравнивать беленькие яхты богачей, то Марк был скорее как авианосец: сильным, бескомпромиссным, завораживающим, но слегка пугающим. Словом, он выглядел как мужчина, с которым я ни за что не решилась бы флиртовать и через миллион лет.

Сзади шел Костик, хмуро сканируя территорию. Когда он мимоходом посмотрел на меня, его взгляд просветлел. Он отсалютовал мне двумя пальцами за спиной Архарова, а после кивнул на Зинаиду Александровну, намекая, что она не так страшна, как хочет показаться.

Мать клюнула Марка в обе щеки и проследила за тем, как он садится в Майбах и уезжает, так и не взглянув на меня.

— Мне сказали, что у меня будет новый водитель по имени Сеня, но я ожидала увидеть

нечто иное, — как будто выговор получила, вместо приветствия.

— Добрый день, Зинаида Александровна, прошу, садитесь.

Проигнорировав открытую дверцу, женщина продолжала сканировать меня своими карими, как и у сына, глазами.

— Ты — стукачка? — В меня вперился указательный палец с таким огромным бриллиантом, что можно было купить оба наших дома вместе с участком и Окоём дяди Мойши. Ну, то есть, я предположила, что бриллиант настоящий. Но сверлить камень глазами и дальше было бы невежливо.

— Что, простите?

— Ты — ябеда, спрашиваю?

— Замечена не была, — я опешила, — мэ. То есть, госпожа, то есть...

— Не трясись. Погнали, красавица.

Завела Клайда и сверилась с навигатором:

— По плану у нас магазин шляпок, а потом кондитерская, всё верно?

— В чан эти планы, отключи навигатор и поехали по адресу, где это он, — Зинаида Александровна закопалась в своей увесистой сумочке с эмблемой «Chanel», что-то бормоча себе под нос. На свет появлялись и тут же исчезали неизменные женские мелочи: зеркальце, помада, кокетливый дамский блокнотик. Только маленькой фляжке было уделено чуть больше внимания, чем остальным жителям ридикюля — Зинаида смачно хлебнула из неё, а потом без особой нежности швырнула обратно в сумочку, — а вот адрес, сюда смотри.

— Зинаида Александровна, при всем моем почтении, может, нам не стоит ехать туда? Район неблагополучный.

— Ты спорить со мной вздумала? Или ты думаешь, что знаешь лучше меня, куда мне надо?

— Может, возьмем кого-нибудь из ребят со смены, как дополнительное прикрытие? Мало ли что, — почти взмолилась, глядя в хмурое лицо своей пассажирки.

Михалыч чётко дал понять, что я должна следовать строго по заданному маршруту. Зинаида Александровна, по его словам, очень своенравная женщина. Настолько своенравная, что Марк время от времени сажает свою мать под домашний арест, как нашкодившую школьницу. Мне очень и очень не нравилась идея соваться в район, который частенько мелькает в вечерних новостях: то там прирезали кого-то, то ограбили. Мы можем зайти куда-нибудь на пять минут, а местные аборигены успеют снять колёса и поставить Клайда на кирпичи. И туда я должна была отвезти мать короля недвижимости?

— Ты еще и сдать меня решила? Зачем тогда шла сюда работать, раз кишка тонка? Так и будешь прятаться за спинами других, а? Кого спрашиваю?! Мне шляпки дурацкие днями выбирать, что ли?

То ли из-за её выговора, то ли из-за страха потерять работу, а может я просто подумала, что ничего такого не случится, но после минут десяти моих аккуратных фактов «против» и её эмоциональных аргументов «за», я всё же сдалась.

Сжав зубы, отключила навигатор и поехала по указанному адресу, перебирая в памяти все атрибуты самозащиты, находящиеся в машине.

А таким божьим одуванчиком шла под руку со своим сыночком. Ох, чувствую, придется туго мне с этой дамочкой.

Всю дорогу до адресата, не вызывающего у меня никакого доверия, тряслась как осенний лист. Мне казалось, что вот-вот начнется погоня с мигалками, потом прижмут к обочине и обвинят в похищении матушки денежного магната всея Руси. Она со всхлипом бросится на широкую грудь сыночка и молвит: «Я просто пошутила, но за шляпками мы так и не поехали».

Архаров мазнет по мне своим взглядом, от которого трясутся поджилки, бросит сквозь зубы: «Расстрелять». Почему-то казалось, что именно сквозь зубы. А в расстрельном отряде будет, конечно же, Илья. И перед смертью я увижу его противную усмешку.

Или вот ещё сценарий: Зинаида Александровна зайдёт в этот страшный дом, но долг не будет выходить. Я, вооружившись перцовкой и храбростью...

— Ты меня вообще слушаешь? — Раздалось возмущенное с заднего сидения.

— Простите, задумалась.

— О чём же ты таком важном думаешь, раз игнорируешь мои указания?

— В данный момент, как меня поджарят на электрическом стуле, если с вами что-нибудь случится. Я же и доказать ничего не смогу, — вырвалось чисто случайно, — а до этого думала о том, как ваш сын приказывает меня расстрелять из-за того, что с вами могло что-то случиться.

Неожиданно Зинаида рассмеялась. Да так громко и заразительно, что и меня слегка отпустило. Ну что может случиться? Чуть что, хватаю старушку, пихаю в машину и «по газам».

— Маркуша не такой кровожадный, — Маркуша? Все равно что авианосец назвать «Русалочка», — я взрослая женщина и сама принимаю решения, когда стоит рисковать, а когда — нет.

— Значит, мы все же рискуем, направляясь туда? — Посмотрела в зеркало заднего вида на женщину, которая сменила гнев на милость.

— Вот что тебе скажу, Есения, — она отстегнула ремень безопасности и подвинулась ко мне почти вплотную, — ты, главное, никому не рассказывай, что мы нарушили график, а то Марк опять меня в доме запрет.

— Опять? За что?

— За то, что я, якобы, его чересчур опекаю. Но я-то точно знаю, что моему сыну грозит опасность, но мне никто не верит...

Как выяснилось, материнское сердце просто кричало о том, что ее сыну кто-то настойчиво пытается причинить зло. В последние несколько месяцев Марка просто преследует какая-то череда случайных происшествий, но служба безопасности «гады такие, только штаны протирают» ничего не нашла и никакой взаимосвязи не обнаружила.

— Вот, сдаётся мне, не зря эта череда неудач пошла, не к добру, — Зинаида Александровна опять приложила к фляжке, — он даже в душе упал и голову расшиб, ты представляешь?

Представлять-то представляю, но ситуация в корне поменялась. Либо у Зинаиды Аркадьевны обострённая паранойя и потакать ей — неверное решение. Либо она в основном торчит дома и от скуки выдумала детективную загадку, а уж после решила поиграть в миссис Марпл. Чему потакать тоже — себе дороже. Тем более, это может привести к плачевным

последствиям.

В голове опять возникли образы погони и грозного Марка Архарова с его «расстрелять».

— Я знаю, как работает служба безопасности, — начала аккуратно я, — уверяю, они землю носом рыть будут, но найдут, если есть что искать.

— И ты туда же! — Зинаида Александровна со всей злости стукнула по сиденью, — думаешь, я поехавшая старушка? Говорю тебе, что-то происходит, куча мелочей, на которые даже внимания никто не обращает.

Медленно выдохнула, сбавила скорость и припарковалась у обочины, включив аварийку.

— Зинаида Александровна, со всем моим почтением, но не могу участвовать в том, что может подвергнуть вас опасности, — аккуратно и очень медленно повторила ей свою здравую мысль. — Также не могу оставить без внимания тот факт, что вы сами себя можете подвергнуть опасности.

В ее глазах вспыхнула ярость:

— Все же решила меня сдать? Считаешь, что я не отвечаю за свои слова и умом поехала? — Ну, вроде как да, приблизительно так я и считала. Только вслух не скажу ведь об этом.

— Я не собираюсь вас сдавать, — соврала в лицо, пытаюсь утихомирить свою ВИП-пассажирку, — просто пытаюсь найти выход из ситуации, который устроит нас обеих: для меня ваша безопасность и комфорт превыше всего, — вылечу с этой работы, пойду слоганы клепать. Ловко у меня получается, а?

— Вот что, Есения, я клянусь, что без твоего ведома я никуда соваться не буду, — а я-то здесь причем? Ох, точно надо доложить Михалычу, — сейчас мы едем в детективное агентство, пусть они отработывают задаток, который я им оставила. Клянусь, засяду дома и ничего делать не буду. А ты будешь моими ушами и глазами на том параде сосисок, где работаешь.

Ух ж ты. Зинаида Александровна выглядела как истинная британская аристократка в ее чопорном костюме и с прической, как у меня, и такие словечки!

На секунду задумалась. Судя по всему, если уж ей что пришло в голову, то отступать она вряд ли собирается, а так действительно будет сидеть дома и ждать от меня новостей, которых, я точно верила, не будет.

— Клянётесь? — С подозрением спросила ее, наплевав на субординацию.

— Раз уж у меня будет молодая сообщница, то клянусь, — строго ответила она, — но при условии — никому ни единого слова. Поняла?

— Поняла.

***

В следующий раз мы поспорили, когда она танковым ходом отправилась в одиночку в кабинет к «детективу», который у меня так и не вызвал доверия. Я ожидала на колченогом стуле в обшарпанном коридоре в обнимку с перцовым баллончиком, который всё же прихватила с собой. От греха подальше.

Прошло уже больше часа, как она исчезла за дверью без таблички, а мне уже осточертело ждать. И спать хотелось просто дико. Я, конечно, успела подремать в прошлую смену, но лёгкой дрёмой на заднем сидении Бони не заменить полноценный отдых, да и развивающиеся события высасывали энергию без остатка.

Михалыч поинтересовался, почему я отключила навигатор, и я ответила честно:

желание Зинаиды Александровны. Всё же он — мой шеф, а не она.

Я уже устроилась поудобнее и прикрыла глаза, как телефон оповестил о входящем сообщении.

«Что за?..» — Всмотривалась в текст, без особого доверия.

— Михалыч? — Он поднял трубку после второго гудка, — мне пришло сообщение об авансе, тут какая-то ошибка в сумме.

— Бухгалтерия опять напутала? — Послышался усталый вздох, — я им сообщу. Сколько не доплатили?

— Нет, не в этом дело, наоборот. Мне кажется, они выдали зарплату сразу месяца за два, а то и за три.

— Сень, сдаётся мне сумма верная. Ты контракт внимательно читала, когда подписывала? Хороший заработок за конфиденциальность и нагрузку. Ты получила свой аванс, но я уточню на всякий случай.

— Угу, спасибо, — ошалело пробормотала я, невежливо положив трубку на полуслове.

Посидела ещё несколько минут, всматриваясь в сумму, в раза полтора превышающую мой заработок в такси за целый месяц. Кажется, моё восстановление в меде — уже не далекие мечты, а ближайшие планы.

— Айри-ин! — Пропищала в трубку, как только прервались гудки, — я наконец куплю тебе суши и новый смеситель себе в душевую! И корвалола дяде Мойше, сколько он захочет!

— Сенья, это опять Михалыч, — раздался добрый смех.

— Угу, извините, — от смущения я опять невежливо бросила трубку и предприняла вторую попытку:

— Айри-ин! Я богата! Я своей девочке целую гору суши куплю!

— Ого! Я вина домашнего у бабушки возьму! Тебе красного или красного? — Запищала в ответ подруга, — ты сегодня поздно будешь?

— М-м-м, красное не хочу, давай красное! — Рассмеялась в ответ, — я не знаю. Надеюсь, что не очень. Мне завтра опять на смену, а спать уже хочется, хоть ты плач.

Дверь кабинета распахнулась так резко, что я подскочила, чуть не выронив телефон. Бросив подруге, что перезвоню, вопросительно уставилась на Зинаиду Александровну.

— Ну, что встали? Пойдём в кондитерскую, «шляпки» обмывать, — с хитрым прищуром Зинаида Александровна схватила меня за локоть и потащила на выход.

***

— На-аро-о-од! — Закричала я у окон нашего дома престарелых. — Па-адье-о-ом!

Домой я добралась к девяти. Мне пришлось за чашкой горячего шоколада с печеньями выслушать весь «гениальный» план от Зинаиды Марпл. У нее был список подозреваемых, которые, по её мнению, желали вреда её сыну. Но Марк Архаров упорно продолжал с ними сотрудничать. Так вот, тот самый детектив, которому Зинаида отвалила целое состояние, должен был нарыть всю подноготную на каждого из списка: начиная с того, о чем они думают по утрам, до цвета их любимых пижамных штанов.

Но она уверила меня, что затихариться дома и будет вести себя хорошо, при условии, что я сохраню секрет. Иначе ей придется делать всё самой. Вспомнилось хмурое лицо Зурыгина без уха, который, казалось, мог одним грозным взглядом поднять на поверхность все самые потаённые секреты.

Вернувшись на базу, я всё-таки аккуратно рассказала Михалычу о характере своей новой знакомой. Точнее так, чтобы не сильно нарушить наш с ней уговор.

— То есть, она попросила отключить навигатор, чтобы мы не видели ваш маршрут, и поехать не по назначению?

— Ну почти так. Она хотела поговорить со старым знакомым, — я ёрзала на стуле, не привыкла лгать. Но и моральные принципы не позволили окончательно подорвать доверие матери Архарова, — она думает, что Марку Васильевичу что-то угрожает, вот и пытается найти того, кто это может быть. Но она просила ничего никому не говорить. И мне сейчас дико стыдно, что я первым делом пришла и всё рассказала.

Михалыч устало откинулся на спинку кресла. Мне стало неловко еще и из-за того, что я вылила ушат проблем и на его голову.

— Ты все правильно сделала, Сеня, — наконец выговорил он, — ей не нужно знать, но её подозрения не беспочвенны. У нас в стране в сфере девелопмента всего четыре основных игрока. Один из них — наш босс.

— Матушки святы, он настолько богат? — Невежливо вырвалось у меня, пока в голове высвечивались совсем уж космические суммы, — зачем ему вообще работать?

— У миллиардеров зачастую основные средства в обороте, в активах, а не хранятся на счетах. Деньги приносят деньги, Сень. Но мы отвлеклись: бывший тесть Архарова не единожды предлагал слияние, но Марк так же не единожды ему в этом отказывал. Мы напрямую ничего не нашли, но вокруг Архарова действительно беспокойно. И косвенные улики и догадки ведут к бывшему тестю. К Бедину.

О-па, рано я старушку к нездоровым приписала.

— Я тебе все это сейчас выложил лишь потому, что ты, рассказав о задумке Зинаиды, доказала свой здравый смысл и преданность, если хочешь. Это не такая уж и закрытая информация, но всё равно, будь аккуратна. И поосторожнее с новыми знакомствами. Мы тебя не светим, но моих ребят в свое время окучивали и репортеры, и шпионы. Архаров очень не любит, когда нарушают слово, данное ему

— Поняла, — прошептала я, кивнув для большей убедительности.

На выходе из базы меня перехватил Виктор, тонко намекнув, что у них есть традиция «проставляться» за первый аванс или зарплату. Под тонко намекнул, я имею ввиду его вопрос: «Ты же не забыла?».

Конечно, не забыла, нельзя забыть о том, чего не знаешь.

И вот сейчас я нарушала своим криком под окнами покой цивилизацией забытого уголка.

— Что случилось, Сенечка? — соседи начали высовываться из окон. Те, чьи окна выходили на другую сторону дома, пришли к соседям и тоже выглянули посмотреть на орущую меня.

— Мне опять нужна ваша помощь, — встала на лавочку, чтобы меня было лучше слышно, — я буду вам месяц покупать сладости к нардам, клянусь!

— Ой, Сенечка, брось глупости говорить, что случилось-то?

— Мне завтра к шести утра надо принести на работу еды на семерых мужчин, каждый из которых ест как отдельные семь мужчин, — взмолилась я, — продукты по списку все куплю, мне только надо знать что. И надо накормить их, как кормите своих внуков! То есть, на убой.

Соседи оживились. Меня слегка мучила совесть, что не даю людям отдохнуть в их почтенном возрасте, но деваться было некуда. Ни одна доставка не была готова обработать такой большой заказ к шести утра. Про еду из кулинарии и вовсе молчу — это я могла её

есть, но не остальные.

А готовить я не особо умею, вот и...

— О, я фалафель приготовлю! И питу, — оживилась тетя Роза.

— Я пирожков с легкими напеку, Сенечка, а аллергии у кого-нибудь есть? — Свесилась ещё ниже тетя Люба.

— Вроде нет, — почесала кончик носа, — диктуйте список продуктов, Айрин, на выход!

С Айрин мы двинулись в магазин с громадным списком продуктов для блюд разных национальностей. Даже на Новый Год таких столов не накрывают: женгялов-хац — это вообще что? И рыбный торт был, и целый ворох бутербродов, всяких блинов с различными начинками и драников.

— А красавчики у тебя там есть? — Поинтересовалась Айрин, толкая тележку.

— Даже не знаю, — пробубнила я, вчитываясь в список, — что здесь написано?

— Тростниковый сахар, — удалось ей разобрать мой подчёрк, — совсем нет?

— У меня не самые теплые чувства к моему коллективу, кроме, разве что, Михалыча и Костика, но оба — не твой вариант.

Айрин некоторое время толкала тележку молча, а потом задала вообще неожиданный вопрос:

— А когда ты займешься личной жизнью?

— Ты спятила? — Я чуть не споткнулась на ровном месте, — с чего мне вообще про это думать?

— Милая, ты у нас умница и все такое, и внешность такая, что только на обложках журналов красоваться, но ты все на себе одной тянешь. И забила на себя, откровенно говоря. Ты хоть обращаешь внимания, как парни и мужчины смотрят вслед? Да за ними скользкая дорожка из пущенных слюней.

— Фу, — я захихикала чуть более кокетливо, чем хотелось бы, — и как это я забила на себя?

— Когда ты в последний раз наряжалась куда-нибудь? Делала укладку? А маникюр? Или с кем-нибудь пила кофе?

Я задумалась. Получается, на самом деле очень давно, еще когда была студенткой, но даже тогда мои свидания можно было пересчитать на двух пальцах руки. Все из-за учебы.

— И где мне знакомиться? Я постоянно либо сплю, либо на работе. Михалыч говорит, скоро станет попроще.

В голове пронеслись слова о врагах Марка Васильевича. Получив аванс в таком размере сегодня, вынуждена признать, я теперь тоже верна начальству.

— Ну-ну, — резюмировала Айрин, переключаясь на другую тему.

Но осадок-то остался. Я не была чушкой, наоборот, пыталась всегда выглядеть аккуратно и достойно. Куда мне краситься? Под капоты машин лазить? Про маникюр вообще молчу — пара проверок шин, пусть и в перчатках, и маникюру придет конец.

А хочу ли я на свидания? Наверное, скорее нет, чем да. Сейчас все крутится круговоротом событий. И я без понятия, где знакомиться с молодыми людьми. На улице? Как-то не по себе от этой мысли.

Оставим до лучших времен.

На работу приехала с целым багажником еды. Даже угостила сонного таксиста пирожком. Я-то успела пару часиков поспать, пока мои друзья до утра кашеварили, но отдавали «заказ» очень довольные. Не спали ведь до утра, прямо как в молодости. Перецеловав всех в щеки, я сделала забег по подъездам, собирая контейнеры вкусно пахнущей еды, которую сейчас волокла не без усилий.

У входа меня встретил Костик, который, спрятав неизменный блокнот в карман брюк, весьма резво для своей комплекции бросился мне помогать с сумками.

— Вот это да! — Восхищенно протянул Леонид, когда я открывала контейнеры и раскладывала одноразовые тарелки.

Понимала его восторг: у самой слюнки текли при взгляде на блинчики с ветчиной и тягучим сыром.

В виду неких событий вокруг Архарова, наши смены смешались. Сейчас за импровизированный стол усаживались ребята, которые мне не были знакомы. Но, по всей видимости, они знали обо мне: кто-то приветствовал сдержанным кивком, а кто-то даже пытался смущенно похлопать по плечу. Мне даже самой неловко стало.

— Чем это у нас таким вкусным пахнет? — Михалыч, как всегда, пришел чуть позже всех, но зато сразу же направился к нам, отложив дела на потом.

Не было никаких приветственных речей или что-то вроде того, все сразу набросились на ещё горячую еду. Мне показалось, что у них такое — редкость. Вряд ли меня обманули, заставив притащить угощения всей честной компании, скорее просто новичков здесь давно не было.

— Неужели сама готовила? — Спросил бритоголовый здоровяк, имени которого я не знала.

— Мне помогли, — я уже успела съесть два блинчика, и сейчас ответила с набитым третьим блином ртом, — друзья.

— Мне бы таких друзей, — протянул Леонид, который у нас, по всей видимости, любитель картошки.

Он съел почти всю огромную тарелку драников, а сейчас вытянулся на стуле, скрытно, как ему казалось, расстегнув верхнюю пуговицу брюк и расслабив ремень.

Как я его понимала. Мне бы еще вздремнуть и было бы вообще идеально. Я вяло слушала веселые истории из жизни парней, осоловело переводя взгляд с одного на другого, даже не пытаюсь уловить общий смысл.

Мне всегда нравилось вкусно поесть, что уж греха таить, и вот сейчас, даже после несметного количества блинов чудом уместившихся в моем животе, гипнотизировала тарелку с пирожными с белковым кремом, в ожидании, когда возле блинов появится место.

— Зинаида Александровна от тебя в полном восторге, — Михалыч подошел ко мне поближе, потягивая чай из неожиданно изящной фарфоровой чашки, которая смотрелась слегка чужеродно в этом царстве машин и тестостерона, — если опустить эпитеты, которыми она наградила других водителей, то ты у нее в приоритете.

— Это хорошо? — Я не была уверена, вспоминая наше с ней знакомство.

— Даже не знаю, я бы поостерегся, — Михалыч еще пообщался с нами, а после ушел в свой кабинет, оставив клюющую носом в тарелки команду.

Если вы встретили человека, способно доставить вам кучу проблем, и тот заявил, будто вы его любимчик, поостеречься стоило. Я думала, что наше знакомство с Зинаидой Марпл будет коротким, то есть, близкое знакомство, но слова Михалыча звучали так, будто у меня будут проблемы. Много проблем.

Не то, чтобы произошло что-то откровенно нехорошее вчера, но меня больше пугало то, что может произойти с легкой руки ее неумной энергии. Но с другой стороны, что может сделать старушка, которая сидит дома, как она мне и обещала? Мгм, старушка с параноидальной идеей, что только она может разобраться во вселенском заговоре против ее сына, плюс с огромными средствами на счету. А еще она родного отпрыска обманула, с чего бы ей держать слово, данное какому-то там водителю? Ясно же, что она нас не особо ценит.

Так что...

— Притронешься к последней корзиночке, прострелю колено, — вяло бросила угрозу все тому же бритоголовому любителю картошки. Корзиночка-то последней осталась.

— У тебя ни лицензии, ни травмата, ничего, — рассмеялся тот. — Не бросайся угрозами, которые не можешь исполнить.

— Соображу рогатку. Я не шучу по поводу корзиночки.

— Ладно-ладно, понял. Рогатка — это серьезно.

Я отрубилась почти на полтора часа, зато проснулась невероятно бодрой. Все покинули базу, даже Михалыч уехал по делам. Отдохнуть стоило, всё же третья смена подряд.

Работы было полно, но меня раширало некое чувство внутренней радости, гармонии, что ли. Даже про Зинаиду Аркадьевну забыла. Она ведь казалось такой искренней, когда обещала, что не будет высовываться в город, а уж тем более шататься по зланным местам. И Михалычу я доложила, пусть и не прямым текстом, но все же. Вроде, как и не подвергла ее опасности своим молчанием, но и не подорвала ее доверие, не открыв всей правды. Так чего бояться того, что еще не произошло?

И вообще, я влилась в коллектив, спятившее, но начальство мною доволно, я весьма уверенно смогу гасить кредит, откладывая на учебу, даже куплю новый смеситель в душ! Да к черту, новую душевую лейку! Старая держалась на честном слове и изоленге.

Включив любимый трек на случай «когда все идет хорошо» группы The Heavy «What makes a good man», пустилась в пляс с папкой наперевес от машины к машине.

— Энд насин вронг виз зис кеместри-и-и, — пела я в выключенную рацию благодарным зрителям, которые следили за мной темными фарами, — энд насин вронг виз зис плейс форм-и-и-и, — в прыжке прыгнула на подкатный лежак и проехала на одной ноге к бордовому Рендж Роверу.

— Тел ми нау! Тел ми хау! — Опробовала балетный прыжок, который получился почти идеально, свидетели подтвердят. — Ту андерстенд, ват мейкс э гуд мэ-э-н?

Направила импровизированный микрофон в капот Ренджа в поисках ответа, тот смотрел на меня своими хищными «глазами» без единой эмоции, но мы не сдаемся.

— Тел ми нау, тел ми хау, ту-ту-ту, ту андертсенд, — переходим на фальцет и погромче! — Ват мейкс э гуд мэ-эн?

Попыталась подпрыгнуть в развороте, и... застыла. У входа стояли четверо мужчин, абсолютно мне незнакомых. И мне очень не нравилось их выражение лиц.

Один тип отделился от компании и раздражающе спокойно, словно он здесь шеф и начальник, пошел к моему телефону. Музыка транслировалась с него в большую колонку, он был разблокирован, но вместо того, чтобы просто отключить песню, он его взял и швырнул в

стену через весь ангар. Колонка сочувственно хрипнула и замолкла в минуте молчания по своему верному другу и соратнику.

— Я не в курсе, что движет хорошими людьми, — начал приземистый мужчина, по габаритам похожий на пенек дерева, намекая на основной вопрос из моей любимой песни, — но знаю, что движет плохими.

— Даже если песня вам не понравилась, с телефоном можно было и понежнее. Или попросили бы включить что-нибудь другое, у меня там и «Ад — Колыма» есть.

— Смелая?

— Нет, просто пока еще в шоке, — честно ответила я, соображая, как они сюда попали.

Перед тем, меня предупредили, что будет накладка в два часа времени. Их всех разослали к «объектам» на проверку и прочее. Вроде как произошла диверсия со сливом данных, а они должны были быть у людей, приближенных к Архарову, оценивая обстановку, искать улики и прочее там по протоколам. Михалыч вызывал тех самых дополнительных гардов, но они пока были недоступны. Поэтому, по плану пару часов я должна быть одна на закрытой базе, но под присмотром камер и дополнительных охранников у входа.

— А где охранники со входа?

Двое медленно подошли ко мне почти вплотную, вызывая легкий приступ тошноты от страха. И дерзить не могу перестать, это как защитная реакция у осьминогов: они выпускают чернила, а я — наживаю себе еще больше проблем. Ну вот видно по их лицам, что лучше молчать мне в тряпочку и не теребить кнопку на своей рации, но руки живут своей жизнью, язык — своей, а здравый смысл вообще собрал узелок и пошел по темной тропинке, раз уж светлого будущего нам уже не видать.

— Они отдыхают, — не передать словами, с каким наслаждением выдохнул мне в лицо тот, который находился справа от меня. От него резко разило табаком и, я аж нахмурилась от неожиданности, детским тальком.

— Надеюсь, не вечным сном, — черт. Пора отвечать себе оплеухи.

Заткнись, Сеня. Давай помолчим и попробуем дожить до вечера.

— Вот люблю я таких как ты, — почти искренне улыбнулся «Пенек», как я его про себя прозвала, — вижу же, что страшно, но храбришься.

— И хорошенькая, — липко произнес тип слева.

И именно сегодня утром я решила накрасить ресницы под настроение. Теперь на всю жизнь останется этот момент, связанный с моей попыткой привести себя в порядок.

— Я могу вам чем-то помочь? В смысле, зачем вы пришли?

— Просто осмотреться, познакомиться. Куда вы ездили с Архаровой старшей? — Я даже не заметила, как у меня ловким движением вырвали рацию из рук.

— За шляпками, — попыталась сделать шаг назад, по направлению к заднему двору. Там-то должны быть люди.

— Врешь, ветерочек, попробуй еще раз. Вот тебе подсказка: мы знаем не мало, — сзади буквально материализовался четвертый тип, — только правду.

— Вы боитесь пенсионерки? — В сомнении выгнула бровь, но тут же прикусила язык, когда Тип Слева схватил меня за плечо, — она считает, что Марку Васильевичу грозит опасность и поэтому попросила меня отвезти ее по одному адресу.

Глаза «Пенька» загорелись азартным блеском. Так нечестно, вообще-то! Я — новичок здесь. Я должна быть авто-няней, а не заниматься разборками с криминальным авторитетом или кто он там. И здесь должны быть люди. Всегда должны быть люди!

Плечо сжали еще сильнее, вынуждая продолжить:

— Мы ездили к экстрасенсу, — взвизгнула от боли. Я точно не помнила, была ли там вывеска с экстрасенсом, в том мутном здании, но вывески детективного агентства точно не было. А ответ про экстрасенса звучал правдиво и безопасно. Я даже по картам потом проверила из спортивного интереса, никакого детектива там официально не было, так что могло «прокатить».

Я не знаю, почему соврала им. Точнее, наоборот: я точно знала, что любую правду им говорить нельзя ни в коем случае.

И прав был «Пенек», мне действительно страшно, откуда только храбрость взялась, я без понятия. Если только тетушка Айнура не подсыпала чего в корзиночку.

Пенек расхохотался, будто бы даже расслаблено:

— Старушка совсем со свистящим чайником, я уже успел подумать, что она доставит нам проблем.

Типы вокруг меня поддержали его смехом, от чего напомнили гиен. «Пенек» мазнул по мне взглядом и потерял всяческий интерес к моей трясущейся персоне.

— Избавьтесь от нее, — бросил равнодушно, отворачиваясь.

Этот момент я буду вспоминать, как самый страшный в моей жизни. Как это так получается? Ведь только что было хорошо, а сейчас меня, кричащую и вырывающуюся, волокут туда, где я минуту назад думала найти свое спасение.

Я вопила как ненормальная, в голове ворохом проносились самые ужасные мысли. Особенно пугали все воспоминания сцен из фильмов. Ведь если бы хотели ограбить и оставить в живых, то просто скрыли бы свои лица, разве нет? Они меня убьют!

Я не готова была прощаться с жизнью не из-за кого. Особенно из-за каких-то машин. Да, прикипела к Бони, особенно к Кладу, но не умирать же за них! А ведь только-только жизнь пошла на лад.

Я брыкалась так отчаянно, что умудрилась пяткой заехать Типу Слева по уху, хотя меня тащили за плечи. И орала сильнее бабы Маши из дома напротив, когда кто-то потоптался по ее гортензиям.

Мне слишком рано умирать, вы слышите?!

В отчаянии дотянулась зубами до Типа Справа и укусила его так, что даже сквозь пиджак и рубашку почувствовала металлический привкус во рту с нотками детского талька. Он зашипел от боли и ощутимо ударил по лицу. Даже потенциальный синяк был бы манной небесной, если это будет означать, что я останусь в живых.

Скрипнула тяжелая дверь. Следующее, что я почувствовала, так это полет через комнату и болезненное приземление на груды хламья. Это было настолько неожиданным, что я даже заткнулась. Уставилась на своих убийц снизу-вверх, лежа в неудобной позе, готовясь к худшему.

Тип Справа осмотрел меня до безобразия равнодушным взглядом, потянулся правой рукой за пиджак, а после... что-то швырнул в меня, кивнул Типу Слева, а потом они просто развернулись и ушли, закрыв дверь с обратной стороны.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы вспомнить, как ровно дышать. Не нравилось мне, что они просто так взяли и оставили меня здесь. Что они там собрались делать? А что, если они собрались здесь все сжечь?!

Эта мысль как ужалила. Я подскочила к двери и заколотила в нее кулаками и ногами с завидным усердием, по второму кругу прогревая легкие.

Я кричала и колотила, колотила и кричала, как мне казалось, очень долго, но никто не слышал. Неужели здесь настолько хорошая звукоизоляция? Сколько вообще времени прошло? Две минуты или два часа? А что, если здесь закончится воздух? Я с разбега попыталась выбить дверь, но впечаталась в нее так сильно, что просто отпружинила назад и упала на пол.

Ох, кажется, останутся синяки, но стоит попытаться еще раз.

Взяла более длинное расстояние для разбега, увеличила скорость, подпрыгнула и врезалась прямоком в Илью, открывшего толстенную, как я сейчас увидела, дверь.

— Обалдеть! Ты реально хотела выбить хромированную дверь цыплячьей тушкой?

— Помолчал бы! Я боялась задохнуться! — Резко ответила ему, вырываясь из крепких рук, удерживающих мою «цыплячью тушку».

Илья с неизменной усмешкой показал на большую решетку вентиляции под потолком.

— Ой, куда ни посмотри, все такие умники! Я испугалась! Ясно тебе? Их былс

четверо! — Я опять начинала срываться на крик. Эмоции просили выхода.

— Только не реви, ты ведь вроде как одна из нас, а мы не...

— И не цыплячья у меня тушка! Они сказали убрать меня...

— ...реем, тебе нужно...

— ... а потом слева и справа потащили...

— ... воды, подышать, успокоиться, а...

— ... я кричала, но никто не слышал!

Внезапно Илья резко встряхнул меня, и подсунул откуда-то взявшийся стакан с водой. После нескольких глотков истерика пошла на спад, а реальность стала проясняться. Нас окружали «мои» люди, шастающие по ангару и заглядывающие в разные углы. Костик о чем-то, сдержанно жестикулируя, рассказывал Михалычу, который хмуро посматривал в мою сторону.

— У меня не цыплячья тушка, — выдохнула, допив холодную воду.

— Хорошо, не цыплячья. — Илья, якобы оценивая, осмотрел меня с ног до головы, чуть серьезнее взглянув на подбородок, где точно будет синяк, и на следы, оставленные на плечах, выдал, — я передумал. Цыплячья.

— Нельзя передумать в процессе передумывания.

— Ты в порядке? — Простой вопрос от коллеги, который всегда надо мной потешался, вызвал жжение в носу и ком в горле.

Нет, не в порядке. Мне до сих пор страшно. И не покидает чувство, что все произошло из-за меня. Что это именно я облажалась.

— Сень, посмотри на меня. Это — твоя работа. Это не шутки. Будешь реветь потом, а сейчас возьми себя в руки и иди отчитываться перед Михалычем.

— Но что я ему скажу? — Спросила Илью, проглотив подкатывающие слезы.

— Правду и по порядку. Его работа — со всем разобраться. Вот и помоги ему. Ему и Зурыгину.

— А как он ухо потерял? — Вдруг шепотом спросила коллегу.

— Только у него не додумайся поинтересоваться, — также шепотом бросил Илья, подталкивая к Михалычу, к которому подошел Зурыгин, а после кинул громче, подтолкнув в спину: — А хотя, спроси!

Бросила на него злой взгляд через плечо и направилась к Михалычу. Я была благодарна Илье, его подколки помогли успокоиться, дышать ровнее. И вполне вероятно я не буду плакать. Работа мужская, но и мы — женщины — не пальцем деланные.

Сжала кулаки и подошла к Михалычу вплотную:

— Пройдем, Сень, в мой кабинет. Мы уже многое видели на камерах, ты добавишь детали.

Прежде я никогда не видела Степана Михалыча таким, как сейчас. Раньше он мне всегда казался добрым дядюшкой, который был строже с моими «старшими братьями», но сейчас это был собранный человек с острым взглядом, цепко выслушивающий мою историю. Зурыгин мрачной тучей стоял рядом и начал задавать вопросы только после того, как я закончила рассказ. Его интересовало все: начиная с первых слов «Пенька», до моего замечания о запахе детской присыпки от одного из типов.

Илья очень ошибся, не вчера было мое посвящение — а сегодня.

— Сень, выслушай внимательно, что я тебе скажу, — Михалыч подал мне завернутый в полотенце лед, когда Зурыгин ушел, — ты не должна была остаться одна — это моя большая

ошибка. И ты не должна сейчас оставаться наедине с собой. По-хорошему тебя сейчас следует отпустить домой, дать отдохнуть, но мы все проходили через нечто подобное. И оставаться сейчас одной, наедине со своими страхами — не самый лучший выбор.

Он посмотрел на меня с неким сочувствием, вызывая новый приступ подкатывающих слез, и вздохнул:

— Но, если ты решишь отправиться домой, то сегодня до конца смены отпускаю.

— А что, если они меня и там найдут?

Мы уже знали, кто именно к нам пришел сегодня в гости: в той комнате я не обратила внимание, что именно мне швырнули, а это оказалось посланием. Поперек страницы какого-то договора была надпись: «Привет от Бедина».

— Сейчас мы по крайней мере точно уверены, кто стоит за всеми происшествиями. Твоя новая покровительница может успокоиться, — Михалыч усмехнулся, — но потом. Пока ей знать не стоит, иначе пойдет с маленькой армией штурмовать бывшего родственника.

— Но в чем смысл этого всего?

— Показать, насколько длинные у него руки, и как сильно он может насолить Архарову.

Последние дни творилась какая-то чертовщина. Были ложные вызовы, сбои в графиках. Ко всему этому люди Бедина готовились несколько недель, а именно взломать системы, но не так, чтобы принести серьезные повреждения, пробраться в самое защищенное место, то есть в наш ангар, лишь для того, чтобы показать, на что именно он способен. А тот лист договора — это соглашение о сотрудничестве Архарова с главным конкурентом Бедина.

— И на его дочери Архаров был женат? — Как будто это главный вопрос.

— Верить в то, что дети в ответе за грехи отцов? Алина никогда не вмешивалась в их взаимоотношения. Раньше у Бедина с Архаровым даже было партнерство.

— А арестовать его? Его же люди напали на меня! Напали на охранников!

— Его люди дали нам взглянуть лишь один раз на их появление, а потом видео уничтожили, — Михалыч устало потер виски и неожиданно улыбнулся, — но твой танец остался. Уж извини, но Илья с Костиком успели скачать себе на телефон.

Я откинулась на спинку стула. Мной просто решили преподать урок. Михалыч сказал, что сейчас начнется пересмотр всех систем, всех протоколов и графиков, даже людей шерстить начнут, вплоть до последнего офисного работника, ведь слив данных все-таки был. Пусть и без серьезных последствий, но им явно помогли изнутри.

Михалыч и Зурыгин, по словам самого шефа, облажались. Их хотели напугать, но при этом они усвоили очень важный урок.

— И поверь мне, Сень, к тебе они больше не сунуться. Дважды на такую наглость их не хватит. И смысла уже нет.

— Почему? — С сомнением поинтересовалась.

— Прости, но это уже закрытая информация. Побудь пока с парнями, а мне пора готовить отчеты, помимо прочего.

Слоняться по пятам у занятых ребят не было ни смысла, ни желания, поэтому выскользнула в ванную комнату. Меня трясло то ли от холода, то ли от отката после пережитых эмоций. Сидя на полу душевой кабины, под струями воды, слезы, наконец, вырвались наружу.

Мне не хотелось уже плакать, но все еще не отпускало. Кажется, за последние многие годы я так плакала впервые. О том, что мне пришлось сегодня пережить, о том, как меня несправедливо уволили, о том, как злилась на бабушку, когда она умерла, оставив меня

совсем одну. О том, как я по ней скучала, и по дедушке. Я раньше не позволяла себе плакать, считая, если буду улыбаться навстречу судьбе, то смогу ее обмануть что ли, и она будет ко мне благосклонна. Но сейчас дала себе минуту слабину, отпуская весь тот груз, что скопился внутри.

После рыданий пришло какое-то чувство оупения. Я просто пялилась в белый кафель и не было ни единой эмоции.

Ох Илья, знал бы ты, как слезы помогают.

Помогают собраться, чтобы улыбнуться опять. У такого человека, как Архаров не может быть дрянной службы безопасности. Как узнать свои слабые места, если их не проверить? Прокол у шин проверяется поливкой водой. Где пузырьки, там и прокол.

Так и здесь — нас просто окатили водой. Сейчас все опытные, обученные специалисты будут максимально бдительны, не позволяя Бедину хоть как-то подобраться к Архарову еще раз. Михалыч прав, он до глупости самоуверен, вручил им возможность не просто залатать дыры, а выстроить железобетонную стену, причем сделать это в короткие срок. Они сами рассказывали, что были ситуации и похуже. И все же — они лучшие из лучших.

Я проглотила смешок.

Ага, лучшие и я одна из них. Разгон от концерта в гараже до жертвы в подсобке — три целых пять десятых секунд! Я — рекордсмен.

Уже вытираясь насухо слышала какой-то грохот и громкие голоса в ангаре. Наспех оделась и выглянула из-за угла. Перед моими глазами предстала очень занимательная картина: хрупкая Айрин, судя по всему, угрожала громадине Костику.

— Если с ней что-то случилось, — даже с другого конца я прекрасно ее слышала, — я тебе устрою такую веселую жизнь, что как мать родную зовут забудешь!

— Айрин! — Крикнула ей, чтобы она не устроила здесь потасовку.

Как она узнала о том, что произошло? Неужели те типы и дома у меня побывали?!

— Я тебе не могла дозвониться! — Крикнула она и двинулась мне навстречу, отталкивая в сторону Костика, — мы же договорились, что предупреждаем друг друга, если что-то случилось! Твой телефон недоступен. Тетя Роза хотела узнать, понравился ли фалафель, а дядя Мойша просил тебя подкинуть его на анализы, моя ба тебе раз двадцать звонила!

— Айрин, тише, — взяла ее за руки, — я просто закружилась и совсем потеряла счет времени. К тому же телефон разбила.

Отвела ее в угол, чтобы не нервировать нашей маленькой компанией и так напряженных ребят.

— Здесь так круто! — Шепотом протянула Айрин, оглядываясь вокруг, — ты только так больше не делай. У меня внутри все перевернулось, когда никто из нас не смог с тобой связаться. Не пропадай так резко. Никогда.

За нашим разговором издали наблюдали ребята, хмуро просверливая дыры в наших спинах. Не привыкли они к такому количеству девушек на один квадратный метр в их ангаре. Они и ко мне долго привыкали. Есть даже штраф за не опущенный стульчак.

Глава 10

— Так, народ, в красной коробочке находятся пастилки от изжоги, — вечер выдался дождливым, поэтому мы с соседями обосновались в беседке, вместо привычных нам лавочек, — а здесь лежат блистеры с таблетками от диареи, в этой баночке от отравления, а здесь, дядя Мойша, корвалол, если слишком много съешь васаби.

Я все-таки купила суши, только не для одной Айрин, а для всех. Подруга протащила меня по магазинам, будто чувствуя, что со мной что-то произошло, хотела отвлечь. Мы купили мне новый телефон и восстановили симку, а еще, вместо новых шмоток, я приобрела себе шикарнейший смеситель и новую душевую лейку. Такой широкий напор воды, просто обалдеть! Я будто под облаком купалась. Правда, горячая вода быстро закончилась, но это уже мелочи.

Никто из присутствующих (кроме меня и Айрин) не пробовал суши. На столе стояла батарея контейнеров с баночками соевого соуса, васаби и имбиря. Тетя Люба и Тетя Роза даже надели выходные бусы и подкрасили ресницы, которыми сейчас кокетливо хлопали по сторонам.

— Как эти усюглазые едят этими палками? У них артрит не бывает, что ли?

— Дядя Федя! — Шикнула Айрин, — нельзя так про людей — это расизм. Я тоже усюглазая и мне было бы обидно такое слышать про себя. Смотрите, как надо: большим и указательным пальцем зажимаешь верхнюю палочку... — Девушка принялась учить тонкому искусству поедания блюд японской кухни.

Тетя Роза разлила по хрустальным стаканам, которые достала из буфета для такого случая, домашнее вино, поправила воротничок цветастого сарафана и подняла бокал:

— Сенечка, за тебя! Мы так тобой гордимся! — Все дружно поддержали ее звоном бокалов, приступая к первой дегустации.

Я немного беспокоилась за них, по правде говоря. Мало ли, животы прихватит, но экспресс-аптечка находилась под рукой, может, и пронесет.

— Я чувствую себя, как героиня того сериала, — хихикнула тетушка Айнура, — помнишь, Любк, где еще посольская дочка в рыбака влюбилась?

— Помню, так важничала.

— Что-то не пойму я этих сушев.

— Федь, я селедки принес. Кинь сверху, тогда достойно, — дядя Мойша вилкой обмакнул ролл в масло от селедки, — майонез у Розки возьми.

— Ишь, майонез ему подавай. Тебе и фазана с трюфелями дай, все майонезом испоганишь!

— Майонезом невозможно что-то испоганить. Это как сгущенкой, ты что несешь?

С улыбкой смотрела на своих друзей, понимая, что я таки не одна (прямо как дядя Мойша сказал). Самой-то и кусок в горло не лез, даже кофе не хотелось, но и домой идти желания не было. Хотелось вот так всю жизнь провести, как этот вечер: на улице дождь, не слышно города, только наш смех под лампами белых новогодних фонариков. И нарядные соседи, выбирающие кассеты для старого магнитофона.

Айрин рассказывала какие-то истории из института, продолжая учить дядю Федю пользоваться палочками, время от времени бросая на меня задумчивые взгляды.

— Айрин, спасибо тебе, — чуть позже, когда дождь прекратился и наши соседи вышли

танцевать медленный танец под «Чистые пруды», а мы с ней остались лежать на лавочке, любуясь первыми звездами.

Я точно знала, что она что-то подозревает. Она прекрасно видела мой синяк на подбородке и отметины на плечах, но не задала не единого вопроса, чувствуя, что я не отвечу. Я видела беспокойство в ее черных глазах.

— За что, дуреха?

— Ты пропустила из-за меня занятия, — мы лежали головами друг к другу, мне пришлось изогнуться, чтобы на нее взглянуть.

— Только не говори, что мы сейчас начнем мериться, кто кому больше помогает, — она тоже смешно запрокинула голову, чтобы улыбнуться мне.

— Нет конечно, но ты больше.

— Неправда. Вспомнить хотя бы, сколько раз ты давала мне денег, — она засмеялась.

— Пф, нашла, что напомнить, суммы-то небольшие.

— Могло быть мелочью, но ты ведь отдавала последнее.

***

Все быстро возвращалось в свою колею. Почти два дня выходных, Эдмундо и новый душ, которому я еще не дала имя (мы все еще знакомились), сделали свое дело. Всё произошедшее больше напоминало страшный сон. На сменах я, конечно, бросала осторожные взгляды на входную дверь в ожидании чего-то нехорошего, но сейчас на базе всегда были люди, как и раньше. Судя по разговорам, между Архаровым и Бединым состоялся некий разговор, после которого последний залег на дно, есть, отстал, поняв, что перешел границы.

Зинаида Александровна объявилась только спустя несколько моих смен. И вот я опять подъезжаю к особняку Архаровых в форме, но со своим личным галстуком, который я завязала весьма сносно благодаря видео в интернете.

Пожилая женщина уже поджидала меня, зорко следя взглядом за подъезжающим Клайдом.

— Добрый день! — Я выскочила из машины, чтобы открыть ей дверцу, но Зинаида Александровна, поправив твидовый костюм зеленого цвета, сама ловко запрыгнула на заднее сиденье.

Следуя правилам, я не начинала диалог первой, хотя очень чесалось спросить, есть ли какие-то результаты от ее пронырливого детектива.

— Салон красоты? — Все же не выдержала я и спросила, бросив взгляд на пассажирку в зеркало заднего вида.

Вместо ответа она на меня строго посмотрела, поджав губы.

— Ты обещала мне, что будешь докладывать обо всем, что у вас там творится, но от тебя ни слуху ни духу!

— Так ничего и не происходит!

— Да, твой синяк на лице говорит об этом же. Ты должна быть моими ушами и глазами! Марк в последнее время вообще закрылся, — шипела она мне в затылок, — еще и сойдется опять с этой... этой Алиной-дубиной. Никак отстать от него не может.

Пришлось приложить все усилия, чтобы не вырвался невежливый смешок на это детсадовское ребячество. Я сама слышана об этой Алине, так что вполне поддерживала Зинаиду Александровну в ее неприязни. Странно, что Марк будто не замечал, насколько склочная эта Алина и эгоистичная. Или, как вариант, мы просто не все знаем. Архаров не

похож на тех людей, у кого может быть слабость в виде любви до гроба, но и до глупца ему очень далеко. И история с Бединым подтвердила, что с Марком Васильевичем лучше не пытаться играть.

Ребята поговаривали, что Бедин потерпел крупную неудачу в каких-то инвестициях с легкой подачи Марка. Головой я понимала, что Архаров таким образом просто защитил свои территории, но эмоциями было приятно думать, будто он отомстил лично за меня, пусть в отчете и говорилось о нападении на безликого сотрудника. Да и вряд ли Марк знал о моем существовании.

— Это не связано с работой, — опять почти не обманула. С моей ведь работой напрямую и не связано, — если что-то услышу, расскажу! Я ведь на выезде либо одна, либо с вами. А парни не привыкли сплетничать, в Марком Васильевичем мы даже не встречались никогда, так что извините. Так куда мы едем?

Зинаида сверлила меня с минутой взглядом в попытках понять, насколько я с ней откровенна, а после сменила гнев на милость:

— К подруге, навестить старую идиотку нужно. Сорок лет дружим, как-никак.

— Могу вас обеих отвезти в уютное место. Вам, наверное, надоело дома сидеть, — вбила адрес в навигатор.

— Все-то ты знаешь, — цыкнула в ответ Зинаида Александрова, — умным людям не бывает скучно наедине с собой. Надоедает, когда заняться нечем. Так что оставь свои наблюдения при себе.

Сказала она без особой злобы, я даже не покраснела, но со своими замечаниями решила не лезть. Это со своими я привыкла общаться наравне, а она — мое начальство.

— Идиотка чертова, — ругнулась мать Архарова, ударив кулачком по сиденью, — говорила ей раньше обратиться к врачу, так нет же: сигарету в зубы и море по колено! Допрыгалась до того, что ей нужна пересадка почки, а почек то нет!

Вначале я дернулась, но потом сообразила, что мать Архарова про свою подругу, к которой мы сейчас и едем. По голосу она была действительно очень расстроена, мне стало жаль Зинаиду Александровну.

Трансплантология — бич медицины. Нуждающихся у нас сотни тысяч, а органов всего сотни. Есть, конечно, черный рынок, где соотношение немного оптимистичнее, но и процент смертности от такого «товара» гораздо выше.

— Почему нельзя заплатить какому-нибудь работяге, чтобы выкупить его почку? Ему сойдет и денег заработает.

— Потому что это уголовная ответственность.

Зинаида Александровна вздохнула:

— В этом государстве честным людям никогда не начать прибыльный бизнес.

— Вы же не собираетесь начать торговлю органами? — На всякий случай уточнила у предприимчивой дамы, мало ли.

Вместо ответа она на меня бросила свой фирменный взгляд. То есть, посмотрела, как на идиотку.

После визита к подруге мы еще катались по разным адресам, но уже почти не разговаривали. Этот выезд был спокойным, я даже поверила, что Зинаида Александровна поуспокоилась со своими детективными задумками и просто наслаждалась поездками по салонам и магазинам. Все то, чем и должна заниматься праздная женщина в годах с длинным банковским счетом.

Вот только момент, когда она ткнула в меня пальчиком, на котором красовался свежий маникюр, со словами «глаза и уши» заставил меня вновь напрячься.

— Сень, переодевайся, ноги в руки и бегом на офисную парковку. Заменишь Виктора.

Михалыч проверил мои «обходные листы» и, бросив распоряжение, удалился в кабинет. Зинаида Александровна после нашей последней встречи время от времени лишь писала смс с вопросами, есть ли новости, Бедин отстал — все было спокойно.

Если бы что-то случилось, Михалыч предупредил бы, так что я без задней мысли отправилась натягивать строгий костюм с галстуком. Пару раз я уже заменяла Леонида или Виктора, когда надо было отогнать машину на заправку, не Майбах, конечно, его мне не доверяли. Обычно Бони или Рендж, на котором привозили в офис Архарова партнеров или гостей.

Так что спокойно отправилась на выход.

— «Ухо не забудь»! — Крикнул Михалыч в тот момент, когда я толкнула дверь заднего двора, — рацию оставь на базе.

А вот это что-то новенькое.

Пришлось возвращаться и крепить станцию к ремню, а провод наушника протягивать под рубашкой. Чувствовалось все это несколько чужеродно. Как только включила станцию, сразу же послышались обрывистые фразы команды службы безопасности.

На самом деле, я чувствовала себя не в своей тарелке, будто подслушивала разговоры. Кажется, сегодня я подменяю Виктора не для обычной задачи авто заправить, а буду вместо него водителем для какой-то особо важной персоны. Надеюсь, не для Алины. Даже поморщилась о такой мысли.

Побежала через внутреннюю территорию к пункту назначения. На черном входе офисного здания не было поста охраны, чтобы попасть внутрь, надо было «отбиться» пропуском. Сейчас уже давно нерабочее время, так что попадалось мало сотрудников на пути.

Обычно меня почти и не замечали, когда я через здание проскальзывала на подземную парковку, но сегодня народ машинально кивал при встрече со мной.

Волосы убраны в привычный низкий пучок, мое «ухо» со спиральным проводом был у всех на виду. Пусть это и было лишь частью протокола: при важных людях все должны были носить их во избежания всяких ситуаций, но я чувствовала себя уж очень важной.

На подземной парковке не обнаружила ни одной «моей» машины. Только Майбах стоял посреди, но без Виктора внутри. Передние стекла были меньше затонированы, чем задние, так что, прижавшись носом вплотную, удалось рассмотреть, что салон пуст. Только папка на переднем пассажирском сидении, ключи в замке зажигания и бумажный кофейный стакан.

«Два-семь-два, приготовься» — в ухе раздалось так громко, что, казалось, должно было отразиться эхо ото всех стен парковки.

Приготовиться? К чему?

Двери лифта под мягкий звук звоночка открылись, и я поняла, к чему мне надо было приготовиться.

Руки моментально вспотели, во рту пересохло. Сердце настолько сильно стучало, что перебивал голос Костика у меня в ухе.

Подскочила к задней дверце, чтобы открыть ее для Марка Васильевича Архарова, который собственной, слегка устрашающей персоной, в сопровождении огромного Костика, направлялся прямиком ко мне...

Марк Архаров сел в машину, коротко кивнув будто бы в мою сторону, но он даже глаза не поднял. Его взгляд был прикован к зажатым в руке документам. Такое чувство, что он даже не заметил, что отнюдь не Виктор сейчас придерживает для него дверь изящной иномарки премиум класса.

Костик легонько толкнул меня своим кулачищем в плечо и последовал за нашим боссом. Я даже до конца не осознавала, что меня испугало больше: встреча с самим Архаровым, который у меня в голове был чем-то сродни легенды или предстоящее управление машиной, на которую я дышать боялась?

Хлопнула дверцей громче, чем хотелось бы. Это все нервы.

Может, Марк Архаров любит, когда машина заведена? А если я не разберусь в управлении? Так, надо дышать носом. Из опыта знаю, от нервов все идет наперекосяк. Успокаиваемся и делаем то, что хорошо умеем. Это ведь не лоботомия, в конце-то концов! Главное — не отвлекаться.

Уселась на водительское сиденье, настроила кресло и собралась откорректировать зеркало заднего вида, но наткнулась на темную пустоту, отражающуюся в нем. Я впервые находилась в машине с перегородкой, а управлять как прикажете?

— О, не-е-ет, — простонала я, с тоской примеряясь к боковым зеркалам.

Майбах — очень длинное авто, это полноценный лимузин, и к его габаритам надо привыкать не один день. Про парковку и развороты я молчу, так что отсутствие обзора очень пугало.

Машина завелась моментально настолько тихо, что сразу не поверилось. Даже газанула, но шумоизоляция была невероятно мощной. Рядом с нами может духовой оркестр пройти, а мы и не услышим.

— О, да-а-а, — я даже глаза прикрыла от удовольствия.

Может, я сплю и это все во сне? Как иначе объяснить такое стечение обстоятельств: именно на моей смене одному из основных водителей стало плохо, и в моем скромном лице наши ему замену?

Кофейный стакан мешался под локтем. Да, салон выполнен гениально, все было задумано для удобства водителей, даже расстояние до стаканодержателя было продумано, но от нервов меня стакан все же раздражал.

Только схватила его, чтобы убрать подальше, как телефон в кармане пиджака завибрировал, оповещая о новом входящем смс.

«Только не пей эту гадость, а то отправишься в больницу вслед за этим неучем Витей. Помни, Сеня: глаза и уши» — пришло от Зинаиды Александровны.

Вот вам и провиденье. Моя новая знакомая просто отравила бедного мужчину, у которого между прочим двое детей, чтобы приписать меня к своему сыну на этот день.

Ну дает!

В «ухе» кашлянул Костик, намекая, что мы слегка завозились.

***

Вы когда-нибудь управляли облаком с задатками грозового фронта? А я — да. Полностью сенсорная приборная панель реагировала на каждый мой «чих»: я еще даже подумать не успевала, а автомобиль мне уже выдавал подсказки.

Подвеска — песня! Каюсь, я забыла о важнейшем пассажире на заднем сидении за темной перегородкой и, разогнавшись, наехала на полном ходу передним колесом на утопленный в асфальт канализационный люк. И ничего! Стоял бы на приборке стакан, полностью заполненный водой, ничего бы не пролилось.

Да я словно не в салоне машины сижу, а катером управляю!

Я готова была взять свои недавние слова о том, что не готова умереть за машину. За такую — запросто! Рука потянулась к бортовому компьютеру, чтобы включить музыку, но вовремя себя одернула. Все же не я здесь главная.

«Сеня, маршрут изменился, лови координаты» — опять голос Костика.

А не слишком ли много важностей? Я не про своего коллегу. Опустите перегородку и скажите напрямую, в чем проблема? Или царь беседовать со смердом не изволит?

Ладно, это во мне зависть чистой воды говорит.

Мы уже были на пол пути в особняк Архарова, как пришлось разворачиваться (точнее, делать объезд, к развороту на перекрестке я еще не была готова) и направляться в противоположную сторону.

Мне только за радость, откровенно говоря. Хоть Ла-Манш пересечь, или по волнам до Австралии — я влюбилась в машину. Первая в жизни любовь и сразу к шикарному немцу на хромированных дисках с полками.

Адрес показался мне знаком, будто я когда-то о нем слышала, но сам дом я не узнала. Припарковалась у элитной многоэтажки и вышла на улицу. Уже собралась открыть дверцу, как вылез Костик:

— Дом Алины, — тихо сказал он, прикрывая дверцу. — Забираем и везем их в ресторан.

— Они что, опять сошлись? — Так же тихо спросила у него, с замиранием сердца, но Костик не ответил.

Мы простояли минут десять. Даже захотелось прогуляться, размять ноги, но, если я не вижу босса, это не значит, что босс не видит меня. Он даже перегородку не опускает, кто знает, какие у него еще заскоки касательно таких как мы с Костиком.

Но Алина все же явила свой светлый лик только спустя двадцать минут, когда у меня уже икры свело судорогой и уши чесались просто невыносимо.

Я видела ее на фото, но реальность оказалась куда занимательнее: холеная, рыжеволосая, с ненавязчивым шлейфом парфюма красавица с осанкой, которой могла позавидовать любая королева, прошла мимо нас, даже не поздоровавшись. Я, кстати, открыла рот на рефлексе, чтобы вежливо поприветствовать, но получила ощутимый толчок вбок от Костика.

Алина лишь на мгновение задержалась, удивленно окинув меня взглядом. В светлос-карех глазах я не увидела никакой эмоции или оценки своей скромной персоне — слишком быстро я для нее вновь стала пустым местом.

— Тебя тоже холодом обдало? — Шепотом спросила, когда мы с Костиком уселись спереди.

— Ну, — ответил лаконично здоровяк.

Жутко хотелось подслушать, о чем они там разговаривали. Не для того, чтобы сразу же доложить Зинаиде Александровне, конечно, нет, а просто... для себя. Неужели такой мужчина, как Архаров, выбрать такую, как Алина?

Она была гораздо младше его. Марку тридцать семь лет, ей же не было еще и тридцати. Десять лет разницы — серьезный срок. Да и манипуляторша та еще, я наслышана. Если не

ошибаюсь, ребята даже устроили небольшую вечеринку на базе, когда Архаров ушел от Алины.

Интересно, а у нас Марком нашлось бы что-то общее? Вряд ли, уж слишком разные у нас горизонталы. Плюс ко всему, почти пятнадцать лет разницы — это вам не шутки. Но с моей светловолосой славянской внешностью и его чуть восточной, даже не смотря на темно русые волосы, смотрелись бы как ангел и демон.

«Воу!» — Я аж слегка притормозила. Я только что примерила себя в качестве спутницы Архарова? Получила кивок от мужчины мечты, поехала часик на Майбахе и мозг отказал? Нет, нет, нет, отставить. Даже не думать! Еще буду пялиться на босса щенячьими глазами, он не только меня велит уволить, но и Михалыча заодно, раз уж опростоволосился при выборе такого кадра. И моя спятившая покровительница не спасет.

— Сеня, ты чего? — Костик начал хмуро отсматриваться, реагируя на мое торможение.

— Голубя пропускала, — мигом соврала я. Стало настолько неловко, что щеки моментально начали заливаться румянцем.

— Они ж летать умеют.

— Но предпочитают ходить, не сбивать же птичку.

Ресторан находился на огороженной территории. Майбах пропустили сразу же, даже не спросили кто и к кому, заказан ли столик и прочее, что спрашивают в таких заведениях.

На этот раз мне не надо было играть роль портье. Костик провел парочку внутрь роскошного здания, кивнув в направлении парковки. Я не знала, сколько конкретно у меня времени, но вряд ли сладкая парочка успеет поужинать за пятнадцать минут, а природный зов просто голосил покинуть люксовое авто, как бы сильно я его не любила. Не осквернять же водительское сиденье.

Закрыв машину, побежала в сторону поста охраны у шлагбаума:

— Здравствуйте! — Заглянула в окошко, — не подскажите, где уборная?

Судя по наводкам охранника, здесь не зона отдыха, а какой-то Форд Нокс. Я хорошо ориентировалась на местности и, естественно, хорошо следовала заданным маршрутам, но сейчас позорно заблудилась.

Он сказал направо, прямо до развилки, левее, потом направо? Или пройти прямо до упора, а потом свернуть налево, пройти по диагонали еще левее и свернуть вправо? Хоть бы указатели какие поставили, ну честное слово. На пути моих блужданий мне не попалась и одна живая душа. До позднего вечера еще далеко, но небо несколько потемнело, отчего пустынная, пусть и роскошная территория выглядела жутко.

Даже посетила позорная мысль просто сходить в кусты, но позорить Михалычевские седины не хотелось.

Уже почти подвывая от нетерпения, перешла на легкую трусцу, в поисках секретной уборной, чтоб ее. Мне показалось, что я уже увидела заветное здание, воодушевившись перешла на полноценный бег и чуть не сбила откуда-то взявшегося мужчину:

— Вот же ж, — с досадой бросил он, осматривая кофейные стаканчики на гравийке, которые я выбила из его рук.

— Простите ради бога! — Воскликнула я, бросившись собирать утраченные напитки, — я вам новые куплю! Извините. Вы не знаете, где мусорка? Не вижу.

Я продолжала тараторить, еле сдерживаясь, чтобы не начать пританцовывать. Выпила очень много воды, очень! И испытала восторг от опыта вождения моей новой любовью.

Незнакомец, чуть улыбнувшись моей скороговорке, кивнул в сторону мусорки.

— Максим, — представился он и протянул руку.

— У меня руки в остатках кофе, — смущенно улыбнулась в ответ. Я бы с радостью познакомилась, но даже его лицо расплывалось перед глазами.

— Здесь рядом нет женской комнаты, — я чуть не захныкала, услышав это, — но есть мужская, и мы никому об этом не скажем.

Он показал на дверь с изображением силуэта джентльмена и, вроде как хотел что-то еще добавить, но я рванула так быстро, что, возможно, на гравийке «полоса разгона» от моих ботинок.

Спустя пару минут мир стал ярче, скажу я вам. Даже дымка перед глазами ушла. Вышла на улицу уже не спеша и вдохнула хвойный воздух полной грудью.

— Теперь я понял, что значит глотать пыль, — Максим с легким смешком встретил меня у лужи кофе, которая появилась по моей вине, — никогда не видел такой низкий старт.

— Соответствую темпу жизни, — отшутилась я и протянула руку, — Сеня.

— Кирко? — Его ладонь была теплой и большой. Моя почти утонула в этом рукопожатии, — новичок Семиохина? Я думал, ты — парень.

— Все так думают, — пробурчала я больше про себя, — откуда вы знаете?

— Это маленький мир, девочка-Сеня, в котором слухи распространяются очень быстро.

Я с сомнением посмотрела на нового знакомого. Михалыч предупреждал, что, возможно, меня будут осаждать какие-то там шпионы и прочие темные личности, как те, кто нанес мне визит, оставив несколько синяков. Максим улыбался вполне дружелюбно, но моя подозрительность от этого не ушла. Насколько много он знает? Как вообще про меня можно знать? Я же постоянно сидела на базе, редко высовываясь в честной народ.

— Я так понимаю, ты здесь с Костиком? — он прервал молчание. Улыбнувшись еще шире.

Только мы называли Костика Костиком. Мы и друзья самого Костика называли Костика Костиком. Когда во мне успела появиться эта необоснованная подозрительность и ревностное отношение к своим людям? Быстро люди меняются, конечно.

— Так мы, получается коллеги? — Максим тоже был одет в черный костюм. Да и вряд ли сюда попадет кто-то посторонний.

— Можно и так сказать.

И все же он обаятельный парень. Светлые волосы, зеленые глаза, широкая улыбка — его лицо можно было бы назвать идеальным, если бы не небольшая горбинка на носу, но даже она не портила общей картины, наоборот — придавала какой-то особый шарм. И все равно чем-то этот обаятельный парень в самой глубине души вызвал тревогу.

Ненавязчиво Максим вовлек меня в ничего не значащую беседу, заметно ослабляя внутреннее напряжение. Мы неспеша шли к парковке, перебрасываясь безобидными шутками, я даже начала смеяться громче, чем следовало бы. В этой изящной, уединенной тишине вокруг наши голоса казались чем-то инородным, почти неприличным.

— Мы еще встретимся, Сеня? — Спросил он, улыбаясь одним уголком рта.

Я растерялась. Определенно красивый парень, веселый, очень простой и легкий намек на свидание, а я не знала, что ответить. Он мог бы мне понравиться, ведь так? От него даже исходил очень легкий, уютный и какой-то отдаленно знакомый аромат, вызывая доверие. Но что за червячок внутри? Как будто, если я соглашусь, я кому-то изменю. Стоит ли вообще ребятам рассказывать о новом знакомстве? Я даже не спросила, на кого он работает.

Позади нас послышалось деликатное покашливание. Точнее, это скорее всего планировалось как деликатное покашливание, но в исполнение Костика похоже было скорее на то, как дядя Федя пытается выплюнуть легкие, когда открывается сезон простуды.

— Я же тебе кофе должна, — наконец решила я, записывая номер телефона.

Максим перед прощанием одарил меня такой обаятельной улыбкой, что я потеряла почти все сомнения, касательно нашей новой встречи. А кивок Костику убедил меня, что все-таки, раз уж они знакомы, то он не из плохих. И не шпион какой-нибудь.

— Что-то случилось? — Спросила Костика, приближаясь к Майбаху. Меня не было чуть дольше, чем я ожидала.

— Ну.

— Что?

— Остывает, — Костик, насупившись, кивнул в сторону распахнутой дверцы, чуть причмокнув.

На сиденье лежали контейнеры с едой.

***

— Сеня, выходи! — В дверь раздался требовательный стук, — мы уже можем поговорить.

После ресторана мы приехали прямиков в особняк Архарова, высадив перед этим довольную Алину дома. Архаров даже вышел проводить ее до двери, но вел себя более сдержанно, чем рыжая красотка, которая то поглаживала когтистой лапой моего босса по плечу, то прижималась чуть сильнее, то смеялась, запрокинув голову назад, обнажая изящную шею. Не нравилось мне это, и нет, это не ревность.

Невольно сравнивала Максима и Марка друг с другом, и Максим проигрывал в этой схвате, о которой даже не подозревал. Нет, чисто внешне Максим гораздо красивее, лицо более идеальное, что ли, весь комплект был при нем: чувственные губы против плотносжатых четких губ Марка; яркие, зеленые улыбающиеся глаза против черных, цепких; ямочки на щеках, против неприступного выражения лица.

Но Максим со всей своей молодостью и легкостью все равно уступал Марку с его властностью и силой. Это как сравнивать ярко-красный Ауди кабриолет и Мерседес Майбах — разница колоссальная.

Надо себе чаще подзатыльника отвешивать. Нашла чем заниматься...

Михалыч сказал, что моя «пересменка» будет только утром, так что в особняке Архарова я застряла на всю ночь. У нас даже было свое крыло для отдыха, только я не взяла с собой никакой дополнительной одежды, о чем посетовала зевающему Костику.

Зато у Костика была дополнительная сменная, чистая одежда, которой он со мной щедро поделился, сразу же завалившись спать в нашей общей комнате с несколькими кроватями.

«Как тебе такое детка?» — Отправила Айрин фотку, сделанную в гостевой роскошной ванне.

На мне была огромнейшая футболка Костика с изображением Лунтика, держащего бензопилу с надписью «Все люди делятся на две части» — милая вещичка. Это ему Илья подарил.

«Воу, воу, воу! Довавь больше секса, дктка!» — Пришел восторженный ответ от Айрин.

Мне бы тоже лечь отдохнуть, но решила подыграть Айрин и, хихикая над глупой затеей, распустила волосы из пучка, которые успели сильно завиться, перебросила их на одну

сторону и приняла как можно более сексуальную позу.

Ну как удержаться-то? Всего лишь ванная комната, а шикарнее всего, что я видела в своей жизни. Интересно, будет ли у меня возможность посмотреть весь дом?

— Сеня, уснула, что ли? — На этот раз Зинаида Александровна, по всей видимости, зарядила по двери с ноги.

— Уже иду!

Не успела открыть дверь, как женщина крепко схватила меня за руку и потащила через весь первый этаж в «хозяйское крыло».

— Может, лучше поговорим не там? Если Марк Васильевич меня увидит, а я не по форме? Даже волосы не заплела.

— Во-первых, там пахнет носками, а во-вторых, ты хоть и водитель, но все же юная девушка. С мужиками в одной комнате спать не будешь!

— Вы чего? Мы же как брат и сестра! — Мне аж поплохело от скрытого смысла в ее словах.

— Марк плавает в бассейне, или тренируется, неважно, все равно не выйдет, — Зинаида Александровна усадила меня в терракотовое кресло напротив панорамного окна с видом на небольшой пруд и налила нам по чашке кофе, — выкладывай, какие новости?

— Странный какой-то кофе, — оттягивала момент, сделав первый глоток.

— Это чай, дурья голова, ты не юли, рассказывай.

— Ничего такого не произошло, — пожала плечами, даже не соврав на этот раз, — Марк Васильевич и Алина ужинали в ресторане, потом мы отвезли ее к себе домой, а Марку Васильевича сюда. Вот и все.

— Ты не знаешь, о чем они говорили?

— Нет, меня не было внутри.

— А детину-переростка если спросить?

— Костика? Костик со мной ждал в машине.

Зинаида Александровна постукивала пальцами по кофейному столику, на котором был только жуткий чай, когда так хотелось кофе, и о чем-то размышляла, глядя в окно.

— Не нравится мне все это. Они с Алиной разошлись полгода назад. Полгода, как та змея оставила нас в покое, он даже начал жалеть о их браке, но тут опять вернулась.

— Это только один ужин, может, вы зря паникуете? Тем более, Марк Васильевич взрослый и сам знает, что ему надо, — эх, Сеня, лицемерка ты, Сеня.

— Он никогда не менял женщин как перчатки, — вздохнула Зинаида, сделав глоток и изящной чашки, — это я воспитала его таким, на свою голову. Приучала к верности семье, к необходимости в детях, к уважению к женщинам. И что в итоге? Да, Алина была хорошей партией. Не лезла в разбирательства между Марком и ее отцом, даже порой занимала сторону Марка. Но какая двуличная прощмандовка! Никого ни в грош не ставила, плела интриги, столько народу выжила из этого дома, а перед Маркушей святая простота!

— Из-за чего они расстались? — Понимала, что это не мое дело, но приготовилась ловить каждое слово.

— Марк безумно желает завести детей. А эта курица долгое время принимала противозачаточные, скрывая это от него.

Только из-за этого? Честно говоря, здесь я заняла сторону Алины. Женщинам беременность, роды и материнство дается сложнее. Почти вся нагрузка лишь на них и вполне справедливо, если решающее слово будет как раз таки за женщиной.

Зинаида Александровна заметила мой скепсис, отразившийся на лице, и ткнула в меня пальцем:

— Не морщись мне тут. Одно дело сказать напрямую, мол не готова и все такое, но совсем другое врать и таскаться по врачам, манипулируя и вызывая жалость к себе. А расстались после того, как он узнал, что Алине все же удалось забеременеть. Но эта бестия сделала аборт.

О, как. Тут я даже судить не берусь. Не то, чтобы Алина мне нравилась, как раз наоборот, но все же... Это рассказ одной стороны.

— Может, они не сошлись? Это просто ужин.

— Алина — змея подколодная. Даже тогда она крутила Марком как хотела и не желала отпускать. Какие истерики были! Позорище. Если сейчас он сделал ей шаг навстречу, то поверь, деточка, она задумала вернуть себе моего сына. Любыми путями.

Мне нечего было добавить. К отвратительному чаю даже не притронулась, размышляя о том, как бы Михалычу побыстрее доложить, что Зинаида Александровна что-то подмешала в кофе Виктора.

А если она вдруг решит, что в моих услугах больше не нуждается? Тоже отравит?

— Все же я думаю, вы зря переживаете, — осторожно начала я, — Марк Васильевич похож на такого человека, который сам способен разобраться во всем.

— Да что ты заладила: «Марк Васильевич то, Марк Васильевич се», — передразнила она меня, — он однолюб. Вбил себе в голову, что Алина — прекрасный выбор и хоть ты тресни олуха. А если уж решил что, то прет как танк, — я даже усмехнулась. Интересно, в кого это он такой упрямый? Зинаида не обращала внимания на мою реакцию, просто продолжала — мне кажется, нападение на тебя и возвращение Алины как-то связано.

— Вы знаете про нападение?!

— А ты думаешь, за что я плачу детективу такие деньги? Конечно, знаю! Ты должна была мне сразу рассказать, а не ныкать по углам. Я позволяю своим партнером совершить ошибку всего дважды: в первый и последний раз, усекла?

Оторопев, кивнула.

— Вот что, Сеня, как мать тебя прошу, — внезапно Зинаида Михайловна схватила меня за руки вполне нежно, — просто рассказывай о том, что слышишь и замечаешь именно ты. Ты девочка смышленная, будешь рядом с Марком и с Алиной, просто наблюдай и выкладывай мне все как на духу. А дальше сама разберусь.

Мне стало жаль эту женщину. Ее будто на обочине оставили, позволяя жить догадками и плохими предчувствиями. Когда люди перестали разговаривать друг с другом? Куча моих проблем бы ушла, если Марк и его мать просто сядут и поговорят.

Шла отдыхать в полноценную гостевую спальню в раздрае. До часов пяти утра ворочалась, переполненная эмоциями и мыслями, от которых никак не получалось избавиться. Пусть Виктор скорее возвращается. Не хочу я больше Майбах. И хорошо, что мы не успели подружиться.

Хочу обратно на базу к своим шинам и планшетам — там гораздо меньше проблем.

— Так, правило такие: не говорить напрямую, не подстраивать раскрытие объекта раньше времени, не выводить Сеню на диалог ради раскрытия специально. — Вещал Илья нашей смене, когда мы еще только приступили к утреннему кофе, — начальная сумма для входа в тотализатор — пять тысяч. Вопросы?

— Да, — я потянула руку, прямо как отличница с первой парты, — а ты не перегнул? Мне кажется, Архаров просто ошибся.

Илья смерил меня прищуренным взглядом и широким жестом конференсье обратился к шефу:

— Михалыч, мое почтение, представьте публике доказательства.

Михалыч, добродушно подыгрывая, зачитал сообщения от Архарова, даже придал своему голосу чуть равнодушное выражение:

— Цитата: «Пусть на выезде в основе будет новый парень Семен» конец цитаты.

Сегодня утром все дружно посмеялись над ситуацией, когда Михалыч только-только передал мне поручения босса. Но пришел неугомонный Илья и подбил всех честных людей делать ставки: когда Архаров, наконец, обратит на скромную Есению внимание.

— Я ставлю на не раньше, чем через две недели, — Илья загрузил ставку в общий чат.

Там уже вовсю разошлись парни с другой смены и те, кто в отпуске. Кто-то ставил на два дня, кто-то предполагал, что прямо сегодня — но повально всем понравилась эта идея.

— Да не может же быть со мной все настолько плохо? — Я готова была провалиться сквозь землю.

Мне хотелось, чтобы Архаров увидел во мне, если уж не писаную красавицу, то интересную личность, что ли. Но главное — девушку! Естественно, я специально платья надевать не собираюсь — не положено, волосы распускать не буду, грудь колесом перед его глазами не рискну сделать. Но «парень Семен»? Серьезно?

Мне даже сон приснился, о том, как Архаров томно пытается словить мой взгляд в зеркале заднего вида, а я — такая красивая и уверенная, чистый профессионал, везу его в закат... Причем этот сон — точь-в-точь повторение мечтательных слов Айрин, которые она со всеми вздыханиями мне говорила, пока мы вечерком пили кофе на кухне. Да, я рассказала ей об Архарове, не смогла удержать такие эмоции внутри. Подруга нашла его фото в интернете и началось...

Томные взгляды Архарова на меня — это все равно, что пантера подарила бы валентинку антилопе перед тем, как съесть. Хотя нет, скорее даже какому-нибудь жучку, пантеры на них не обращают внимания.

«Парень Семен». Подумать только! Я опять застонала, уткнувшись лбом в обеденный стол.

— Семен, на что ставить будешь? — Илья издевательски улыбнулся.

— Что тебе вечером на голову случайно свалится кирпич. Ставлю все свои сбережения.

— Ну-ну, не будь такой кровожадной!

— Два кирпича. Второй будет контрольным, а то с первого раза могу и промазать.

Я думала, Михалыч таким заниматься не будет, но нет! Он сделал ставку на «три дня».

— А мне вот непонятно, — я все не унималась, — три календарных дня или три дня — в смысле три моих смены?

— Смены.

— Тогда тоже ставлю пятерку на четыре смены!

— Ставки приняты, дама и господа! И, Сеня, — Илья нагнулся ко мне, сложив руки за спиной, — первая с ним не заговариваешь. Перегородку сама не опускаешь.

— Поняла. Главное, я сяду опять за руль Вилли.

— Ты назвала Майбах за семнадцать лямов Вилли?

— А как еще назвать? Он же такой душка!

— Душка? — Илья посмотрел на меня, как на сумасшедшую, — да это царь дорог, какой Вилли?

Упомянутый Майбах стоял сейчас в ангаре на проверке, тихо переливаясь отполированными боками и не обращая на нас никакого внимания. Ему подходит имя Вилли, чего Илья взъелся?

— Вилли, — парень фыркнул, — как ребенка.

— А как бы ты назвал его, умник? — Я уперла руки в бока, встав перед Майбахом, будто прикрывая собой. Никому не позволю гнобить Вилли.

— Ну не знаю, Нагибатор три тысячи!

— Фу, не выражайся при детях! — Погадила машину по капоту, — не слушай его, Вилли, ты у меня самый красивый.

Тут же спохватилась, когда заметила, что от моих рук остаются следы.

— Может, тебе не в мед возвращаться, а в механики податься, — со смешком спросил Илья, наблюдая, как я подолом футболки вытираю капот от своих следов.

— Так, балаболы, — Михалыч хлопнул в ладоши, — Сеня, Илья, переодеться и в особняк. К семи, чтоб как штыки были там.

***

Итак, день первый. Марк Архаров даже не посмотрел на меня, когда садился в машину. Как раз тогда, когда мне показалось, что он вот-вот увидит вместо паренька молодую девушку в костюме, его отвлек Илья каким-то вопросом. Не знаю, честно ли это, но мне надо продержаться четыре смены и по коэффициенту я заработаю пятнашку на пустом месте.

Архаров только бросил короткое «С добрым утром» перед тем, как исчезнуть в салоне авто.

Боже, его голос! Даже без предостережения Ильи я бы ничего не ответила, просто не смогла бы. Таких голосом только томных девиц в ночи будить ради страстей.

Так, пора на запястье резинку надеть и бить ею себя всякий раз, когда в голову приходят неуместные мысли. Хорошо, хоть не расплылась в глупой улыбке на глаза у неугомонного Ильи. Насмешек бы не избежала ни при каких обстоятельствах.

Может, последовать совету Айрин и зарегистрироваться в приложении для знакомств? Сходила бы на пару свиданий, проветрила бы голову, в которой сейчас только розовый туман.

На подземном паркинге народу уже прибывало. Девушки, выходявшие из машин, провожали нас взглядом, почти не стесняясь.

Припарковалась на обычном месте, и стала ждать, когда Илья удалится с нашим боссом — тоже часть уговора, только потом вышла размяться и выпить кофе. Свой утренний допить так и не успела.

— Извините, а вы — новый сотрудник? — На первом этаже офисного здания была неплохая кофейня, где меня, потягивающую капучино, и словила девушка с милыми

темными кудряшками и пухлыми щечками.

— Да, — ответила, облизнув молочные «усы» с губ, — чему могу?

Девушка обернулась на своих подружек и весьма резко подсела за мой столик:

— Не поймите меня превратно, извините, пожалуйста, что беспокою, вы, наверное, очень заняты, — незнакомка тараторила так быстро, что сама не замечала, как ее слова о моей высокой занятости не соответствует времяпрепровождению, — вы просто наверняка много времени проводите с Марком Васильевичем.

К нам начали подходить две подружки Кудряшки, не стесняясь развесив уши. Медовые глаза девушки зажглись лихорадочным блеском, она даже нагнулась ко мне поближе.

— У нас тут столько слухов, ну, вы понимаете, — она заправила одну кудряшку за ухо, но та сразу же отпружинила обратно, — просто, Марк Васильевич одинок, а у нас скоро годовщина, — я подняла брови, и Кудряшка тут же поправила себя, — компании. Годовщина компании. Вот и...

— Я все еще не могу понять, чем могу помочь, — я на самом деле растерялась. О чем она? Какие слухи?

— Просто, вот! — Девушка вытащила из громадной сумки дорожную коробку бельгийских конфет и протянула мне.

Ох, я знала эти конфеты. В том торговом центре, где недавно мы с Айрин покупали телефон, был магазин изысканного шоколада. От него так одуряюще пахло, что я никак не смогла сдержаться и зашла, но, как позже выяснилось, просто посмотреть. Эти конфеты стоили как три полных бака Клайда — слишком дорого для моей экономной души.

— Вы не могли бы передать ему? — С надеждой спросила Кудряшка.

Я уставилась на коробку, перетянутую бантом, под которым был небольшой конверт. Могу ли я? Технически — да. Но сделаю только через три смены.

— Конечно, могу, — я улыбнулась милой Кудряшке, забирая коробку, — а от кого передать?

— Не обязательно говорить от кого, — она смущенно глянула на конвертик, — и следующий кофе здесь за мой счет. Спасибо!

Вот дела-а. Девушки резко вышли из кофейни, возбужденно перешептываясь между собой. Это они хотят стать парой Архарова на годовщине? И с моей помощью?

Везет же им.

— Степан Михайлович, мне тут коробку конфет для Архарова передали. Что мне с ней делать? Просто отдать? Нет, девушка. Вроде работает здесь. Хорошо, поняла.

Когда общалась с Кудряшкой, мне даже слегка стало завидно, что она знает, какой шоколад любит Архаров. Я таких подробностей не знала, хоть и работала в его службе безопасности. Но, как сказал Михалыч по телефону, Кудряшка ошиблась: у Архарова серьезная аллергия на шоколад.

— О-ла-ла, — пропела я, распаковывая коробку, — идите к мамочке.

Я торчала в Вилли, а он тонированный. Жесткое вмешательство в амурные дела останется незамеченным.

Если бы мне Кудряшка принесла такие конфеты, я сама готова стать для нее Семеном! Как же это вкусно! Кажется, я даже застонала вслух. Еще бы орешков в них и было бы мне счастье.

Жуя тающий шоколад во рту, сверлила взглядом конвертик, который Кудряшка передала вместе с конфетами. Нет, читать, что там было написано я не собиралась, но и выбрасывать,

как сказал Михалыч, тоже было бы некрасиво, рука не поднималась, так что просто закинула его в бардачок.

В мое окно так резко застучали, что я подпрыгнула на месте, чуть не подавившись конфетой. Быстро и кощунственно скинув коробку на пол, опустила стекло.

— Прошу прощения, услышала музыку и поняла, что вы на месте, — скороговоркой выпалила хрупкая блондинка в очках, — просто мне рассказали, что вы не как другие водители, вот я и...

— Тоже хотели что-то передать? — Догадалась я, по ее бегавшему взгляду.

— Да, если можно, — она протянула мне коробку с конфетами похожую, на ту, которую я почти прикончила. И там тоже была прикреплена записка, — спасибо.

Занятные страсти тут кипят, скажу я вам. Немного удивленная, забрала коробку, которую я Архарову не передам. Блондиночка смущенно улыбнулась и пошла обратно в офис.

— Подождите! — Крикнула ей вслед, — как вас зовут?

— Анна, — опять покраснела она.

— Анна, передайте всем, пожалуйста, что Марк Васильевич любит шоколад с орехами.

Глава 13

— Слушай, так не бывает, — Илья стоял чистым воззванием, потягивая гадкий кофе три-в-одном из автомата, пока я пыталась отряхнуться от строительной пыли и сдувала выбившиеся из конского хвоста волосы со лба, — ты уже третью смену мелькаешь перед ним, он точно знает.

— Ты просто ставил на три смены, — надела обратно строительные перчатки, — он ничего не знает.

— Почему так уверена?

— Ты стоишь и умничаешь, а я таскаю шлакоблоки, — с кряхтением погрузила очередной блок на тележку, — вот, почему я так уверена.

— Они не тяжелые.

— Первые десять и были не тяжелыми, а в остальные ты что-то наверняка добавил.

Оперлась руками на кучу блоков на тележке. Если бы не регулярные тренировки, я бы сдулась уже на первом заходе.

Мы были на складе поставщика. Марк перед уходом к заведующему бросил, чтобы «водитель Семен» погрузил блоки в пикап для экспертизы. Илье ведь нельзя, он перед людьми мелькает, выпачкается ещё. А я и грузчиком могу подработать, да.

Ладно, Сень, ты знала, на что шла.

Леонид потом будет сокрушаться, что, если бы знал, что я буду этим заниматься, он бы не уехал заправлять Вилли. Вот, где дружеская опора.

— Не смотри на меня так, я пытался помочь! — Илья сделал шаг назад, пытаюсь выставить как щит стаканчик с кофе.

Да, предложил один раз, а я сама отказалась.

— Ты что, с девушками никогда не общался? Мы мнение меняем по двадцать раз в минуту, — фыркнула, хватаясь за ручки.

— Ты смешная.

— Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда я на всю жизнь останусь горбатой.

Вначале вся идея с тотализатором казалась мне глупой, но потом я сама втянулась, особенно, когда победа была так близко.

Когда Марк в сопровождении Ильи и заведующего, который шёл что-то увлеченно доказывая ему, показались в дверном проёме, я специально спряталась за открытым багажником пикапа. Немного не по правилам, но кто докажет?

Выгрузив шлакоблоки и получив в награду одну единственную влажную салфетку, чтобы привести себя в порядок, поплелась согнувшись обратно в машину.

«Семён, навестите человека по этому адресу. Проблему надо уладить. Быстро. А.» — Пришло с незнакомого телефона. Вообще-то, я знала номер Архарова, но, по всей видимости, у него был ещё один.

Сделала скрин экрана, скрыв почти всё сообщения и отправила в общий чат нашей службы безопасности. Я ещё в игре, пусть знают.

На первом этаже элитной многоэтажки сидел консьерж, почти как администратор на ресепшне.

— Добрый день, вы куда? — Мужчина средних лет весьма невежливо осмотрел пятна от строительной пыли на моём черном костюме. Я попыталась стереть их маленьким

полотенцем, найденным в машине, и водой, но сделала только хуже, оставив разводы.

— В триста двадцатую.

— А к кому, могу я спросить?

— По поручению Архарова, — эта фраза звучала во многих местах почти как «сим-сим, откройся». Также подействовала и на консьержа, который ещё раз выразительно осмотрел меня с головы до пяток, но, получив в ответ не менее выразительный обратный осмотр, плюс, выгнутую бровь, совсем как у моего босса, протянул мне электронный ключ и вызвал лифт.

Может, и стоило переодеться где-нибудь во что-нибудь, но в сообщении было ясно сказано — разобраться надо быстро.

На пятой смене, сразу же по утрам, я сделаю всё, чтобы Архаров меня заметил. Чувствую, может выйти мне этот тотализатор боком. Завтра утром и так придется клянчить горчичники у тети Любы для моей бедной спины.

Лифт доставил на верхний этаж. Ключ-карту я приложила на датчик ещё в самом начале, так что ступила сразу же в светлой гостиной на мраморный пол. Вокруг было так тихо, что каждый стук моих каблучков от ботинок отдавался почти грохотом.

Даже интересно, что случилось в пентхаусе Архарова, тем более, он здесь давно не был. Надеюсь, не воры какие-нибудь, а то я так смело пришла, из оружия только «ухо» и собственная бравада.

И куда идти?

Прислушалась.

На втором этаже, кажется, послышалась какая-то возня, но, видимо, комната из которой доносился звук, была хорошо звукоизолирована. Слышались очень приглушенные голоса.

— Эй? — Крикнула, задирая голову, — я поднимаюсь, и я вызвала охрану!

Никто мне не ответил.

— Чем бы вы там не занимались, завязывайте! — Крикнула ещё громче, поднимаясь по лестнице. Естественно, охрану не вызывала. Очевидно, Марк Васильевич хотел, чтобы с этим разобрались без лишних ушей.

Честно говоря, узнавать, что именно там происходит, я не спешила, но когда услышала глухой стук и достаточно громкий вскрик, мой темп резко ускорился.

— Что здесь происходит? — Удивленно воскликнула, увидев в комнате на расстеленной кровати дерущихся девушек, — Кудряшка?!

Брюнетка, показавшаяся мне когда-то милой и застенчивой, сейчас сидела сверху незнакомки абсолютно голая, и пыталась придушить ту подушкой.

— Что ты делаешь? С ума сошла?! — Я подлетела и попыталась вытащить потенциальное орудие убийства и снять достаточно пухленькую Кудряшку с поверженной соперницы.

Но девушка снизу, как только заново смогла дышать, со всей силы врезала Кудряшке по лицу, ощутимо расцарапав щёку. Кудряшка с нехорошей улыбкой, с которой очень контрастировала миленькая ямочка на расцарапанной щеке, отвесила обидчице звонкую пощёчину.

Я накинулась на Кудряшку сверху, попытавшись свалить её набок, но моей ошибкой было замешкаться на моменте, когда я думала, что схватила её за плечо, а это оказалось не плечом. Смутилась, да, отчего сама отлетела на пол.

— Кудряшка! — Предприняла очередную попытку разъединить девушек, — слезь с неё!

Да прекрати же ты!!! — Но, сколько бы не пыхтела, мне никак не удавалось одержать победу над этими двумя.

Вообще не единого шанса.

Я боялась, что они поубивают друг друга, пока я бегала по первому этажу в поисках подсобного помещения, где наверняка есть ведро. Эти две мегеры встретили меня, находясь всё ещё в кровати и всё так же без жалости лупя друг дружку. Я бы уже выдохлась на их месте.

— А ну заткнулись обе! — Рывкнула на них и выплеснула ведро ледяной воды. И да, лёд я тоже нашла и щедро добавила в «успокоительное».

Девушки с визгом бросились в разные стороны кровати, пытаясь стряхнуть с себя холодную воду с кубиками льда.

— Да что здесь творится? И что вы здесь делаете?! Ты, — ткнула в Кудряшку, — оденься!

Девушка, покраснев как в нашу первую встречу, натянула на себя простыню относительно сухой частью.

— А ты! — Повернулась ко второй, — ух ж ты...

— Да, недавно зажили, — выпятила она увесистую грудь, ничуть не стеснявшись своей наготы.

Может, мне надо меньше времени проводить со своими коллегами за кофе? Даже неловко как-то, что у меня не получается отвести взгляд от, от... У неё спина должна болеть от такого размера похуже, чем моя от шлакоблоков.

— Ты тоже прикройся. Что вы здесь делаете и что вообще твориться?

— Меня Марк пригласил...

— Я пришла, у меня был ключ...

— ... а она здесь лежит голая...

— ... была записка, что он меня ждёт...

— ... она украла ключ наверняка, — шипела незнакомка, — и врёт сейчас.

— Да у меня есть ключ и записка! Я тебе, идиотке, пыталась показать! Ты сама припёрлась, когда не ждали.

— Сама идиотка! Ты себя в зеркале видела, овца?!

Девушки опять начали накалять обстановку, готовившись вгрызться друг другу в глотки.

— Так! Брейк! Вы обе каким-то образом получили ключ-карты, я правильно поняла? — Они синхронно закивали, — кто-нибудь из вас когда-нибудь получал хоть малейший знак внимания от Архарова?

— Он постоянно смотрит на меня, — облизнулась незнакомка.

— Ты своими сиськами разве не душишь его, прохода не даёшь! — Разъярилась Кудряшка, — он мне выходной однажды подарил.

— Ты соплями тогда всех на совещании забрызгала, овца.

— Заткнулись! — Опять пришлось рывкнуть на них, — то есть, никого раньше он даже на кофе не приглашал? Кто-то подсунул вам ключи от его квартиры, и вы сразу же кинулись сюда гольшом? Совсем спятили?

Девушки посмотрели на меня так, будто я у ребёнка новогодний подарок отобрала перед носом самого Деда Мороза, да ещё и пнула в придачу. Неужели Архаров на них всех оказывает такой дикий эффект?

— Кудряшка, ну зачем? — Почему-то за неё было обиднее всего.

Девушка совсем смутилась и повесила кудрявую голову на грудь, всхлипывая. Теперь до них начало доходить, что их попросту кто-то подставил, решив так паскудно пошутить.

Со стороны лестницы послышались быстрые шаги. Я даже среагировать не успела, как в дверях появилась роскошная и холёная Алина.

— Опять ты, — она почти прошипела это мне в лицо. Что значит опять?

Мы всего дважды виделись: когда отвозила их с Марком в ресторан и во второй раз, когда Алина решила, что моё терпение можно и нужно проверить на прочность.

Тогда Алина, по словам Семиохина, попросила в качестве водителя лично меня, и я отвезла её в дорогуший торговый центр на Клайде, позже я окрестила тот выезд «днём унижения меня».

Сложно было представить, что к людям можно так относиться. Да в сравнении с ней тот клиент, из-за которого меня уволили, просто верх такта и благовоспитанности. Я таскала пакеты с покупками за ней часами, она специально охране в бутиках говорила, чтобы меня не пускали, мол, чтобы дежурила у входа. Когда Алина изволила перекусить салата с зелёным чаем, что делала я? Правильно, стояла над её макушкой с идеальной, свежей укладкой и не отсвечивала — её указание. Первое место заняла водительская фуражка, которую она купила специально для меня, якобы, чтобы не забывала своё место. И да, она была куплена в люксовом магазине, за бешенные деньги, которые Алина приказала, именно приказала! Михалычу вычесть из моей зарплаты. А судя по ценнику, в этом месяце я ничего не получу.

Это, кстати, это было хорошим оправданием перед совестью, когда я забирала конфеты и шоколадки у воздыхательниц Архарова, слегка привирая им, что от Марка Васильевича просто нет ответа, что я могу поделаться? Есть же что-то надо.

Девушки, по всей видимости, знали рыжую в лицо, отчего моментально напряглись под взглядом Архаровой-бывшей. И да, про себя я только так её и называла. Во-первых, потому что это было правдой, как бы она ни пыталась вернуться обратно, а во-вторых — мне приятно.

— Что ты здесь делаешь?

— Марк сказал разобраться, — ответила Алине, отчего-то пытаюсь загородить девушек собой.

— Марк? Он для тебя кто: друг, брат или кто?

— Марк Васильевич, — поправилась, отвешивая себе оплеуху. Права была Зинаида Александровна, с этой змеёй надо быть осторожнее.

— Он тебе настолько доверяет, что ли? Что отправил тебя? И, кстати, где он сам?

Я уже открыла рот, чтобы ответить, как в голову пришло озарение настолько чёткое, что даже забыла быть аккуратнее с Архаровой-бывшей:

— А что вы здесь делаете?

— Ты ничего не перепутала, милая, — с противной вежливостью спросила она, — чтобы задавать мне такие вопросы?

— Это вы подсунули девушкам ключи и записки?

Упомянутые девушки удивлённо ахнули.

— Ты всерьёз думаешь, что мне больше нечем заняться, как подкладывать тёлочку в постель мужа?

Я смотрела в удовлетворённое лицо Алины с чётким осознанием — это точно сделала она. Появилась вряд ли случайно и точно знала, что Марк знает, что здесь твориться. Иначе

чего она так уверена, что он должен был примчаться в самый разгар рабочего дня? Только зачем ей это?

— Вы обе будете уволены, — она поочередно ткнула пальцем в каждую из девушек, — я обо всём доложу. А ты, — указывающий перст теперь утыкался в меня, — забыла своё место? Я не понимаю, кем ты себя возомнила, но вылетишь вслед за этими шкурами.

Офигеть. Она могла бы попытаться завуалировать свой подлый характер, хотя бы ради приличия, но нет же. Я думала, что мать Архарова преувеличивает о природе бывшей невестки, но, кажется, она преуменьшила. И Михалыч предупредил меня, и Илья, кажется даже Костику в своё время досталось от Алины. Одно дело быть полной хамкой с водителем, и совсем другое испортить жизнь сразу двум людям простым щелчком пальцев.

Она вышла из комнаты, гордо встряхнув рыжими волосами, оставив нас шокировано смотреть в ей в спину. Быстро появилась и так же быстро ушла.

— Вас на самом деле уволят?

Вместо ответа на меня смотрели две пары испуганных глаз.

— ... и она сама почти призналась, что подставила девушек, представляешь? Вот так вот! Это мерзко.

— Ты видела голые сиськи кадровички? Там уверенная четвёрочка должна быть. Ты чего не сфоткала?

— Илья, ты совсем уже? — Стукнула парня по лбу, — я тебе говорю, что девушки потеряют работу из-за этой... этой...

— Они сами виноваты, полезли к начальнику в постель, додумались же, — парень просто пожал плечами, вытягивая длинные ноги на переднем сидении.

Мы везли босса домой, где будем ждать до утра пересменку. Переговаривались достаточно тихо, перегородки-то почти с такой же шумоизоляцией, как и спальня Архарова, но бережённому, как говорится...

Мне не верилось, что Илья так спокойно отнёсся к истории с подставой девушек. Я их долго ещё пыталась успокоить, когда они уже не дрались, а плакали на плече друг у друга. Илья говорил, что они сами виноваты, что Алина, считай, не при чём. Могли бы и отказаться от предложения, сохранив гордость и, как в последствии выяснилось, работу.

Но кто знает, что в голове у влюбленных людей? Я, конечно, тоже запала на Архарова, как и все в его офисе, но точно не поехала бы к нему в постель. Во-первых, я ото всех скрывала свою маленькую увлеченность боссом, тем более от самого босса, а во-вторых — это всё равно, что вместо любования Мона Лизой облизывать её.

— Что ты там бубнишь себе под нос?

— Отстань, ты — предатель, — буркнула ему, не отвлекаясь от дороги.

— Послушай, я всегда готов поддержать голых девиц, но будем откровенны: глупость наказуема. Алина, конечно, сука ещё та, но она их не волокла за волосы в спальню к боссу.

— Если ты будешь тут сидеть и с умным видом говорить правильные вещи, я с тобой перестану общаться.

— Попроси девчонок дарить ему белый шоколад в следующий раз, — посмеявшись, Илья вытащил из бардачка коробку из моих запасов.

Уже привычно загнала Вилли в гараж Архарова и пошла по «чёрному» коридору в свою гостевую спальню. С Зинаидой Александровной мы пили дежурный чай каждую смену, но сегодня она чувствовала себя не очень хорошо и ушла спать пораньше.

Я ей завтра расскажу о выходке бывшей невестки. Вряд ли это поможет в поимке

злодеев, которых она ищет, но поперебивать косточки всегда приятно. С Айрин говорить об этом не хотелось, будто ссор из избы вынесу.

Лежала поперёк кровати, любуясь идеальным потолком. Зинаида «застолбила» эту комнату за мной, так что я чистой совестью привезла сюда пижамный комплект и всё для умывания.

Уже успела принять душ, а сейчас лежала и жалела о том, что почистила зубы. Илья сбросил смс, сообщив, что на кухне оставили мой ужин в контейнере.

Я не помнила, как звали повара, но она готовила просто шикарное пюре с котлетами для команды безопасности. И теперь, насколько бы я не была уставшая, из головы не выходили образы котлеток в подливке.

Время близилось к часу ночи. Все обитатели дома уже наверняка видели третий сон, так что вряд ли я кого-то потревожу звоном микроволновой печи. Зубы можно почистить и второй раз.

Кралась в направлении кухни, как вор, даже свет не включила. Само же владение повелительницы котлет было подсвечено лампочками самых разных приборов, так что до холодильника добралась ничего не уронив.

— Котлеточки мои любимые, — вдохнула аромат, сняв крышку с контейнера.

Из коридора послышались лёгкие шаги, приближающиеся к кухне.

— Илья? — Позвала тихо коллегу. Только он мог не спать в такое время.

Я загородила спиной микроволновую печь, от которой света было больше всего, и не видело точно, кто зашёл.

— Что ты здесь делаешь? — Послышался тихий, обволакивающий голос.

Внутри всё замерло. Я никогда не слышала шёпот Марка, а сейчас, в темноте, настолько он бархатным показался, что мозг отключился. Я даже не смогла бы ответить на его вопрос при всём желании. Язык перестал слушаться.

Марк быстро подошёл ко мне почти вплотную:

— Я просил пока не приезжать, дать мне время, — мы стояли так близко, что я чувствовала на своём лице его дыхание с лёгкой примесью алкоголя.

Стоп, что он сказал?

— Я... — начала хрипло, пытаюсь сказать, что он меня с кем-то перепутал. Наверняка со своей Алиной.

Я даже поморщилась, всю магию момента испортил. Но помогло перестать растекаться лужицей, которую в темноте-то и не видно.

— Ты пахнешь иначе, — он приблизился вплотную. Хотела отстраниться, но вжалась ноющей поясницей в кухонный шкафчик.

Чувствовала его твёрдое тело и немела от неправильности всего происходящего. Я, конечно, любовалась им на фотографиях, но даже в самых смелых мечтах не представляла, что буду его чувствовать вот так... всего. Тем более, когда он меня с кем-то перепутал.

Марк склонился ко мне ближе, втягивая воздух у моих ещё влажных волос. Уже открыла рот, чтобы повторить попытку произнести хоть что-нибудь внятное, как мою талию обхватили сильные ладони, вжимая меня в стальной живот.

С губ сорвался судорожный выдох. Так, надо бежать. Плевать на котлетки. Я начала ёрзать, пытаюсь выскользнуть из крепких рук, как Марк, что-то пробормотав накрыл мои губы своими.

Мню овладел аромат свежести, на губах чувствовался вкус алкоголя.

У даже глаза распахнулись от удивления. Розовый туман рассеялся окончательно, а сердце забилося прямо в такт с красной мигающей табличкой в голове «Попрощайся с работой!».

Меня целует Марк Архаров! Лично! Я даже не заставляла.

Надо прекращать. Это неправильно, нет! Он — мой босс и кумир, а я в его понимании — бывшая жена. Его подлая и мерзкая Алина.

Вместо протеста из меня вырвался тихий стон, и Марк тут же углубил поцелуй, настойчиво заставляя меня ответить на него.

Нет, нет, нет, нет!..

Я чувствовала животом его нарастающее желание, которое вызывало внутри какой-то совсем уж дикий, мне неподвластный отклик.

Резко оттолкнула Архарова, почувствовав, как он проник языком, ещё хоть что-то соображала. Внизу живота сладко ныло, но кто-то в моей голове аплодировал стоя столь мужественному поступку.

— Алина?.. — Позвал Марк непонимающе.

Рванула назад в гостевую комнату, пока он всё ещё думал, что я — его бывшая. Сердце противно сжималось.

Какая девушка не мечтала бы о таком, как Архаров? Сильном, верном, красивым своей загадочной, тёмной красотой. А я о таком мужчине даже мечтать не смела, но, когда он стоял близко, позволила на секунду. Всего на секунду.

Но мир обрушился горькой правдой, что Архаров может быть с такой как я, только с кем-то перепутав.

Отвратительное осознание. Моё увлечение боссом вполне понятно, но восхищение тем, кто выбрал и жил с таким человеком как Алина? Да ещё, судя по поцелую, что-то всё ещё испытывая к ней? Или она настолько искусно притворяется?

Вбежала в комнату, не включая свет. В коридоре не слышалось шагов, никто за мной не гнался. Вжав лицо в подушку, прокричалась со всей души. Жутко боялась завтрашнего дня, зная, что могу вылететь с работы опозоренной, как вылетели сегодня Кудряшка и Четвёрочка.

Сама виновата, надо было включить свет. Или набраться сил и остановить в самом начале, а не млеть дурочкой перед ним.

Телефон завибрировал. Сердце противно забилося, мне даже подумалось, что это смс от Михалыча о том, что я уволена.

Но отправитель был более неожиданным.

«Надеюсь, не разбудил тебя. Ты всё ещё должна мне кофе» — от Максима.

Вкус Марка на губах стал ещё горче.

Я лежала в ногах у Марка Васильевича, который уж очень удивленно смотрел на меня. То есть, я валялась на земле у ног шокированного кумира, а если ещё точнее... Я проиграла пять тысяч, поставленных на мои четыре смены, хотя всё шло не так уж и плохо, как мне казалось.

На следующее утро после того злополучного вечера я сиганула в машину настолько быстро, насколько возможно, чтобы не попасться Архарову на глаза. Илья сел возле меня, заявив, что босс не в духе. И да, тот спрашивал, что за девушка ошивалась на кухне ночью.

— Ты ничего об этом не знаешь? — Спросил Илья сощурившись.

Интересно, а босс рассказал ему, почему спрашивает? Кто ещё так мог облажаться, как я? Конечно, никто. Я — победитель.

— Вроде у повара есть взрослая дочь. Их домик на территории, — врала, как дышала, — что-то случилось?

— Не знаю. Архаров с утра зол, как гоблин. И спросил, кто был вчера ночью ещё в доме.

— А мне по чём знать?

— Просто хочу разобраться, в силе ли ещё тотализатор, — Илья прищурился.

— Действует, — буркнула, вырывая из огороженной территории.

Какие ваши доказательства? А вот какие: кто-то при проверке Майбаха пропустил огромную грыжу на шине. Я же с утра была сама не своя, так что даже не заметила, как руль вело вправо. А дальше картина маслом: дождь, пустырь, босс не в духе, я не в духе и вечно ухмыляющийся Илья — и всех нас трухнуло, когда шина решила рвануть. В итоге я под дождём меняла колесо, потому что боссу нельзя. Протоколы не зря писаны. Илья стоял злой, как чёрт, из-за того, что пари он проиграл. Смена закончилась всего через час, а «Семёну» была передана благодарность.

Весь вчерашний день я пряталась от Айрин и всех соседей, даже телефон отключила. Казалось, ещё чуть-чуть и все вокруг узнают, что я целовалась на кухне со своим боссом, позорно постанывая, когда он принял меня за другую. Эта мысль заставляла меня морщиться всякий раз, когда я, казалось, уже отвлеклась от неё. Но нет же, будь я в душе, напевая оду моей лейке по имени Муха, или занимаюсь рутинной стиркой, или готовкой, как молнией пронзает внутри неприятное воспоминание, и настроение падает до нуля.

— Есения! — Раздался грохот в дверь, — а ну открой, стукачка!

Я даже подпрыгнула от неожиданности. Подбежала и выглянула в окно: там стоял мой Клайд с Костиком за рулём.

— Зинаида Александровна, что случилось? — Удивленно уставилась на мать босса.

— Пройти дашь, бобыня? — Она резво отодвинула меня в сторону и протиснулась в квартиру, оглядываясь по сторонам.

Смущённо смотрела на свой дом её глазами: зеленые обои в мелкий алый цветочек, белая мебель советского образца, которую мы шкурили и красили с Айрин в четыре руки, просто громадное количество книг и очень много по медицине. Моя квартира требовала более капитального ремонта, но даже сейчас она выглядела ухоженной и милой. Не считая потолка, на потолок лучше не смотреть.

— Что такое бобыня?

— Ты — бобыня, стоишь тут насупившись как хаклэк. Чай есть?

— Что такое ха... Неважно, что-то случилось? — спросила её, ставя чайник на плиту.

Зинаида Александровна уселась на стул, сложив руки на люксовой сумочке из которой торчала огромная папка. За открытыми окнами я заметила притаившихся соседей, которые, притворяясь, что читают кто газету, кто инструкцию от лекарств, устроились на лавочке прямо под моими окнами. Шила в мешке не утаишь...

— Бедина это всё рук дело, — вздохнула она со вселенской скорбью, — и его же люди напали на тебя.

— Да вы что?!

— Не придуривайся, я знаю, что ты знаешь. Вот только не знаю, почему мне не сказала? Опять.

Разлила чай, нормальный чай, между прочим, по кружкам, и присела за стол напротив её. Только вначале закрыла окна, бросив как можно более выразительный взгляд на соседей.

— У меня есть шеф. Его статус, знания и опыт для меня авторитет. Для вашей же защиты я не могла сразу же всё рассказать, поймите же! А что, если бы вы поехали к Бедину и начали выяснять отношения? А что, если бы он с вами что-то сделал?

— Я что, вчера родилась? Не поехала бы, но незнание убивает.

— Понимаю, — я вздохнула, — но что мне делать? Я как между двух огней, или как между молотом и наковальней. Или как между енотом и альпакой...

— Я ещё ни разу не дала усомниться в своём слове, а ты соврала дважды. Сказала же, что мне нужно только знать и ничего более, значит так оно и есть.

— Из-за Алины и её подлой подставы уволили двух женщина с работы, — протараторила ей.

— Вот как? Кого?

— Эм-м, — я запнулась, — я не знаю их имён. Кудрявая брюнетка и девушка из кадров, кажется.

Зинаида Александровна жевала нижнюю губу, о чём-то сосредоточенно размышляя:

— Бондаренко и Ластюк, адвокат и начальница кадров. Лина-то как до них добралась? И зачем?

— Я не знаю, но она подставила их совсем уж мерзко. Может, потому что она такая какая есть? Как увольнение девушек может навредить Марку Васильевичу?

— Тебе всё шутки. Ладно, — она поднялась со стула, так и не допив чай, — телефон не выключай и не пропадай. И держи в курсе всего. И не забывай, всё серьезно.

Угу, прям-таки серьёзно.

Вечером решила всё же ответить Максиму, только точную дату и время так и не назначила. Нашла тысячи отговорок, но основная — я не представляла о чём говорить с молодым человеком. Кажется, я забыла как ходить на свидания.

Ничего, кроме работы в последнее время ведь не было. Только ангар, офис полный поклонниц Марка и тотализатор, в котором я проиграла.

Всё шло почти хорошо: у меня был ежедневный запас шикарных конфет с орешками, девушки из офиса свято верили, что я передавала их Архарову, так что в благодарность регулярно снабжали меня ещё и бесплатным кофе.

И вот я ждала на парковке Архарова, который должен был появиться минут через сорок, жевала боссовские шоколадки, потягивая почти честно заработанный кофе, проставляла дежурные лайки в аккаунте Айрин, как водительская дверь распахнулась снаружи, и я, потеряв опору, вывалилась спиной вперёд навстречу боссу, обдав того ещё горячим кофе.

Ни Ильи, ни Костика рядом не наблюдалось. Что Архаров здесь делает один?

Марк Васильевич осмотрел распластавшуюся меня, его взгляд переключился в салон, где я устроила небольшой филиал шоколадной фабрики. Он чуть выгнул бровь, когда увидел стопочку писем, на которых разными руками было написано «Марку», «Марку В.», кто-то даже нарисовал пухлое сердечко.

Я же уставилась во все глаза, пытаюсь понять только одно: он уже знает, что именно меня поцеловал в тот вечер или ещё нет? Скорее всего знает, и пришёл уволить за нарушение субординации или ещё чего.

— У вас шоколад на губах, — первое, что сказал он мне своим крышесносным голосом.

— Здравствуйте, Марк Васильевич! — Облизнув упомянутый шоколад, весьма резво подскочила, в ужасе рассматривая его испорченный костюм.

Даже голос не дрогнул. Хорошо, хоть я лайкала видео Айрин, которое мы сделали всем двором, а не привычно пялилась на фото того, кто до сих пор очень подозрительно окидывал взглядом раскрасневшуюся меня.

— Я так понимаю, вы и есть Сеня, — его голос, произносящий моё имя — я к этому не была готова...

Марк уперся в кузов бедром, сложив руки на груди:

— Моя мать в восторге от новичка, постоянно твердила обратить внимание, поощрить за хорошую работу. Но Алина утверждала обратное: винила вас в непрофессиональном поведении, что в разрез шло с той картиной, которая обрисовала мать. И никто из команды Семиохина не поправлял меня, когда я называл вас парнем, — он сделал неопределенный жест рукой, — чувствую себя обманутым.

А ещё меня заставляли таскать тяжести, издевались по утрам со своими тренировками и, не стесняясь, обсуждали то, что обычно обсуждают мужчины, когда рядом нет женских ушей. То есть, самих женщин, и лучше бы мне многое не слышать.

— И так? — Казалось, ещё чуть-чуть и на его лице появится улыбка.

Значит, не знает о нашем поцелуе. Внутри полегчало. Но не до конца. Получается, Алина что-то напела ему в уши и он пришёл разбираться без предварительной подготовки? Даже подробности не хотел узнать? И где я вела себя непрофессионально? Да я собачкой по пятам за ней бегала, когда Архарова-бывшая решила вызвать меня.

— Непрофессиональное поведение? В каком смысле? — Обычно, если что-то не так, нам говорил об этом сам Михалыч, или делал выговор сам Михалыч, субординация, иерархия и все такое.

— Мне тоже интересно. Я успел сделать свои предположения, которые сейчас не имеют никаких оснований, — он окинул меня нечитаемым взглядом.

Эй, это намёк на то, что я приставала к его Алине? Может, рассказать ему, как на самом деле было с Кудряшкой и Четвёрочкой? Вдруг, глаза открою на его бывшую?

Хотя, не уверена, что Зинаида Александровна не пыталась. Ну вот почему он так привязался к ней? Любовное зелье или что-то вроде того?

Я продолжала сверлить Архарова взглядом, ничего не могла с собой поделаться. Наверное, стоило отвести глаза ради приличия, и рот прикрыть наконец. Даже на фотографиях я не видела его так близко.

Он был на голову выше меня. Если я к нему подойду сейчас вплотную, я как раз упрусь носом в грудь и вдохну одурманивающий аромат свежести и леса. С такого расстояния я прекрасно видела небольшой шрам над его верхней, чуть тонковатой губой. И это черные

глаза, смотрящие на меня сверху-вниз, слегка властно...

Завела руки за спину и щёлкнула резинкой по запястью. Место над венами слегка обожгло болью, что привело меня в чувство, но не так, чтобы очень. Может позвонить Максиму? Резинки с такими темпами надолго не хватит.

А Айрин смеялась над бедными девушками, которые упорно продолжали передавать шоколадки и зажимать меня по углам. Знала бы она, что и её подруга пала, храбро сражаясь с магнетизмом её босса.

Марк Васильевич подошёл ко мне почти вплотную, вынуждая отойти в сторону и щёлкнуть резинкой по запястью ещё дважды — глупая, безнадежная влюбленность не стоит моей работы. И чтобы не пялиться на его губы.

Он бегло заглянул внутрь, оценивая салон Вилли, заваленного бельгийским шоколадом и вновь присматриваясь к стопочке писем.

— Я могу объяснить, — выпалила, делая шаг назад.

— Вот как? Слушаю.

— Девушки передавали вам презенты для, эм-м... чтобы поддержать. И выказать симпатию, я так думаю. Но Степан Михайлович сказал, что у вас серьезная аллергия, а письма и вовсе можно выбросить, так что...

— Получается, вы рьяно день за днём спасали меня?

— Рука не поднималась выбросить.

— А почему же не сказали женской части коллектива, что я не люблю шоколад, тем более с орехами?

— Этого я не могу объяснить.

Если он сейчас меня уволит за это, найду Алину и заставлю саму носить позорную шапку за стоимость старой девятки. Но у Марка, похоже, были другие планы. Он развернулся и, я его не видела, но клянусь Клайдом, услышала тихий смешок.

— Я перенёс встречу с трёх на сейчас, — бросил он поверх крыши Вилли, открывая дверцу лично, — так что выезжаем... Есения.

— Извините, Марк Васильевич, — позвала босса, пока он не сел в салон за чёрную перегородку, — у вас пятно на брюках. И на рубашке.

— Я так понимаю, именно вы разбирались с проблемой в моей квартире день назад. Вот туда мы и заедем.

Руки тряслись, совсем как при первой нашей встрече, но наличие перегородки помогло быстрее взять себя в руки. Быстро убрала весь запас шоколада с сиденья и поехала уже по печально знакомому адресу.

Не успела выехать из гаража, как перегородка с тихим шуршанием опустилась вниз. Теперь мой затылок горел под взглядом босса.

Постаралась включить профессионализм на максимум и с видимым спокойствием ехать к нему домой. Подожду в гараже, ничего не случится. Пора перестать думать о поцелуе, вообще забыть о нём, раз правда так и не всплыла на поверхность, иначе врежусь ещё в кого.

— Я начал спать в машине, когда сменился водитель.

— Что, простите? — Посмотрела на него в зеркале дальнего вида и тут же отвела глаза.

Руки расположены неудобно, чтобы щёлкнуть резинкой. Да что ж такое-то? Я никогда не была трясущейся ланью, здесь сразу краснею, как отличница, впервые посетившая пивную вечеринку.

— Я всегда работал в машине, с вами начал засыпать. Мягкая рука.

— Спасибо, — пробормотала почти под нос. — То есть, вы не уволите меня за конфеты?

— За сообразительность? — Марк рассмеялся, а меня мурашки пробежались. Всё же дотянулась до запястья и щёлкнула резинкой, — вы меня не беспокоили с этими вопросами и нашли весьма оригинальный выход из ситуации.

— Но продолжать не стоит?

— Продолжать не стоит, верно.

Пора прощаться с дорожными конфетками. Даже с Костиком не поделюсь последней партией, а Илье не перепадёт с белым шоколадом.

Телефон завибрировал. Машинально бросила на экран, где высветилось входящее от Максима. Это просто знак. Завтра же пойду с ним на кофе, может, дурь по боссу пройдёт? Конечно, должна пройти. Я просто давно не была на свиданиях, а Архаров обладает жутким магнетизмом. Но же не единственный такой во всём мире, правильно? Правильно!

Выпью кофе с Максимом и перестану вести себя как дурочка, заикаться и краснеть. И ревновать к Алине — что уже вообще чушь.

— Пройдёте со мной, — сказал Марк, прежде чем выйти из припаркованной машины.

Мне уже вообще дверь ему не открывать?

Закрyla Вилли и поспешила за боссом. Нас встретил уже знакомый консьерж, который явно по некой причине не испытывает от меня дикого восторга. Перед тем, как дверь лифта закрылась, успела послать фирменный взгляд Айрин, с которым она в магазине просит открыть вторую кассу. Мне бы её смелость.

Марк Васильевич пропустил меня вперёд, и я очутилась в уже знакомых апартаментах.

— Пройдите на кухню, сделайте нам кофе и ждите, — бросил он, удаляясь вглубь квартиры.

Кофе-то я сделала, но вот просто ждать не получалось. Я всегда ждала в машине, а тут ни нате вам, ни здрасьте.

Только я приготовилась зайти на второй круг нервного марша, как на кухне появился переодетый в чистое Архаров:

— Присаживайтесь, Есения, у нас есть пятнадцать минут, в течение которых нам нужно обсудить, что нам с вами делать.

Наконец, я села, приготовившись слушать. К кофе не притронулась.

— Меня не устраивает, что в моей службе безопасности работает девушка. Подозреваю, вы — девушка смекалистая и понимаете, что продолжать наши отношения мы не можем. Вы, конечно, получите хорошую компенсацию. Степан Михайлович же, в свою очередь, получит выговор.

Честно говоря, я ожидала многого, но не такого.

— Могу я спросить, почему?

— Во-первых, такая работа для мужчин. Для девушек это слишком высокая эмоциональная и физическая нагрузка. Во-вторых, я не желаю, чтобы в ангаре были вопросы по поведению. Не приемлю никаких межличностных отношений среди сотрудников.

У меня внутри всё упало. Я всем сердцем полюбила эту работу, даже прикипела душой к команде, а он указывает мне на выход только потому, что я девушка?! И насчёт каких личностных отношениях он говорит? То есть, если он лезет целоваться к кому не попадя, то так все делают?

— То есть, даже после целого месяца обслуживания мною авто, я всё равно недостаточно хороша? Я сократила затраты гаража на тридцать процентов, — и это правда. В том салоне я так достала автомехаников своей жадностью, что они сделали хорошую скидку, а мелкие поломки можно было устранить самой с помощью видеороликов из интернета, — мне угрожали, я разнимала ваших дерущихся девушек, да я прошла экзамен по физподготовке в конце-то концов!

— У вас есть такой экзамен? — Он на самом деле удивился.

Нет, но я же его прошла. Почти. Но это детали.

— Я выкладываюсь по полной, ни разу не было ни одного нарушения с моей стороны, никаких нарушений личных границ или сугубо рабочего поведения не было тем более, ни с моей стороны, ни со стороны моих коллег, — ох, нет, я не умоляла, в отличии с той кадровички из службы такси, здесь я знала, что ни в чём не виновата и имею полное право на эту работу. И весьма кстати вспомнились слова Айрин, — если вы сейчас же не назовете мне вескую причину моего ухода, я подам официальную жалобу за дискриминацию по половому признаку.

— Вы мне угрожаете, Есения?

— Нет, требую своё по праву, — отчеканила, сложив руки на груди.

Подозреваю, что в моих глазах бушевал ураган, в то время, как Архаров таки остался стоять и спокойно смотрел мне в лицо своими чёрными глазами.

А потом он заговорил. Говорил, что в том, что девушки уволены, виновата я, потому что своей глупостью с конфетами позволила им вбить себе в головы романтические надежды, в том, что на базе осталась одна и не смогла себя защитить, в том, что из-за своей женской природы потакаю прихотям его матери... Он продолжал и продолжал говорить, а я смотрела и смотрела в его глаза и думала... И это в этого чурбана я втюрилась?

— Всё, что вы перечислили — косвенные причины. Я так же могу пожаловаться, что вы ко мне приставали, — ляпнула, и тут же прикусила язык. Всё равно он не должен знать, с кем именно он целовался на кухне ночью.

— Что, простите?

— А вот что: ваша логика в том, что может что-то ужасное случиться лишь потому, что я девушка, или уже случилось по той же причине. Но вот вам новость: случай нападения мог случиться с каждым. А насчёт девушек — а это не я их пригласила сюда от вашего имени. Я вообще-то, предотвратила жестокое кровопролитие с множеством жертв после того, как таскала строительные материалы, и не ропщу!

— Ропщу? Вам что, восемьдесят?

— Нет, — но моим самым близким друзьям — да.

— Вы бы выбрали другой тон, Есения. Повежливее, — он поднялся и оперся руками о стол.

— А вы бы выбрали другие причины, — я тоже вскочила и встала напротив него.

Где-то глубоко в голове маленький голос адекватности верещал о том, что моя вспыльчивость меня погубит и сейчас. Что надо было говорить более спокойно, но кто слушает тихие крики адекватности? Правильно, никто. И здравый смысл уже в который раз выкопал ямку и сейчас закапывает себя землёй, приговаривая, что он на такое не подписывался. Моя извращенная натура позволила наехать на босса, чтобы сохранить работу. Bravo, Сеня! Не девушка, а сказка!

Прикрыла глаза и выдохнула, возвращая самообладание. Взрослеть никогда не поздно. Посмотрела на Марка уже без былой влюбленности, и абсолютно спокойным, даже деловым тоном продолжила:

— Я ценю свою работу и прекрасно с ней справляюсь. До сегодняшнего утра я так хорошо справлялась, что вы даже не знали, что за рулём девушка. И я заслуживаю прекращения контракта по действительно серьёзным причинам, — замолкла. И решила добавить зачем-то: — господин начальник.

— Господин начальник? Ропщу? Вы в каком окружении росли, Есения? — Он усмехнулся.

— В самом лучшем, — пробурчала слегка задетая.

***

— Нет, ты представляешь? Уволить меня из-за того, что я девушка! Мы что, пещерные люди?

Дядя Мойша стоял внизу, пока я, оседлавшая крышу беседки, пыталась привинтить антенну для старого телевизора с огромным кинескопом. Скоро начнётся новый российский сериал о бедной голубке, приехавшей в Москву, и за окном последние тёплые недели. Так чего бы не устроить кинозал прямо на улице?

— Правее давай, да провод не тяни ты! — Дядя Мойша бегал вокруг беседки пачкой бумаги, где зачем-то сделал кучу чертежей. Все равно антенну цепляем на авось, — ближе к громоотводу, Сень!

Высунув кончик языка, я подтягивала антенну на подставке, которую нужно было прикрутить к гребню крыши. Руки постоянно соскальзывали, и, откровенно, ныли. Но я единственная без артрита на пару сотен метров вокруг, а Айрин на учёбе.

— Дядь Мойша, ну хоть ты мне скажи: я правильно дала отпор или опять погорячилась?

— Послушай, Сенечка, весь мир делится на производителей и потребителей. Производители создают потребителей, а потребители бегают на цыпочках перед ними. Производители настраивают налоговую систему, отправляют потребителей под суд и держат их в длиннющих очередях в регистратуре в поликлиниках. Потребители же, следуя за своим пастырем, даёт ему всю власть над собой, списывая зелёные со счетов прямо к ним в карман,

терпя ругательства мадамов из паспортных столов, а вечерами закидываясь валерьянкой перед сном.

— А?..

— Это я так, накипело, — дядя Мойша почесал затылок, — всё правильно сделала. Ты не торопись со своими решениями, не беги, ещё догонишь свой инфаркт.

Сидела, уставившись на унылую иву, проникая в глубину слов дяди Мойши. От собственных мыслей, несущихся вскачь отвлѣк звук подъезжающей машины.

— Сеня, ты ещё не собираешься? — Айрин выскочила из машины с пакетами в руках.

— Куда?

— На свидание с Максимом! Куда ж ещё?

— А? — Сегодня мой мозг явно решил уйти в отставку.

Я рассказывала Айрин о Максиме, но просто о факте знакомства, и точно не говорила о том, что у нас должен быть кофе. И, вообще, кофе — это разве свидание? И, кажется, я ему так и не ответила, если, конечно, в моём мозгу нет провалов в памяти.

— Я увидела входящее на твоём телефоне и ответила от твоего имени, чтобы ты не тухла речной рыбкой у нас на глазах, — девушка закатила глаза.

— Это ты правильно, Айрюш, — дядя Мойша одобрительно кивнул.

— Купила тебе платье, но через два часа тебе надо выходить.

— Ты стащила мой телефон?

— Тебя только это беспокоит? Не брала я твой телефон, точнее, не совсем. А денег взяла немного, но зато купила вина, не домашнего!

— Зачем покупать, если есть бесплатное?

— Ты стащила денег, чтобы купить нам выпивки? — Со смехом переспросила я, — горжусь тобой!

Спустя час, когда соседи смотрели телевизор на улице на зависть дому напротив, я, сверкающая и отмытая до скрипа, сидела, отдавшись на растерзание Айрин.

— Может, не надо было вино пить перед тем, как красить меня? Ай, ты мне в глаз ткнула!

— Не сопротивляйся, а то будет больнее, — Айрин сосредоточившись выводила мне стрелки на веках.

— Ты говоришь, как насильник.

— Ты против?

Я рассмеялась.

На голове бигуди, на руках толстый слой крема, под перчатками, потому что, видите ли, мои руки огрубели. Я была рада, что у Айрин хватило смелости на то, на что у меня её не оказалось. Опять.

Кофе с молодым и интересным человеком казалось неплохой идеей, особенно после более тесного общения с Марком Архаровым. Моя наивная влюбленность в кумира не исчезла полностью, но, зато, снизилась до не критичного минимума. Теперь мне не хотелось просматривать его фотографии каждую свободную минуту. В голове лишь его слова на тему, что я могу сделать, а на что неспособна. Эти два фронта — лёгкая влюблённость и некое неприятие — создавали внутри настоящую грозу. И Максим должен был помочь мне её успокоить, разве нет?

— Так, теперь посмотри в бок, только моргай помедленнее, — Айрин направила на меня камеру телефона, чтобы сделать новое видео. Меня сняли до, теперь по плану

грандиозный выход после.

— Как можно моргать медленнее?

— Взгляд загадочнее. Задумчивее.

— Хорошо, буду думать над скоростью моргания и над тем, почему на мне до сих пор бигуди, — я поворачивалась под руководством подружки, бросая быстрые взгляды на часы.

Время близилось к вечеру, Максим должен был заехать за мной через час. Но я уже была почти при полном параде: накрашенная и слегка нервничающая. Я даже не знаю, о чём говорить с ним? А что, если, я ему настолько не понравлюсь, что он решит высказать об этом в лицо, а у меня останется травма на всю жизнь и я буду как баба Лида из дома напротив?

— Ты чего так горестно вздыхаешь? — Спросила Айрин, делая глоток вина.

— Я боюсь, что от меня будет нести кошачьей мочой за километр.

***

— Есения! Ты выглядишь просто... Просто шикарно!

Максим вначале слегка стусевался, когда увидел наблюдающие за нами пары глаз, половина из которых была в бифокальных очках. Но, увидев меня, он просветлел и безо всякой пошлости осматривал сейчас с головы до ног, не скрывая своего восхищения, что невероятно льстило мне.

Кажется, участь заядлой кошатницы, прикармливающей голубей, обойдёт меня стороной.

Мы с Айрин завили волосы в крупные локоны, а потом она долго расчесывала их, создавая натуральный эффект укладки золотого Голливуда. Всунули моё тельце, откормленное на шоколадках и блинчиках с начинкой в платье с пышной юбкой до колена, которое скрывало синяки на ногах от постоянного лазанья под днища машин. Айрин притащила новые босоножки, которые купила себе на день рождения, который через две недели. Они придали мне немного роста, теперь я была по нос Максиму и тоже осматривала парня, будто видела впервые.

С ним не возникало никаких щекочущих чувств внизу живота, как с Марком Васильевичем, но определенно было спокойно, что сейчас как раз и было необходимо.

Мне нравилась его сверкающая, белоснежная улыбка, озаряющая всё вокруг и меня, будто всю жизнь он только и ждал. Максим напоминал нечто уютное и приятное. Был воплощением всех золотистых ретриверов и домашних пирогов — ничего опасного, всё знакомо. И почему мне что-то в нём не понравилось в первый день знакомства?

Он услужливо открыл мне переднюю дверцу машину, и я, не изменяя своей грациозной натуре, споткнулась о порог, чуть не влетев в крышу авто лбом.

— Осторожнее, — Максим успел одной рукой удержать мою голову, защищая от удара, а второй поддержать за руку, помогая сесть в машину без происшествий.

Мы стояли настолько близко друг другу, что я чётко различала золотистые вкрапинки в его зелёных глазах, чувствовала его дыхание. Привлекательный парень на расстоянии поцелуя от меня, а я думаю насчёт того, что хотела бы смотреть в неприступные чёрные глаза, вместо светлых и добрых.

— Спасибо, — выговорила, наконец, облизнув пересохшие губы.

Оставшись одна в салоне, почувствовала дикую скованность. Даже дискомфорт с лёгкой ноткой страха, будто готова увидеть окровавленный топор, или чей-то бюстгалтер, игриво валяющийся на заднем сидении. Или игрушку-пружинку, уж не знаю, в чём причина, но

меня с детства эти «радуги» вводили в состояние благородного ужаса.

— Я заказал нам столик в итальянском ресторане, а после, перед небольшим сюрпризом, у нас будет время прогуляться и познакомиться поближе, — Максим с улыбкой посмотрел на меня и завёл машину.

Я нервно одёрнула подол платья, пряча синяки:

— Звучит как хороший план.

Почему нет курсов для девушек, которые давно не были на свиданиях? Вы только представьте, какая каша может твориться у юной леди, мало того, что неискущённой опытом в принципе, так ещё и потерявшая столько времени, выбившаяся из традиционного окружения? Запала на деспота-босса, с которым не просто не по пути, а вообще на по одному полюсу. А симпатичный парень вызывает скрытое напряжение, которое я пыталась убрать подальше, но оно проявлялось почти во всём.

Ну как можно не обращать внимание на стук в собственной машине?! Это всё равно, что игнорировать температуру у ребёнка.

— Ты слегка напряжена, — Максим нежно взял мою руку в свою ладонь, — точно, напряжена. Мне не показалось.

— Для девушки, которая давно не была на свидании, споткнуться о машину в первые же пять минут — не лучший стимул к расслаблению.

Максим рассмеялся, отпуская мою руку.

— Ты забавная, Сеня, давно не встречал таких девушек как ты.

Хотелось спросить «это каких же?», но не хотелось выглядеть кокеткой, да и он явно скажет нечто банальное до невозможности. Все они так говорили: «Ты не такая как все, Сеня», «На таких как ты женятся», «У тебя глубокий внутренний мир, глубже, чем декольте Светки, хотя казалось бы, куда глубже?», «Пятихатку верну через неделю»...

Некоторые девушки про свою молодость любят говорить, что творили много ошибок, но я переплюнула многих из них — я с ними встречалась. Откуда взяться опыту общения с мужчинами, если всё моё окружение видело Сталина, мои коллеги всегда были мне нечто средним между братьями и приятелями, а от своих бывших ухажёров я бежала, как Айрин от гусей?

Максим вытянул меня на лёгкую беседу обо всём и ни о чём, я даже почти перестала обращать внимание на раздражающий стук в машине.

Ресторан находился почти в центре и производил впечатление откровенно дорогого. Айрин сказала, что тот, кто пригласил на свидание, тот и платит. А что, если Максим не такой? Не хотелось бы тратить деньги на еду в дорогом заведении, когда на мне всё ещё висит долг за дурацкую водительскую кепку от громкого бренда.

— Мне льстит, что на мою спутницу все оборачиваются, — тихо проговорил Максим, придерживая стул.

— Надеюсь, из-за этого с их спутницами мне не нужно будет выяснять отношения.

— Это моё любимое заведение, если ты позволишь, я сделаю заказ на свой вкус, — Максим сел напротив и заглянул мне в глаза.

Конечно, не против. Звучит так, будто платит всё-таки он. Правда, я люблю много поесть, но сама бы стеснялась заказать, всё что утроба моя ненасытная пожелает, так что — дерзай, мой светлый рыцарь.

Сначала я шипела на Айрин, что она нарядила меня чересчур броско и претензионно, мне было бы привычнее в джинсах и футболке, но сейчас я даже радовалась настойчивости

подруги: на фоне девушек в заведении я выглядела даже скромно.

— Как так получилось, что такая хрупкая девушка оказалась в центре сугубо мужской профессии?

— Только не говори, что девушкам там не место, — вложила всё самообладание в слова, чтобы не показаться резкой. Надо же, полоснул прямо по больному.

— Нет, нисколько, — Максим засмеялся, — я верю, что девушки во многом лучше мужчин. Даже в вождении. Вы гораздо более аккуратны и внимательны.

— Отступление засчитано, — в тон пошутила я.

— Фу-х, боялся, не выкручусь. Так что же?

— Думаю, помог случай...

За лёгкими закусками в ожидании стейков рассказала обрезающую историю о Семиохине и его доброте, он в свою очередь рассказал о службе в армии, о том, как потом его рекомендовали в службу безопасности бывшего криминального авторитета, который сейчас идёт по слаженной дороге законности.

Мне даже не приходилось задавать вопросов, Максим рассказывал о своей жизни с такой же лёгкостью, как обаял всех официанток вокруг и девушек за соседними столиками. Вырос у тётки, отца не знал, после школы пошёл в армию в пограничных войсках, а потом отучился на заочном. Мечтал о приюте для животных — уж очень любил собак. Но для этого надо было много денег, ведь предприятие — то не особо коммерческое.

Ему удалось меня рассмешить, на душе полегчало. Жизнь не заканчивается на словах начальства о том, что они только планируют от меня избавиться. Всё до сих пор в моих руках. Главное — не облажаться. Да и мир не крутится вокруг работы.

Когда принесли стейки из мраморной говядины, я растаяла окончательно.

— Мне нравится, как ты мурлычешь, — улыбнулся Максим над бокалом воды.

— Что, прости?

— Ты умеешь наслаждаться жизнью, Сеня, и это видно. Ты, когда тебе вкусно, мурлычешь как кошка, прикрывая глаза.

— О, господи, извини, — схватила салфетку, промокнуть губы, — не думала, что настолько могу потерять контроль. Но стейк шикарен! Готова променять лучшую подругу на пожизненный запас.

— Не стоит так краснеть, — Максим опять взял меня за руку. Невольно заметила мозоли на руках, как у Костика от тренажёров.

— Эй, сделай мне скиду, — тихо засмеялась, — я всё ещё смущаюсь.

— Что мне сделать, чтобы ты расслабилась?

— Здесь даже такой обаятельный парень, как ты, бессилен.

— Ого, теперь я смущён! Комплимент от такой красивой девушки, на свидание с которой я уже и надеяться перестал, дорогого стоит.

После обалденного ужина и не менее обалденного вина, мы вышли в летнюю прохладу чуть ли не за руки держась. Максим не переставал быть главным в этом вечере, а я не сопротивлялась. Несколько часов сна, немного алкоголя и плотный ужин сказались сонливостью на мне. Он говорил ещё о каком-то сюрпризе, а я уже эгоистично думала лишь о том, чтобы побыстрее оказаться дома, в кровати.

Вечер просто шикарный, я хапнула комплиментов на год вперёд, ну как я могу оставаться равнодушной к такому парню, как Максим? Что со мной не так?

— О чём задумалась? — Спросил он, беря меня за руку.

Ох, тебе лучше не знать. А то ещё заставишь скинуться на ужин, а потом укажишь в закат.

— Да ни о чём интересном, — посмотрела на наши руки, как на что-то неестественное.

— Я не прощаюсь, у нас ещё планы, но, Сень, мы ведь ещё увидимся?

Ну да, глупо было думать, что это одноразовое свидание. Такое чувство, что у Максима уже сложились некие планы на мою скромную персону, а моих планах не было никого, кроме Эдмундо, Вилли и Клайда. Даже о шоколадках уже можно было забыть, но чуть позже.

Может, глупо было ожидать бабочек в животе и прочее, но моё увлечение недостижимым боссом задало высокую планку, которую Максим вряд ли может сейчас переплюнуть. Да и несправедливо требовать от него такого. Просто нужно немного времени. Вот как быстро Марк собственноручно, не подозревая, снизил накал воздыхательности с моей стороны.

— Максим, я...

Начала я как можно более осторожно, чтобы не обижать хорошего человека, как меня прервал входящий звонок:

— Сеня! Срочно дуй сюда!

— Зинаида Александровна? — Уточнила в кричащую трубку.

— Что за еврейская манера? Мне плевать, чем ты сейчас занята, но ты нужна мне здесь прямо сейчас! Ты не поверишь, что произошло...

Как водится, к моменту прибытия к особняку Архаровых я успела накрутить себя донельзя. Рвано попрощавшись с Максимом и страстно заверив, что напишу ему, как вернусь домой, прыгнула в такси и всю дорогу раздражала водителя своим ёрзаньем на сиденье.

Сама водила такси, знаю, как бесит, когда клиенты всем своим видом показывают, какая же ты черепаха, но ничего с собой поделать не могла.

Несколько раз пыталась дозвониться Зинаиде Александровне, но телефон ею игнорировался во всех смыслах. Я ожидала увидеть сгоревшую крепость, захват людей с виллами наперевес или, в худшем случае, армию поклонниц, ушатывающих ночную смену гардов.

Особняк встретил меня тёмными окнами и молчанием. Привычно пошла к чёрному входу возле гаражей, ёжась под зябким ветром. Дверь ожидаемо была закрыта. Попыталась дозвониться парню с другой смены, но безуспешно. Рацию, естественно, на свидание не взяла.

После нескольких попыток дозвониться до Зинаиды пошла на крайние меры. Несколько мелких камешков нашлось недалеко от лужайки на садовой тропинке. Пришлось снять босоножки, чтобы не испортить Айрин её новую обувь. Подобрала самые безобидные камешки и, прицелившись, начала бросать их в окно Зинаиды Александровны.

— Что ещё за выходки? — Громко шипя, высунулась она в окно.

На долю секунды меня позабавила ситуация, я прямо как Ромео для чудачки.

— Вы же сами позвонили в истерике и попросили срочно приехать! Я не смогла попасть в дом, а вы на звонки не отвечаете.

— Так залазь!

Я в шоке уставилась на неё. На второй этаж? Серьёзно? Я, конечно, камешками пробросаться ещё могу, но вот по стенам лазить — совсем не моё.

— Вы серьёзно?

— Или давай я вылезу, — продолжала она.

— Зинаида Александровна, вы же надо мной просто издеваетесь сейчас, да? — Я уже почти стонала от досады. Она всерьёз сорвала меня со свидания от скуки?

— Да успокойся, сейчас откроют дверь.

Босиком пошла обратно к чёрному входу. Вокруг было настолько тихо, что, казалось, наш громкий шёпот мог слышать любой желающий.

Дверь открылась, и в приглушенном свете показался Илья:

— Ого! Ты настолько потрясно выглядишь, что я почти и забыл, какая ты ужасная личность.

— Я прелесть, смирись, — шикнула на него.

— Чего босиком?

— Минимизация потерь.

Быстро сполоснув ноги, побежала в любимую гостиную Зинаиды Александровны, где она уже ждала мою скромную персону с изящным кофейником наперевес.

— Так что случилось? — Спросила тихо.

— Почему шепчешь?

— Не знаю, а вы почему?

Зинаида Александровна вместо ответа налила чашку кофе мне и чай себе, поправила игривый домашний халат и, наконец, подняла на меня заплаканные глаза:

— Со мной связался тот балбес, которому я плачу столько денег. Мне передали папку с информацией, что на Маркушу готовится покушение.

Такая новость почувствовалась лавиной для моей головы.

— Вы уверены? Кем?

— Точно не Бединым, тот уполз в своё гнездо и небось уже ядом давятся со своей Алиной.

— Но наши ребята регулярно всё проверяют, если бы что-то готовилось, они бы знали...

— Думаешь? — Она прищурилась, — а вот я думаю, что те стукачи просто протирают штаны. Кроме тебя, конечно, ты в окно готова была лезть по первому зову, но вот они... Я Маркуше уже начала намекать, что пора бы сменить старую, бесполезную гвардию.

— Так, стоп, — со стуком поставила чашку на стол, — не будем горячиться. Во-первых, покажите ту папку или что там. Не могли мои пропустить такую новость. А во-вторых, мы можем ведь всю информацию передать Михалычу и Зурыгину, они уж точно что-нибудь придумают.

Зинаида сверлила меня взглядом некоторое время, но потом всё же сдалась и решила показать своё сокровище. Конечно, я ведь та, кто по первому зову в окна лазит.

Передо мной оказался лишь распечатанный лист А4 со скриншотом экрана, где было что-то типа лота и отметка «Продано». В лоте было указано имя, фамилия, дата и город рождения, набор цифр и весьма существенная сумма в долларах США.

Выглядело всё... Станным.

— И исходя из этого вы предположили, что?..

— Это же аукцион, недотёпа, где выставили убийство моего сына. И его кто-то купил.

Слишком странно, и притянуто за уши, если честно. Казалось, что её этот самый детектив просто решил обдурить старушку и склепал какой-то дельце, чтобы потом якобы найти убийцу и стясти ещё больше денег.

— А эти цифры — что они значат?

— А мне почём знать?

— И что вы планируете с этим делать? — Спросила аккуратно, ища признаки подступающей истерики.

Уж я-то точно расскажу всё Михалычу и, от греха подальше, ещё и этот лист покажу. Верить-то я не верила, но бережённому, как говорится...

— Как что? В полиции не приняли, значит, нам с тобой надо это предотвратить.

— Это как же? Бегать вокруг него и от пуля отмахиваться?

— Ну ты и дурёха иногда. Я заставлю его меньше высовываться, а ты уж убеди своих балбесов сделать, наконец, хоть что-нибудь. Кто-то заказал моего сына? Вот пусть хоть это выяснят, бесполезные штаны.

Верилось ли мне во всё это? Нет. Были ли сомнения? Ну конечно же. Но кто я такая, чтобы судить? У Архарова неспроста штат гардов. Просто покажу файл Михалычу, а дальше он сам.

Меня пробрало холодом от мысли, что что-то плохое может произойти в моём присутствии. Я-то уж точно не буду прикрывать своим телом босса от пули, но вот если с ним что-то случится на моих глазах? А, если с Костиком или даже с противным Ильёй? Они мне второй семьёй становятся.

Настолько погрузилась в невесёлые мысли, что не сразу услышала Зинаиду Александровну.

— Ты на ходу спишь, что ли?

— Задумалась. Мне уже пора, а вас попрошу и дальше не высовываться, — я уже направилась к двери, всё также держа босоножки в руках, как в голову пришёл логический вопрос: — А как вы вообще получили этот файл?

— Я, ну... — Впервые можно было увидеть стушевавшуюся мать Архарова.

— Вы выезжали в плохие районы без меня?!

— Я думала, ты будешь ругаться.

— Как я могу ругаться, вы ведь тоже моё начальство!

— Но сейчас ты ругаешься, — укоризненно произнесла женщина, которая сейчас казалась меньше обычного.

— Да, но по делу. Я не стану помогать, если не буду уверена, что вы в безопасности.

В ответ она лишь фыркнула, что я приняла за согласие и уступку.

Можно было, конечно, остаться спать прямо здесь, в «моей» комнате, но сегодня не моя смена, пусть Илья и здесь. Выглядело бы это наглостью. Я стояла в тёмном коридоре, опёршись о стену, и пыталась вызвать такси, пока безуспешно. Обычный эконом не мог найти мне ни одну машину, а на другие тариф сейчас был заоблачный.

Зинаида Александровна, кстати, предложившая мне не ехать в ночь и остаться здесь, уже минут пятнадцать, как ушла спать. Но, оставаться здесь было не по себе. Я ведь профессионал, как никак.

— Работаете внеурочно?

Марк спускался с лестницы, неплохо ориентируясь в полумраке, царившем вокруг.

— Эм, вызов на дом, для любимых клиентов.

— Опять дерзите?

— Никак нет.

Марк прошёл мимо на памятную кухню и остановился аккуратно на том месте, где мы недавно целовались. У меня дрожь по спине, а он, как ни в чём не бывало, достал два стакана и набрал воды.

— Вы выглядите взволнованной, — он протянул один стакан мне. Но я стояла у двери, так что как зачарованная пошла навстречу.

Умеет же магнетизировать.

— У вас с моей матерью секреты?

— Я бы не сказала, она просто переживает за... за всех.

Он хмыкнул, будто не поверил ни единому моему слову. Хотя, почему «как будто», он прекрасно знал свою мать и что она за активистка. На его месте, я бы давно приставила за ней круглосуточную слежку. Дома сидеть она точно не собирается, так хоть под присмотром.

Я всматривалась в лицо человека, который ворочал миллиардами и судьбами тысячи людей и думала: а не рассказать ли ему? Не показать ли копию того файла, что лежит у меня в сумочке? Возможно, как и в случае с девушками и их шоколадом, он посчитает, будто я потакаю необоснованным вспышкам переживания его матери и отстранит от неё. Или вообще уволит, как и грозиться. Возить мать такого человека по воистину значимым местам — уже серьёзный проступок.

Но, а что, если Зинаида Александровна всё же права? У Марка наверняка много

конкурентов, а то и врагов. Я ведь не разбираюсь в его мире, с чего я вообще взялась судить, что возможно, а что — нет?

— Марк Васильевич... — Как только произнесла его имя, весь запал куда-то исчез.

Он приподнял одну бровь, приготовившись слушать, а я ступевалась окончательно. Да что ж такое, стою как олимпиадница по физике перед Эйнштейном и слово высказать не могу. Перед Ильей так я сама Опра Уинфри.

— Вам, наконец-то, нечего сказать?

— Нет, я... — Телефон завибрировал оповещением, что машина найдена, — нет, ничего.

— Ваш выбор, — он усмехнулся и пошёл на выход мимо меня, — от вас приятно пахнет. Доброй ночи.

— Это я стейк ела, — пробормотала я в пустой дверной проём.

Пробуждение было ярким и головоболящим.

— Сеня! Это к тебе? — В дверь барабанила тётя Люба.

На часах почти семь утра. Мои соседи-то уже не спят, но машинный гудок сто процентов разбудил Айрин. Никто не смеет будить Айрин, если желает остаться с целыми рёбрами и нервной системой.

Простонала в подушку. Я не успела отдохнуть, в глаза будто песка насыпали, а голова так и не освободилась от гнетущих мыслей, зародившихся после беседы с Зинаидой Александровной.

— Твою мать!!! Почти семь!!! — Подскочила, будто ошпаренная.

Я впервые проспала работу!

Выглянула в окно, где, как оказалось, стоял Костик, хмуря глядя на мои окна. С явным намёком он вновь потянулся через открытое окно и нажал на клаксон.

— Дай мне минуту!

Рванула в ванну, где ополоснула лицо ледяной водой. Сегодня придётся начать день без кофейных ласк Эдмундо. Спотыкаясь, натягивала брюки, одновременно пытаюсь найти белую, не мятую рубашку. Прыгать на одной ноге было плохой идеей. Я споткнулась о собственную вторую ногу и растянулась на полу, порвав штанину.

— Ну блин, ну!

Впопыхах удалось поднять из братских могил настолько узкие брюки, что уже становилось почти неприлично. Или во мне это говорит моё старческое воспитание.

Побросав вещи, пригладив влажными руками слегка мятую рубашку, выбежала на улицу, где Костик уже выслушивал лекцию об уважении частной жизни от Айрин.

Вообще-то, моя любимая подруга могла заткнуть за пояс любую тётку из регистратуры или нахалку на рынке, но громадина Костик стоял, смотрел на неё и будто улыбался.

— Забавная, — громыхнул он с усмешкой.

— А ты — хамло! У Сени, вообще-то, телефон есть. Обязательно было всю улицу будить?

— Тише, Айрин, — подошла к ней, — эту крепость не сломить. И разбудил он всех из-за меня, прости.

При взгляде на меня она заметно смягчилась.

— Ты мне должен, — она задрала носик, взглянув на Костика, а после ушла домой, гордо взмахнув волосами, а он так и стоял, улыбаясь ей вслед.

— Я бы на твоём месте испугалась её «ты мне должен». Последний, кому она это

сказала, ещё недели две заикался. А это был матёрый участковый.

Костик перевёл взгляд на меня, а потом снова на подъезд в котором скрылась Айрин, и сделался совсем уж загадочным с этой его улыбкой.

— Ты ведь её не будешь есть, правда?

— Шеф сказал забрать тебя. Ты опоздала, а значит — штрафник.

— Что значит? — Переспросила, садясь в машину и обнимая сумку со сменкой.

— Будешь вместо Леонида возить Архарову бывшую.

— Ну не-е-е-ет, у меня от её кепки голова чешется, она вообще на нос съезжает!

Никто надо мной, естественно, не сжалился.

— Степан Михайлович, я могу с вами поговорить? — Я уже успела выпить-таки кофе и даже провести диагностику Бони, как удалось словить освободившегося шефа. — Мне нужно вам кое-что рассказать об Архарове и о том, что узнала его мать.

— Заходи.

Сейчас уже не заикалась, как при Архарове, и выложила все карты на стол: от того, как мы с ней поехали к странному человеку и о том, что она мне передала. Судя по нахмуренным бровям Семиохина, возможно, её подозрения были не так уж и безосновательны.

Я сказала, по какому именно адресу мы ездили, но он так и не нашёл никого, кто бы снимал там помещение. Сейчас же я должна была рассказывать всё, абсолютно всё о том, что делает и с кем встречается Зинаида.

Больше всего его интересовало, как именно тот вышел на невероятно закрытый ресурс в даркнете.

Спустя пару часов, Михалыч собрал всех, кто был не на выезде:

— Итак, Сеня принесла нам слегка беспокоящие новости. Исходя из собранной информации в подполье не уходим, но необходимо быть максимально на стороже — на босса готовится нападение. Никто из тех, о ком стоит действительно беспокоиться не задействован, но меня напрягает, что возникли третьи лица, неизвестные нам до этого.

Все начали стояли, даже не переглядываясь друг с другом. Сложилось впечатление, что подобную речь они слушали не впервые.

— С этого дня входим в экстренный режим. Всем быть в часовом доступе, город не покидать, алкоголь не употреблять. Сеня, — он обратился ко мне, — ты будешь на Архарове-бывшей, подальше от самого Архарова. И это уже не в наказание. Зинаиду Архарову мы из дома выпускать не будем.

Ну вот, приехали. Она меня отравит также, как и Виктора из-за того, что я её сдала полностью. Тот, конечно, быстро оклемался, но я-то помню, какие длинные у неё её наманикюрные лапки.

Алина удовлетворённо хмыкнула, как только увидела меня. Ну конечно, я стояла вся в чёрном в пиджаке на два размера больше, одолженном у Леонида, чтобы прикрыть попу, которая в этих брюках смотрелась несколько претензионно, а на брови сползала её любимая кепка. Стояло чинно у открытой дверцы с каменным лицом, как и полагается исполнительному работнику.

— Сейчас покружи по городу, — от Алины в Клайде сразу же разлился океан цветочного парфюма. Не приторно-сладкого, даже приятного, но меня покорило всё равно. Села, а будто территорию пометила.

Ни говоря ни слова, как она и любит, выехала со стоянки жилого комплекса и покатила по забитым улицам Москвы.

Максим меня решил отругать, что ночью так и не написала, как добралась домой, а меня это раздражало аж до зубного скрежета. Забыла, и что с того? Он прислал мне ещё несколько сообщений, которые я не читала, оставила на потом. Не хватало, чтобы меня ещё отчитывали.

«Кажется, я переборщил. Не обсудить ли нам это за чашечкой картошки?» — Пришло от него.

Покосилась на высветившееся окно с сообщением и улыбнулась. Надо же, запомнил, что я люблю жаренную картошку. Ладно, существует доля вероятности, что я так остро среагировала лишь из-за того, что не выспалась.

— Ты на дорогу вообще смотришь? Смешное что-то увидела?

Покосилась на шипящую девушку через зеркало заднего вида. Немного неудобно было из-за козырька, но гневное, холёное лицо удалось увидеть весьма чётко. Всё же она невероятно красивая женщина. Обычно, у человека озлобленность оставляет след на лице: чуть нахмуренные брови, припущенные уголки губ, да даже сами глаза будто режущие. Но Алина выглядела так, будто готова обнять весь мир вокруг и поделиться любовью. Если бы я вначале увидела её вживую, а лишь потом познакомилась поближе, я бы ни за что на свете не поверила бы всем тем рассказам, которые ходят про неё.

Не знаю, насколько интересно было бы услышать то, что её сделало такой, но увлекательно точно. И, как ни странно, в какой-то степени она даже подходила такому как Архаров. Девушка слабее под ним бы сломалась.

Наверное, многие похожие понятия в этом мире отождествлены, как сила и злость.

— Нравлюсь? — Улыбнулась она уголком пухлого рта, — называю адрес, ты рулишь туда. От тебя — никаких вопросов и доехать быстро. Не слишком сложно для тебя, милая?

Тётя Роза советовала в отношении тех людей, который нас раздражают, но мы ничего не можем с этим поделать, начинать жалеть их. Это помогало изменить отношение к ним.

За что мне жалеть Алину? За молодость, хваткость, богатство? За то, что она окрутила одного из самых завидных мужчин страны? За то, что знает пару языков и у неё прекрасное образование? Да уж, бедная девочка, сейчас расплачусь.

— Что это ещё за дыра? — Спросила сама у себя Алина, когда я подвезла её по адресу.

— Адрес точный? — Переспросила, осматривая гаражный кооператив, где весело, наперегонки бегали дворовые собаки разных бродячих мастей.

Что-то не верилось, что Алина в брендовых туфельках пошлёпает по лужам прямо

вглубь советского пережитка в лучшем его проявлении.

«Вахтеру звонить в звонок с 7.00 до 15.00. Без вахтёра въезд воспрещен» и нарисованная стрелочка на звонок.

— Я туда не пойду, — заявила моя пассажирка.

— Разворачиваемся?

— Мне нужно там забрать пакет для кузена. Пойдешь ты.

С сомнением посмотрела на ржавую цепь вместо шлагбаума. Что же за пакет-то такой?

— Мне долго ждать?

— Куда конкретно идти?

— Помещение пятьдесят девятое. Сообразишь хоть? У тебя сегодня с мыслительным процессом тугова-то.

Задействовала экстренные резервы самообладания, чтобы не огрызнуться на неё, и вышла на улицу.

— Вы только не выходите из машины, — в душевном порыве сказала ей.

Вместо ответа на меня посмотрели, как на микроб, пытающейся возникнуть под туфлей и усталились в смартфон.

На знаменитый звонок вахтёра никто не ответил, так что я без зазрения совести перелезла через цепь. Два пса с весёлым гавканьем увязались за мной.

— Какие вы хорошие, — присела на корточки, чтобы почесать за ушком рыжего пёсика с чёрным пятном на мордочке, — ой, вы же девочки! Простите, сестрёнки, у меня нет вкусняшек с собой. Но, если тихо, разрешу съесть жилистую, злую тётку. Может, будет жестковато, зато чистейший белок.

В ответ мне с благодарностью облизали ладонь.

Пару раз заблудившись, наконец дошла до указанного гаража. Хоть Алина и назвала адрес и предупредила, что меня там будут ждать, но я всё равно, почему-то, удивилась увидев его открытым. Здесь, казалось, вся жизнь остановилась: вокруг вообще никого, всё было закрыто либо на амбарные замки, либо и вовсе заколочено досками. Если бы не моё воспитание, я бы даже рискнула заглянуть в тот самый пакет, который должна была забрать.

— Здесь есть кто-нибудь?

На мой стук послышалась возня из дыры в полу. Туда я точно спускаться не рискну. Сняла кепку и присела возле ступенек:

— Эй, там есть кто? Меня Бедина прислала, — специально не упомянула фамилию её бывшего мужа, которой она так любила называться.

Наконец, я услышала шаги, а после появился молодой человек.

— А где сама Бедина? — Парень поднимался по лестнице, вытирая грязные руки о не менее грязную тряпку.

— Она меня отравила, — сделала шаг назад, уступая дорогу. — Чем это у вас так пахнет?

— Пахнет? Чем-то не тем?

— Нет, просто непривычно. В гаражах запах металла и машинного масла, а здесь будто... Мылом или чем-то из детства.

— Держим всё в чистоте, — он улыбнулся и пошёл к деревянным ящикам в углу.

Про чистоту он загнул, конечно. Не знаю, почему я прицепилась к этому запаху в гараже, но он настолько выбивался из привычного амбре всех гаражей всего мира, что игнорировать было невозможно.

Наконец мне в руки вручили увесистый пакет и торжественно выпроводили на улицу, где меня поджидали четвероногие охранницы, которые сейчас по неведомой причине на меня начали рычать.

— Знаю, знаю! Мне тоже воняет, но я же не виновата.

Ещё раз принялась к чёрному пакету, обмотанному обычным скотчем. Мылом он пах, или нет — дали, что дали. Интересно, как вычищенная как новая монетка Алина будет держать его на коленках.

— Фу, от тебя несёт псиной и хозяйственным мылом. Убери эту хрень в багажник, — я даже дверь до конца открыть не успела.

«Чашечка картошки меня устроит» — отправила Максиму. Само свидание-то у нас выдалось неплохим. И парень он хороший.

Я пригнала Вилли уже под ночь со станции в подземный гараж главного офиса, и сейчас ждала Леонида, переписываясь с Максимом.

«Тогда завтра? Не хочу давить, но мой мир рухнет, если я тебя не увижу завтра)»

«Завтра будет завтра) В пятнадцать часов утра напишу, хорошо?»

Внезапно возле моей головы ощутило громыхнуло, я аж взвизгнула.

— Костик! У тебя жизненная цель — довести меня до ручки сегодня? — Опустила стекло.

— Мне от тебя кое-что нужно, — он переминался с ноги на ногу, пожёвывая нижнюю губу. — Только никому ни слова.

— Идёт. Что у тебя?

Здоровяк смотрел на меня, явно пытаюсь на что-то решиться. Наконец, он вздохнул и достал из кармана тот самый крохотный блокнотик. Костик быстро вырвал две странички и сложил в маленький квадратик.

— Сень, передай Айрин, а?

Я зачарованно уставилась на листики из того самого мистического блокнотика. Страницы были вырваны почти из самого начала, то есть, запись была сделана относительно давно. Илья мне не поверит! Я же могу узнать, наконец, что там!

Посмотрела на Костика и поняла, что он узнает, если я прочитаю. А узнает — я труп.

— Передам, — произнесла я, благоговейно глядя на квадратик. У Айрин потом выпытаю.

Он ещё потоптался на месте несколько секунд, почесал пятерней со сбитыми костяшками лысую голову и ушёл. Я же бережно спрятала сложенные листочки во внутренний карман пиджака и подпрыгнула от страха второй раз от внезапной музыки на телефоне.

— Легка на помине, — ответила на видеозвонок от Айрин, — что-то случилось? Ты какая-то... истерзанная.

Вздохмаченная девушка на экране сдула прядь чёрных волос со лба:

— Драку разнимала. У нас воцарилось временное перемирие на первый сезон какого-то там воробушка из глухомани, но после выяснилось, что в любовном треугольнике стороны заняли разные позиции.

— Ох как, ты в порядке?

— Случайно сломала костыль деда Васи, а так норм. Ты какая-то бледная, нет?

— Да так, лёгкий дурдом на работе.

— А улыбаешься чего так загадочно?

Улыбалась я из-за тайного послания, предназначенного ей, но решила рассказать и передать лично. Айрин не умела терпеть, заставила бы прочесть прямо здесь и сейчас, а, как мне казалось, Костик бы этому не обрадовался.

— С Максимом переписывалась.

— Ого! Он не сбежал от твоего динамо? Чё пишет? Не обижается?

— Завтра встретимся, вроде, нет.

— Ты должна отправить ему фотку!

Она что, сдурела? Какую фотку?

— Ты что, сдурела? Какую фотку?

Спросила на свою голову. Айрин убедила меня предоставить второй стороне задаток на будущее, то есть, сделать и отправить фотографию себя, как доказательство того, что я тоже заинтересована. На мой вопрос, не бред ли это? Айрин стала цитировать статьи из гражданского кодекса. Так что под руководством подруги я пыталась изобразить, по её словам, сексуальность, невинность, игривость, открытость и замкнутость в одном флаконе, а она видела и направляла по видеосвязи все мои позы и выражения с комментариями «на четвёрочку» или «а вот теперь втяни щёки, язык к нёбу и немного воздуха к губам».

— Вот! Замри! Фоткай!

У меня же со серьёзным лицом это сделать не получалось.

— А вы точно продюсер? — Хохотала я, — подожди, что-то пришло.

«Поднимитесь ко мне. А.»

— Вот, блин. Босс вызвал к себе.

Айрин заставила прямо при ней отправить фото Максиму, и я, закрыв Вилли, пошла к Архарову.

Было действительно поздно для офисной жизни, но меня всё-таки словили две девушки, которые передавали Марку не самый вкусный, прошу заметить, шоколад.

— Есения, а Марк вам ничего не говорил? — Спросила та, что повыше.

— Нет, но ваш шоколад уплетал за обе щеки, — не стесняясь соврала я.

— Он, наверное, на бал пойдёт со своей бывшей, да?

— Боюсь, что так, — не хотелось сплетничать, но вру, хотелось, — хотя там не всё так гладко, так что не падайте духом! Кстати, он решил перейти на белый шоколад с марципаном, — хамон просить, наверное, будет уже наглостью, — только, если увидите персональное приглашение от Архарова, не ведитесь. Это ловушка.

— Так вот из-за чего уволили Бондаренко и Ластюк? Мы-то думали, что они натворили, почти самые значимые кадры у нас.

— Серьёзно? Это почему?

— Ластюк была начальницей отдела кадров, она перед приёмом всех шерстила в хвост и в гриву, а после её замены пришли несколько сомнительных типов. Вообще из ниоткуда. Бондаренко — адвокат, особенно была хороша в досудебных урегулированиях. Сейчас у нас уже началось пара судов без неё.

Девушки горестно повздыхали и, заверив меня, что к утру подготовят тыквенный латте в кофейне и принесут белый шоколад с марципаном для Архарова и для меня, как дополнительную награду.

Оставшийся путь я размышляла над словами моих поставщиц шоколада, и нет, стыдно мне не было, просто не повторю своих прошлых ошибок и не буду наслаждаться сладкой жизнью прямо на рабочем месте.

Так это что получается? Получается, с увольнением верных Архарову специалистов компания слегка начала сходить с рельсов? Ничего себе, всего из-за двух людей? Зурыгин ведь работает в безопасности самой компании, а не у нас с Михалычем, он-то ведь может проверять, насколько пришедший человек безопасен? Кстати, а где он? Такое творится, а целый день ни слуху, ни духу.

Я раньше никогда не была в офисе так высоко. Только первый этаж и его кофейня, либо не совсем высоко по мелким поручениям. На двадцать четвёртом этаже никто не встретился. За стеклянными стенами находились кабинеты с длинными столами для совещаний, везде висели выключенные телевизоры и уж слишком много растений в кадках. Тётя Роза бы оценила.

— Могу зайти? — приоткрыла дверь кабинета после короткого стука и, не дожидаясь ответа, вошла.

В просторном кабинете, выполненном в индустриальном стиле, за не менее большим столом сидел Архаров и хмурился в экран телефона.

— Здравствуйте, — чинно сложила ручки за спиной.

Он выглядел удивлённым. Вместо приветствия он будто ошарашенно осмотрел меня с ног до головы, а потом уставился в лицо. Неужели я что-то перепутала, и это не он прислал мне сообщение?

Поскольку молчание затягивалось, решила всё же проверить. Совсем уж тайно проверить входящее сообщение не получится, но решила попробовать чуть менее заметно.

— Ох, батюшки святы... — выдохнула я почти с болезненным стоном в душе.

«Поднимитесь ко мне. А.» — от Марка.

«С нетерпением жду встречи» — от меня вместе с фотографией, где я с тем самым восторженно-манящим-сексуально-загадочным выражением лица посылала задатки в фотообъектив.

— Кхм, — пожевала губу, убирая телефон, — ну что ж. Здесь случилась следующая ситуация...

— Обычно мои сотрудники не любят попадать сюда. И уж тем более не выражают такого восторга по поводу вызова в кабинет.

— Насчёт нелюбви сотрудников я бы поспорила. А если серьёзно, я ошиблась адресатом.

— И кому же предназначалось сообщение? Я ошибаюсь, или у вас сейчас экстренный режим и вы вынуждены почти жить на работе.

— М-м-м, Айрин, моей подруге.

— Такая фотография — подруге?

— Мы очень близки.

Он продолжал смотреть на меня тяжёлым взглядом, а я... Я же пыталась сдержать смех. Да, он определённо не привык к таким ситуациям, да и я — тоже, но вместо привычного мне тушевания в обществе Архарова, на меня свалилась вся комичность ситуации: сидит себе такой бог недвижимости, а ему присылают вот такое вот фото, да ещё в его собственной машине, да ещё после вызова к себе скорее всего не для дружеской беседы. А вместо страха и трепетания весть о том, как я соскучилась.

— Вы что сейчас смеётесь?

— Никак нет, — кашлянула я, чтобы хохот не вырвался наружу.

— А по-моему — да, — откинулся он на спинку кресла.

Вообще-то, Архаров сейчас и сам улыбался. Почти. Ну, с лёгким намёком.

— Извините, Марк Васильевич, я надеюсь, вы поверите, что я действительно отправляла фото не вам. Я не настолько наглая.

— А мне кажется, настолько.

Жестом он указал мне на кресло, и я села, приготовившись слушать.

Итак, что у нас сегодня в меню? «Сеня должна быть уволена под соусом «ну вы же девушка»? «Ужаренная в попу Алина с добавкой «Сеня непрофессионал»? «Закуска от Зинаиды Александровны: а не придумать ли мне ещё что-нибудь для Сени»?

— У меня есть личная просьба к вам, — Марк поднялся, медленно обогнул стол и остановился возле меня, упёршись бедром в угол, — вы знаете, что сейчас ситуация складывается не самым безопасным образом. А я знаю, что по какой-то неведомой причине вы стали близки с матерью. Я бы хотел, чтобы вы её увезли из города.

— А она об этом знает?

Что-то мне подсказывает, если она и знает, то вряд ли согласна.

— Увезти её из города — считайте моим приказом. А вот сделать так, чтобы она согласилась — это и есть просьба.

— Мне кажется, вы немного преувеличиваете моё влияние на неё.

— С вашим появлением она впервые перестала вмешиваться во всякие неприятности. Как я понимаю, вы вытянули из неё обещание, чтобы она сидела дома. Вот она и сидит.

Он устало потёр лицо ладонями, кажется, вдруг резко постарел в одно мгновение. Вся усталость, которую он, как выяснилось, скрывал всё это время, мигом отразилась на волевом лице.

— Однажды у моей компании был продолжительный судебный процесс с пострадавшими заказчиками. Такое случается, суды могут идти годами. Один минус — это траты на издержки. Но моя мать вбила себе в голову, что у меня могут быть проблемы гораздо серьёзнее, чем обычные затраты. Всё закончилось шантажом и удержанием заложников. И это после одной беседы оппонентов с моей матерью.

— Зинаида Александровна захватила заложников? — В шоке выдохнула я.

— Нет, её взяли в заложницы. Но ваше предположение не лишено смысла, мог быть и такой поворот. А сейчас, я остерегаюсь, что моё близкое окружение может быть в опасности.

— А что насчёт Алины? — Спросила и затаила дыхание, — её тоже увезти?

— Вы неверно оценили статус наших отношений. Увезти надо только мою мать. Леонида я уже отпустил. Подождите пару минут внизу. Отвезу вас домой.

Я вначале не обратила внимания на брошенную фразу, но, как выяснилось, он имел в виду то, что сказал. Марку пришлось значительно отодвинуть водительское сиденье назад, настолько он был выше меня. Босс потянулся было к зеркалу заднего вида, но наткнулся на чёрную перегородку, которая мешала обзору.

Так-то, посмотришь, насколько это неудобно.

— Вы так наблюдаете за мной, будто я собираюсь что-нибудь сломать.

Не исключено. Вилли хоть и сильный парень, но всё же хрупкий и требует бережного ухода.

— Если сломаете что-то в моей машине, вам же и оплачивать ремонт, — брякнула, не подумав.

— В вашей?

— В моей служебной, имеется в виду. Могу я спросить, почему вы сели за руль? Это ведь моя работа.

— Если не руль, то работа на заднем сиденье. А я на неё уже смотреть не могу.

Костик пристроился сзади на Бони, терпеливо ожидая, когда мы, наконец тронемся.

Уф, надо было сесть на заднее сиденье, хоть раз в жизни почувствовать себя как все те, кого я вожу — особой персоной. Конечно, «ухо» в ухе не дало бы полностью погрузиться в эту иллюзию, но всё же.

— Насчёт Зинаиды Александровны... — крутанулась на сиденье к Марку.

— Прошу вас, помолчите.

— Не могу, вы не должны сидеть за рулём, мне от этого не по себе и ...

— Я так плохо вожу?

— Нет, но...

Договорить я не успела...

Под машиной, где-то в области задней оси что-то очень громко гроыхнуло. Я даже вскрикнуть не успела. Мы как раз проезжали по мосту пустынной столицы, когда всё пошло прахом. Неуправляемый занос — так это называется. Когда машина на автомате, шансов её выровнять немного, а когда у неё отсутствует задняя ось, из-под днища хлещет лавина искр — шансов остановить транспорт вообще нет.

Я видела, как перевернулся Костик на Бони. Он ехал почти вплоты к нам. Взрывная волна, видимо, ударила его не слабее нас. Видела приближающиеся перила моста. Видела, как мы в них врезаемся.

Белое облако подушки безопасности — последнее, что я увидела перед тем, как потерять сознание...

Мне показалось, что я была в отключке целую вечность, но на самом деле прошло всего несколько минут. Машина только-только начала заполняться водой. Вокруг темно, грудь нестерпимо жгло от боли из-за ремня безопасности. Дядя Мойша в прошлом работал в службе МЧС, он всегда повторял, что ремень безопасности должен быть ниже шеи. Если машина, летящая на скорости восемьдесят километров в час, врежется во что-то, то твоя шея также врежется в ремень безопасности на скорости восемьдесят километров в час. Лицо вообще казалось сплошным синяком...

— Марк Васильевич? — Позвала босса почти в темноте, только угасающая приборная панель давала немного света.

Его голова повисла на груди, из носа текла струйка крови.

— Марк Васильевич? — Без резких движений тронула его в плечо. Ноль реакции.

С бешено стучащим сердцем приложила пальцы к шее — пульс бился.

Перед самым столкновением он пытался дотянуться до меня, то есть, его рука как раз оказалась между головой и подушкой безопасности. Ему досталось гораздо больше, чем мне.

Страх и безысходность начинали сковывать полностью, почти в отчаянии и прокричала в самое ухо:

— Марк!!! Да очнись ты наконец!!!

В ответ тишина. По-моему, я начала плакать. Отстегнула треклятый ремень и со всей дури залепила боссу пощечину. Его голова дёрнулась от удара. Послышалось невнятное мычание, но вроде он начал приходить в себя.

— Марк! Очнулся?

— Сеня? Ты меня ударила? — Его голос казался карканьем.

— Извините, — дрожащим голосом произнесла я, — мы тонем.

— Ты плачешь?

— И что?!

Марк отстегнул ремень безопасности, морщась оглянулся.

— Как мы выберемся отсюда? — Я со всех сил пыталась подавить истерику.

— Откроем двери и выйдем.

— Они не открываются, я пробовала.

— Надо подождать, когда вода почти полностью заполнит машину.

— Не надо нам этого ждать, — кажется, истерика всё же начала подкрадываться, — мы же утонем! Вода попадёт нам в лёгкие, мы перестанем дышать и в агонии утонем вместе с Вилли в грязной реке!!!

— Вилли?

— Майбах, он утонет вместе с нами, а я за ним так ухаживала. Его теперь вообще не спасти! — Из глаз катились огромные слёзы, в горле першило, не знаю, какие силы не позволяли мне сорваться в откровенные рыдания, — там Костик на дороге, с ним что будет? Он просил передать что-то Айрин... О, господи! Моя смерть подкосит Айрин?! Она же до конца жизни не придёт в себя, а у неё скоро день рождения, я подарок не купила...

Я продолжала что-то истерично бормотать. Меня ужасала та мысль, что я погибну, столько всего не сделав. Зачем я откладывала столько замечательных вещей на потом? Я даже на море никогда не была, а так хотелось: увидеть море. И, чтобы там обязательно были

горы.

— Сеня, Сень, успокойся, — Марк слегка встряхнул меня за плечи.

— Я дяде Мойше обещала ремонт днища оплатить...

— Так, Сеня, быстро возьми себя в руки, — Марк встряхнул уже сильнее, несмотря на то, как ему самому досталось, даже зубы клацнули. Уж сильно морщился от боли, — мы ждём, когда машину затопит. И делаем это спокойно и без истерик.

— Ты с ума сошёл?! Мы же утонем!!!

— Подбери тон, я — всё ещё твой начальник. Мы сейчас не сможем открыть дверь из-за разницы в давлении. Когда в машине будет много воды, давление выровняется, и мы сможем выбраться наружу. Поняла?

— Нет! Ты хоть представляешь, как мучительна смерть при утоплении?

— Да дыши же ты! Я не позволю тебе утонуть, слышишь?

— Ты не можешь это контролировать, — зубы начали стучать.

— Если не успокоишься, я тебя уволю.

— Да пожалуйста! В гробу я вертела такую работу, знаешь ли!

— На берегу я тебе это припомню.

— Если мы не утонем, — громко всхлипнула я.

— Давай договоримся: ты сейчас успокаиваешься, а я оплачиваю ремонт днища дяде Мойше, идёт? — Марк держал моё лицо в своих ладонях и заглядывал в глаза.

— И санаторий тёте Любе, — шмыгнула носом в последний раз.

— И санаторий тёте Любе.

Он ещё всматривался в моё лицо, но заметил, что я немного успокоилась и взяла себя в руки. Хотя, это только видимость. Сейчас мне уже казалось, что в машине с появлением воды, которая была уже по колено, заканчивался воздух. Это было нелогично, я это понимала, но страх заставлял остро реагировать на самые разные предположения о моей возможной кончине этим вечером. Приборная панель Вилли ещё некоторое время подсвечивалась от того, что ключи всё ещё оставались в замке зажигания. Но, вот бортовой компьютер моргнул в последний раз, и обычная темнота стала вовсе кромешной.

— Ты опять истеришь?

— Вилли жалко, — всхлипнула носом, — утопленника практически невозможно восстановить. Вода будет в таких местах, куда совсем не добраться, кузов начнёт ржаветь, повсюду плесень, проводка будет оставлять лучшего.

— Ты точно хочешь становиться педиатром? Может, лучше, в автомеханики?

На секунду отвлеклась от похорон Вилли. Никто не знал, что я хотела стать именно педиатром. То есть, все знали, что я хотела быть врачом, но насчёт педиатра было написано лишь в моём сопроводительном письме при поступлении. Откуда Марк об этом узнал?

— Так, Сень, готовься. Сними пиджак, — Марк снимал ботинки, и я последовала его примеру.

— Вот и пришла твоя судьба, — злорадно пробормотала я, отбрасывая ненавистную водительскую кепку в сторону.

— А мне она нравилась, — улыбка босса в этой ситуации была настолько же неуместна, как джаз-концерт на отпевании.

Достала из пиджака послание Айрин и засунул в задний карман брюк. Воды уже было выше пояса, пришлось привстать, чтобы засунуть его в карман, который, ожидаемо, промок насквозь.

— Там что-то настолько важное?

— Послание для Айрин.

— Так, значит, она существует?

— Ну конечно, стала бы я врать насчёт друзей?

— Приготовься. Набери в лёгкие побольше воздуха и не паникуй. Открывай дверь и сразу же плыви наверх.

Где-то в глубине души я надеялась, что мы спасёмся как-нибудь иначе. Или, что нас спасут, и не придётся проходить через всё это. Одна мысль пугала меня больше остальных.

— Марк Васильевич? — Позвала босса.

— Я опять Марк Васильевич? — В голосе послышалась усмешка.

Нам уже приходилось вытягивать шеи, вода приходила чересчур быстро.

— Я не умею плавать...

— Твою мать.

Момент, когда было время свободно дышать быстро сменился мгновением, когда надо было сделать последний глубокий вдох и начинать выбираться. Марк под водой потянулся к дверце с моей стороны, открыл её и вытолкнул меня наружу.

Я действительно не умела плавать, и уже начала было барахтаться, как муха в паутине, как меня за талию подхватили крепкие руки, казавшиеся очень горячими в ледяной воде. Прижали к крепкому телу, которое плавно вытягивало меня на поверхность. Мне на секунду даже показалось, что он мимолётно поцеловал меня в макушку, что уже вообще бред, выданный мозгом, находившимся в состоянии неконтролируемого стресса.

Когда лёгкие уже горели огнём и хотелось набрать воздуха, пусть и в воде, нам удалось выплыть на поверхность. Никогда ещё воздух не казался таким сладким.

Позади нас на воде были огромные круги, оставленные Вилли, который продолжал идти ко дну. На мосту уже во всю переливались огни скорой помощи и сине-красные машин госавтоинспекции.

— Сень, тебе нужно расслабиться. До берега недалеко, но мне тяжело тащить тебя, когда ты барахтаешься.

Легко ему говорить. Казалось, как только я расслаблюсь, тут же пойду камнем ко дну.

На берег мы выбрались довольно быстро. Ну как мы, скорее, нас вытащил Марк. А если ещё точнее, мы подплыли к бетонному бордюру реки, где нас уже подняли спасатели.

Пока меня укутывали в согревающее одеяло, измеряли давление, светили фонариком в глаза, Архаров не отходил от меня ни на минуту.

— Сеня, не засыпай, у тебя сотрясение, — сам он выглядел не лучше: мокрый насквозь, нос и бровь разбиты, под глазами наливаются синяки.

От стресса мой организм настойчиво пытался уйти в режим энергосбережения и отключиться, но каждый раз, когда я закрывала глаза хотя бы на минуту, Марк звал меня, не позволяя уснуть.

— Костик?

— Его слегка потрепало, но ничего серьёзного. Через пару дней будет как новенький.

Эта мысль позволила расслабиться окончательно, и даже босс не смог до меня достучаться.

Пробуждение было приятным. Меня укрывало сухое одеяло, я была облачена в сухую одежду, вокруг не было шума приходящей воды и сквозь веки чувствовался свет.

Мои волосы кто-то перебирал. На секунду пришла абсурдная мысль, что это Архаров

пытается заплести мне косички, но, открыв глаза, поняла, насколько я промахнулась:

— Ты кто? — Спросила я девочку лет восьми, которая показалась смутно знакомой.

Она бесцеремонно взяла себе одну прядь моих длинных волос, которую заплетала в косичку. На груди уже лежали семь-восемь криво заплетенных её творений.

Курносая девочка убрала волосы за ухо и весьма по-хозяйски поправила мне одеяло.

— Я — Даша, папа сказал присмотреть за тобой, пока он сходит за кофе. И не давать тебе встать, когда ты проснёшься. А ещё позвать врача, когда ты проснёшься, но там такой мерзкий дядька. Не хочу его видеть.

— Это почему ещё?

— Он не дал мне халат и ту штуку, что на шее, сказал, это не для детей, — она фыркнула, вновь очень сильно напомнив мне кого-то, только я не могла сообразить — кого.

— Стетоскоп, ты права, мог бы и поделиться.

Палату наполнял аромат цветов, на тумбочке виднелись коробки конфет. Даша продолжала ковыряться в моих волосах, а мне вновь хотелось спать.

— О, с возвращением, наша русалочка, — в палату вошёл Илья, держа кофейный стаканчик.

— Пап, ты что, забыл?

— Пап? — Уставилась на Илью во все глаза. Вот кого мне напомнила Даша — они одно и то же светловолосое, слегка нагловатое лицо.

— Держи, разбойница, — он протянул девочке сникерс и опять посмотрел на меня со своей неизменной улыбочкой, — заставила ты нас поволноваться. Даже босс всю ночь практически не отходил от тебя.

— У тебя есть ребёнок?

— Ты так удивляешься, будто это нечто сверхъестественное.

Даша нас не слышала, уже сидела в кресле, уставившись в телефон, который ей дал Илья.

— У тебя есть ребёнок, который вполне даже хорошенький?

— Вижу, она тебе обновила причёску, — парень уселся на стул, на котором пару минут назад сидела (до сих пор не могу в это поверить) его дочь, — мать нас оставила семь лет назад, посчитав, что она слишком хороша для семейной жизни, а дети — груз, тянущий её на дно.

— О, как, — посмотрела опять на девочку, казавшуюся вполне довольной жизнью, — неприятно это слышать. Мне жаль.

— Ничего, вначале были шок и растерянность, но мы вполне привыкли справляться сами. Ну и с Валентиной Петровной.

— Валентиной Петровной?

— Её няней. Дашка давно хотела с тобой познакомиться, я часто ей рассказывал о своём новом друге, которая настолько крута, что даже бандитов не испугалась.

Я привыкла, что он постоянно надо мной издевается, пусть мы и становились потихоньку приятелями, что его откровение и уязвимость возымели некий шоковый эффект. Илья улыбался своей фирменной улыбочкой, которая теперь выглядела не чертой его характера, а, скорее, маской:

— Ты что, плачешь? — Встрепенулся парень.

— Ты не должен быть таким милым и хорошим, — я всхлипнула, — как я смогу продолжать тебя подкалывать в таком случае?

Илья рассмеялся. Он потрепал меня по голове и весьма по-хозяйски потянулся к стопке коробок конфет.

Костик, как выяснилось, не впервые попадает в подобные ситуации, успел сгруппироваться или что-то там ещё и сейчас вполне хорошо себя чувствует. Они с Михалычем в поисках автомеханика, установившего бомбу на заднюю ось Вилли. Как выяснилось, машину в подземный гараж офиса я лично пригнала уже с бомбой. А до этого, утром, лично забрала взрывчатку для бомбы и отвезла её на базу, где она уже перекочевала в багажник Вилли.

— Это всё Алина! — Прошипела со злостью, — она попросила меня забрать пакет из гаражей.

— Да-а-а, — Илья скривившись почесал затылок, — понимаешь, тут такое дело...

— Есения! — Алина ворвалась в палату без стука.

Мне настолько было неприятно её видеть, что даже не удалось скрыть отвращение на лице.

— Есения, это правда? — Только сейчас заметила, насколько отвратно она выглядела: распухшие, заплаканные глаза, бледное лицо. По щекам текли слёзы не переставая, по моему, обычно холёная девушка сейчас даже не позаботилась вытереть сопли из-под носа, — это я заставила тебя достать бомбу?

— Как будто ты об этом не знала.

Девушка застыла у кровати, побледнела ещё сильнее, хоть, казалось, куда ещё. Она смотрела на меня с такой надеждой, будто я скажу, мол, нет, это неправда, в том пакете не было никакой бомбы и всё такое, что могло показаться, будто её и вовсе подменили. Обычно она смотрела на меня как на клопа на её одеяле из египетского хлопка.

— Я не знала, — она обхватила себя руками, будто резко похолодало, и начала раскачиваться из стороны в сторону, — я клянусь, не знала. Не знала...

— Дашк, сходи купи Сене сока. Апельсинового, — девчушка, смотревшая на серую Алину во все глаза, кивнула отцу и вылетела из палаты, — об этом я и хотел сказать. Брат Алины сообщение ей не отправлял. Мы вообще не нашли ни одного сообщения на её телефоне.

— Но откуда тогда взялся адрес?

— Гараж тот оказался пустым. Выглядит всё так, будто не только тебя подставили, но и госпожу Бедину.

И я должна в это поверить? Серьёзно? Дочь того, кто хотел заграбастать всю империю Архарова, да ещё и сама лично отправила меня за смертельным пакетом, — и невиновна?

— Как это может быть не она? Тогда кто ещё?

Алина затрясла головой из стороны в стороны, лицо без какой-либо косметики сейчас и вовсе пошло пятнами:

— Я не знала, я клянусь, я не знала, — кажется, она начала скатываться на новый круг истерики.

— Сень, — Илья аккуратно тронул её руку, — вчера вечером она должна была быть в машине с Архаровым. Он в последнюю минуту отменил встречу. Все следы ведут на новую фигуру, но никак не на Алину.

— Так, здесь котлетки, твои любимые, и пирожки с капустой, — тётя Люба поставила контейнеры на тумбочку, поправила мою подушку и уселась на стул, промакивая глаза платочком.

— Есенин нельзя жирное, — в который раз заламывал руки лечащий врач, — прошу вас. Ей нужен покой!

— Доктор, посмотрите мою сыпь? Вот тут, на локте. Чешется, зараза.

Мои соседи пришли проведать меня с домашней едой, одеялами, даже с телевизором, хоть в палате уже и висел плоский экран.

У лечащего врача почти дёргался глаз от моих друзей, терроризирующих его. У каждого нашлась болячка, которую надо было срочно осмотреть, каждый захотел поделиться с молодым мужчиной домашней «полезной» едой. Тот уже минут тридцать пытался если не разогнать народ, то хотя бы успокоить и отобрать еду.

— Они не захотели оставаться дома, я предупреждала, — Айрин уселась на кровати, приобняв меня за плечи, — мы тут подумали, мы готовы все сброситься, чтобы помочь выплатить твой долг. Но при условии, что ты бросишь эту работу.

В палате воцарилась тишина. На лицах друзей я видела решимость во что бы то ни стало помочь мне и не дать попасть в похожую ситуацию. В груди защемило, в носу защипало. Как же я гордилась своей большой, взбалмошной семьёй!

— Я так вас люблю! — Из глаз хлынули слёзы. Я начала некрасиво шмыгать носом, взяла тётю Любу за руку, — вы — моя настоящая семья, — вокруг зашмыгали носом вместе со мной, — но я не могу позволить вам разбираться с моими проблемами вместо меня. Ваша поддержка и опора- всё, что мне нужно.

— Это чего тебя так вышпырило? — Айрин, отвернувшись, чтобы я не увидела её слёз.

— У Есенина сломаны рёбра, мы даём ей обезболивающие.

— Такая классная вещь, — я блаженно расплылась в улыбке, — я вас всех люблю. Айрин, подай, пожалуйста пирожок с капустой.

Мои гости провели ещё пару часов, жуя вместе со мной пирожки и котлеты. Мы смотрели сериалы, дядя Федя отдал свой кнопочный телефон, чтобы они могли связываться со мной, про произошедшее больше не говорили.

Я не знала, где моя одежда, в которой мы тонули, так что пока Айрин не стала говорить, что Костик ей что-то передавал. Всё равно пропало всё.

Проспала почти до вечера. Врач утром сказал, что у меня сломано одно ребро, а в двух трещины, общее истощение организма, в общем, нужен отдых, покой и летний зной.

После визита Ильи я долго спала, после моих соседей тоже отсыпалась часами, а всё равно была жутко сонной. Из ребят ко мне никто не заходил, но я и не обижалась. У них сейчас работы выше крыши. Симку не восстановить без моего присутствия, все контакты остались в Вилли на дне реки, так что я вполне наслаждалась временной изоляцией в попытках выспаться на всю жизнь вперёд.

— Сеня? — позвал мужской голос.

Я была в состоянии полудрёмы, не сразу сообразила, кто пришёл.

— Максим? Как? — Голос был очень хриплым. Попыталась привстать, но то ли я ещё не проснулась до конца, то ли обезболивающие перестали действовать, мне удалось лишь

полусесть, да и то не сразу, — как ты здесь очутился?

— Видел в новостях, — парень принёс большой букет белых роз, которые сейчас не знал куда деть. В руках была корзина фруктов, сам он казался осунувшимся, — я боялся, что не увижу тебя. Сеня, мне так жаль. Что произошло?

— Несчастный случай, закрывали купательный сезон, — я прокашлялась. Максим налил воды в стакан и подал мне.

Парень выглядел очень обеспокоенным, плетённая ручка от корзинки фруктов начала рассыпаться в его руках из-за того, что он постоянно её теребил. Казалось, он не знал вовсе куда себя деть.

— Я хотела тебе ответить, что с нетерпением жду нашей встречи, не успела, — точнее, с адресатом ошиблась.

— Ты извини меня, что наехал. Сам от себя такого не ожидал. Может, перейдёшь к нам на службу? У нас спокойно, никто не взрывается.

Угу, и буду крысой на тонущем корабле. Точнее, как на тонущем корабле. Не пойду я никуда. Я отнюдь не была самоотверженной и смелой, просто с детства приучили заканчивать то, что начала. А всё это началось-то при мне и, кажется, будто на мне.

Если я и уйду от Архарова, то только в университет, и никак иначе.

— Лучше расскажи, как твои дела, — перевела разговор на другую тему, — а ещё лучше — покажи, что ты принёс такого вкусенького.

Парень в своей манере ловко и быстро изменился в настроении и теперь опять был тем самым милым и смешным. Максим показывал фотографии своей семьи, рассказывая уже более подробно о своём детстве. Время от времени я начинала клевать носом, но ему удалось-таки поднять настроение. И пахло от него так уютно, даже по-детски.

— Давай я тебе кофе принесу? Двойной, с молоком без сахара?

— Да, но врач запретил. Сказал, что из-за лекарств будет большая нагрузка на сердце.

— Тогда не принесу, — Максим взял мою руку, — мне твоё сердце ещё нужно.

— Я не помешал?

Марк Васильевич стоял у двери, держа в руках пакет с логотипом известного автомобильного бренда. Максим поднялся, пристально глядя на моего босса, который в свою очередь сверлил тяжёлым взглядом моего приятеля.

Вот и встретились ангел и демон. Лёд и пламя. Ниф-ниф и Серый волк.

Я кашлянула, пытаюсь сдержать смешок.

— Есенин пора отдыхать, — голос босса был безапелляционным.

Максим смотрел на Архарова с таким выражением в глазах, которое меня слегка даже напугало. Внезапно он резко улыбнулся и очень медленно поцеловал меня в щёку, слегка задержавшись сухими губами на моей коже.

— А почему вы не в постели? — Спросила Архарова, как только за Максимом закрылась дверь.

У Марка была рассечена бровь, на которую наложили швы. Нос наверняка был сломан, под глазами были проходящие синяки.

— Вы пострадали сильнее, чем вам могло показаться, — Марк поставил бумажный пакет на тумбочку, но сам так и не присел, продолжал возвышаться надо мной.

— И вы за спасение вашей жизни решили подарить мне Ламборгини? — Кивнула на знаменитый логотип с быком, — право, не стоило.

— Опять дерзите?

— Это всё обезболивающие, — беззаботно развела руками.

— Я уточнял у вашего лечащего врача, вам больше не дают обезболивающие.

— Он врёт.

Марк усмехнулся. Он предпочёл не садиться на то место, на котором до его появления находился Максим, босс просто уселся на кровать, заставив меня поджать ноги:

— Там телефон. Титановый корпус. Можете сбросить его с небоскреба, с ним ничего не случится.

— Да ну? Прямо с небоскрёба и не разобьётся?

— Нет, но вы не станете его бросать.

Я сидела, не зная, что и сказать. Дорогие подарки, а это был именно подарок, никак иначе, принимать не собиралась.

— Я не могу принять его, — наконец выдавила я со всей вежливостью.

— Давайте оставим это. «Могу — не могу», мы можем перекидываться этим мячом часами, но факт остаётся фактом: он ваш, можете делать с ним всё, что хотите. И ещё кое-что.

Архаров потянулся в нагрудный карман и достал почти разваливающийся клочок бумаги. Это было то самое послание Айрин от Костика, точнее, всё — что от него осталось.

— Вы меня раздели?! — Ахнула, сделав свои выводы.

— С ума сошли? Вас раздела медсестра. Если бы вас раздел я, вы бы это запомнили.

Опять воцарилось молчание. Я не совсем понимала, зачем Архаров пожаловал. Не с здоровье ведь справиться. Тогда просил бы, как я себя чувствую. А так, вогнал в краску и сидит, думая о своём.

— А у вас и вправду аллергия на шоколад?

— Нет, просто устал объяснять людям, что я его не люблю.

— Ну, значит, всё достанется мне, — кивнула на стопки коробок конфет.

Марк ещё посмуцал некоторое время меня своим присутствием, а потом, бросив «выздоровливайте», ушёл. Честно говоря, выдохнула с неким облегчением.

С сомнением покосилась на пакет стоимостью, наверное, в Оку дяди Мойши, а то и дороже, но потом всё же сдалась под гнётом любопытства заглянула внутрь.

— Ну нифига ж себе! — Даже сонливость пропала.

Айрин была бы в восторге. А я вот — нет. Это слишком роскошно, слишком грутально, слишком выделяется, слишком... это просто — слишком.

— С возвращением! — В шесть утра спустя неделю меня радостно встречала моя же команда.

Над потолком реял плакат с криво-нарисованными от руки буквами. В центре ангара стоял стол с пластиковыми стаканчиками, пакетами с соками и тортом с изображённой на нём героиней из фильма «Звонок».

— Вот, вы гады, вы знаете? — Со смехом отвечала на кивки и объятия коллег.

Рёбра ещё ныли, но уже без той острой боли, которая заставляла морщиться от каждого резкого вдоха и чихания.

— Мне птичка напела, что ты видела, что именно хранится в том самом блокноте Костика.

— Секрет утерян. И я не видела, — прошипела в ответ.

— Ты ведь скажешь, что там?

— Ага, и Костик открутит мне голову. Я только с очередного больничного вернулась!

Казалось, повторяется то самое прекрасное утро, когда я «проставлялась» за первую зарплату, и жизнь в принципе возвращается в свою колею, будто ничего и не случилось.

Пока я не увидела Вилли...

Он стоял, как и прежде, переливаясь насыщенным обсидианом под светом ламп и выглядел вроде, как и всегда, только... Спереди капот был смят. Майбах производят с невероятно крепким кузовом, но от такой силы удара даже он не выдержал. Сдутые подушки безопасности так и не убрали, сейчас я смотрела на них и видела кровь. Нашу кровь.

С другой стороны машины элементы кузова были сняты и обсыпаны серым порошком.

— Снимали отпечатки пальцев, искали следы. Из-за огня удалось получить только частичный результат.

Михалыч с плохо скрываемым волнением всматривался мне в лицо.

— Так ничего и не нашли?

— Только ещё больше вопросов. Лот на Архарова опять появился на скрытом ресурсе. Опять был куплен. Наши люди отследили и другие торги, и везде есть заказ. Тот взрыв был больше похож на диверсию.

— То есть? Мы ведь слетели в реку. А машина Костика и вовсе перевернулась!

— Видимо, ваше падение в воду было просчётом. А Костик перевернулся из-за того, что колёса задней оси резко заблокировались как раз в момент взрыва.

Стояла, переваривая всё услышанное. Получается, совсем ничего?

— Но во всех случаях вывод можно сделать такой, что у кого-то, кто в этом замешан, есть доступ к нашим машинам. Автомеханик?

— Исключили, и всех наших прогнали, в том числе тебя.

— А Зинида Александровна? От неё что-нибудь есть? Она ведь первая узнала с предстоящем нападении.

Михалыч вздохнул:

— Её Архаров на следующий же день отправил в загородный дом. Мы вызвали резерв, что её охраняли. На того якобы детектива тоже вышли.

— Почему якобы?

Слишком ярко это слово прозвучало. Михалыч стоял, глядя на Вилли, не говоря ни слова. Я уже подумала, что он не ответит, но он всё же ожил. И да, шеф был прав — что ни ответ, то больше вопросов. Я была права в своём предположении о детективе, он на самом деле оказался мошенником, но наводка, которую Мать Архарова получила была действительно стоящая?

Вопрос: как она попала к Зинаиде? Я тогда ошиблась, предположив, что он ездил на встречу с детективом. То есть, она тогда действительно выехала из дома в одиночку, но встретила не с ним, а с его «помощником».

Илья, когда меня навещал в больнице, долго расспрашивал, как именно выглядел тот мужчина, который передал мне взрывчатку. Я попыталась описать как можно более подробно, но ничего выдающегося не обнаружилось. Обычный. Как и миллионы вокруг.

— Похожи как братья, не так ли? — Грустно усмехнулся Михалыч, — будто специально типаж один и тот же выбирали.

Да уж, с этим я была согласна. В руках были самые настоящие фотороботы. Обоих мужчин можно было описать одним и тем же словом: среднестатистический.

Весь день, пока я привычно ковырялась в машинах, бросая косые взгляды на Вилли и не решаясь к нему подходить, в голове крутилось всё то, что сказал Михалыч.

Подключили на поиск они всех. То есть, даже госорганы задействованы. Но результат у всех один — никаких следов. Этого человека вроде видели везде, а вроде — нигде. Все переведены в экстренный режим, будто Архаров может погибнуть, хотя он сам отказывается уходить в подполье.

Поехал бы с матерью в загородный дом, пока не найдут злоумышленников и всё не успокоится. Но нет же, мы же незаменимы.

Фыркнула про себя.

Михалыч поручил разобраться с Майбахом, как угодно, на моё усмотрение. Архаров на нём ездить, естественно больше не будет, но для гостей вместо Клайда, которого разве что на запчасти, оставить можно будет. Наверное.

— Привет, дружище, — погладила Вилли по капоту, — попали мы с тобой в переделку, да?

Вилли, естественно, не ответил. Почему-то мне казалось, как только сяду в машину, она взорвется. Опять.

Пересилив себя, всё же влезла в салон, убирая сдутые подушки безопасности. Мне надо подключиться к бортовому компьютеру и проверить, что живого в машине осталось. Вначале сделать всю проводку, потом заменить элементы, где осталась вода, а после заняться кузовом. Можно даже перекрасить в другой цвет. Кажется, отныне, реанимация Вилли будет моей главной задачей.

Отбросила гнетущие мысли в сторону и открыла панель под рулём. Подключила датчик для диагностики, запустила проверку систем. Пока результаты грузились, сама того не желая, ведомая каким-то внутренним чутьём подошла к заднему правому колесу. Именно с этой стороны всегда сидит Архаров.

Михалыч сказал, что взрыв не должен был убить босса, мощность была не та. С этим я была не согласна. Архаров никогда не пристёгивается на заднем сиденье, он мог и шею свернуть в такой аварии.

Села на пассажирское место. Из-за отсутствующей задней оси машина стояла очень криво. Интересно, сколько времени надо, чтобы установить бомбу? А за сколько её делают? Забрала я взрывчатку около полудня, потом, спустя часа полтора, высадила Алину у её дома. Пакет она тогда не забрала, сказала, что вечером опять я должна буду заехать за ней, но уже на Вилли, тогда она и отдала бы брату. Раньше встречаться они не планировали.

Итак, после Алины, уже в часа два, я была в ангаре на Клайде и с взрывчаткой в багажнике.

Клад часов до четырёх вечера был под моим присмотром. Из ангара я никуда не уходила, разве что в кофейню на первом этаже. Это заняло минут двадцать, но в это время постоянно были люди. Как тогда взрывчатка перекачивала к злоумышленнику? Вообще, в этот период её кто-то забрал, или позже?

Леонид привёз Архарова на Вилли к пяти вечера. Приблизительно в этот период я забрала Майбах на плановое обслуживание в автосалон. Могла ли я там пропустить тот момент, когда устанавливали бомбу? Вообще-то, могла. Я как обычно все три часа сидела, смотрела мультики на телефоне и ела бесплатные крендельки.

Но Михалыч сказал, что и там всех проверили: люди работали годами, с людьми и службами разных уровней, и главное — ни у кого не было мотива.

Кажется, мы реально охотились на призрака.

Голова начала закипать. Откинулась на сиденье, устало потерев лицо. Что-то на

потолке привлекло моё внимание. Какой-то надрез в обшивке прямо над глазами.

В разрезе под пальцами ощущалась какая-то картонка. Я помнила, что Михалычу нужны были отпечатки пальцев, поэтому вытащила ручку из кармана и подтолкнула картонку, чтобы она выпала.

Картонка приземлилась мне на колени, отсвечивая совсем уж странной надписью: «Скоро, брат».

— Вы уверены, что именно я вам нужна? — Вместо ответа Архаров, не изменяя своей манере, поднял одну бровь и двинулся дальше вглубь салона.

Вокруг стояли автомобили премиум класса: мерседесы и майбахи. Утром, в не мою смену прошу заметить, со мной связался Михалычи и сказал, что босс вызвал к себе. Ему-то легко меня к себе вызывать, я проспала от силы часа три, не больше. После порции поддержки от Эдмундо всё же удалось разлепить глаза и плелась на встречу уже не как зомби.

И вот в автосалоне нас уже чуть ли не на пьедестал ставят. Мне успели предложить кофе, чай, конфеты, брендовые подарки, бейсболку (от которой я не отказалась), брелок и термокружку с логотипом мерседеса. Я сидела в кресле, в тайне надеясь на массаж или на пледик, пока Марка водил по салону управляющий, как босс позвал меня к себе:

— Выбирайте. — Вот, просто сказал, и всё.

Я слегка опешила. Мне поручили выбрать машину для босса? Вот прям на свой вкус? Интересно, а если он купит вертолёт, мне дадут им порулить?

Здесь было не больше двадцати моделей авто, зато какие они все были! Я ни на одну из машин и за всю жизнь денег не заработаю, а мне сказали, что могу выбрать вообще любую, какую захочу! Не себе, конечно, но всё же.

Внимание управляющего мгновенно переключилось на меня, и тут же моя рука была зажата в тисках задорного мужчины. И, естественно, предложения сыпались именно о Майбахе. Архаров быстро потерял интерес к выбору нового автомобиля и уткнулся в свой смартфон.

Вначале ошалело смотрела характеристики каждой из машин, но потом опомнилась. Выбираю ведь не для себя.

Без особого энтузиазма ткнула в тот, что в итоге стоял ближе к нам. Именно в Майбах, как и предпочитает Архаров. Вполне стандартная модель, напичканная всем необходимым, чтобы любой пассажир, даже принцесса с горошины, почувствовал себя как на райском облаке.

— Что-то не так? — Архаров заметил отсутствие моего интереса и восторга.

— Всё отлично. Автомобиль отличный. Стойки кузова у них разве что не из титана выплавлены, внутри будете чувствовать себя как на катере в штиль.

— Я же вижу, что-то не так.

Начнём с того, что я жутко хочу спать. Естественно, боссу этого сказать не могу, как бы не хотелось. Я же профессионал, как никак. А во-вторых, то, что не так — глупость. И только моя проблема.

— Мне в третий раз спросить?

— Вы посчитаете, что это глупость, — наконец выдохнула я, — мне кажется, брать какой-то другой Майбах вместо Вилли — предательство.

— Вы ведь понимаете, что это просто машина? У неё нет личности и сознания.

— Вы, наверное, не часто водите, да? Машины — это как... Как... Это как друг! У каждой есть свой характер, своя манера. Можете поставить две одинаковые машины рядом друг с другом, но после того, как проедетесь на двух, поймёте — они абсолютно разные. И это не заводской дефект, это как раз та самая душа, которая у них есть, чтобы вы там ни

думали, — набрала воздуха, чтобы перевести дух, — когда я села в Вилли после салона, в тот самый раз, когда в нём уже была бомба, он вёл себя странно. У него коробка автомат, а дёргался так, будто я слишком мало газа давала при переключении, понимаете?

— То есть, вы на полном серьёзе сейчас утверждаете, что не хотите предавать память Вилли, поэтому отказываетесь брать такую же машину, я правильно понял?

— Не смейтесь, — я надулась.

— Я не смеюсь.

— Смеётесь. У вас губы дёргаются.

— Нет, не дёргаются.

— Да ладно вам! — Закатила глаза, отворачиваясь. Он пытался сдержать смех, я видела!

Как можно смеяться над убеждением другого человека?

А я сразу сказала, что я плохой компаньон при выборе Майбаха. Нужно было моё мнение? Я его сказала. А так — все Майбахи, кроме Вилли, плюс-минус одинаковые.

— Ладно, Есения, извините, — Марк прокашлялся, но улыбка так и не сошла с его лица, — тогда на какой машине мне ездить, а вам меня возить?

На секунду задумалась:

— А сколько у вас денег? — Он опять удивлённо выгнул бровь.

Про вертолёт даже мысленно, видимо, я уже загнула.

— А вы хотите именно Майбах? Может, мерседес? Они почти такие же, как и Майбах.

Вы даже не почувствуете разницу. А в технических характеристиках даже лучше.

— Девушка верно заметила! Мерседес S-класса последнего поколения ничуть не уступает. Вы только посмотрите!

Меня почти насильно усадили в один из мерсов, даже не спросив мнение самого Архарова.

— Марк Васильевич, вы только посмотрите! — Восхищённо ахнула, — да вы садитесь. Мы как на космическом шаттле, правда?

Всё, абсолютно всё было с ненавязчивой подсветкой, даже контур дверей. Даже порожек при открытой дверце подсвечивался!

— Могу завести? — В запале спросила управляющего?

— Конечно!

Он был громче Вилли, но что это был за звук! От восторга газанула на нейтралке:

— Какая дерзкая, а? — Улыбаясь повернулась к Архарову, но улыбка тут же погасла.

Похоже, я сделала что-то не так. Уж очень напряжённо он на меня смотрел. Опять перешла черту? Не соблюла все регалии и прочее? Перебирала в памяти все моменты, когда я могла вести себя слишком нагло. Все они казались либо незначительными или наоборот — все были чересчур значительными. Короче, я запуталась.

— Извините, — сдулась я быстро, как воздушный шарик после дня рождения.

— Почему вы извиняетесь?

— Не знаю.

— Сколько нужно времени на оформление? — Повернулся Марк к управляющему.

— Подадим заявку быстро, после предоплаты концерн берёт от полугода на сборку авто.

Приблизительно через восемь месяцев вы будете счастливым обладателем свеженького автомобиля премиум-класса.

— Вы, наверное, неправильно меня поняли, — почти ласково перебил управляющего Архаров, — сколько нужно времени, чтобы через час Есения уехала из этого салона именно

на этом автомобиле?

Вау. Хочу уметь также. И да, через час я уже везла Марку на новом авто в офис. Не в мою смену.

— Да ладно?! — В сотый раз переспросила Айрин.

— Я не вру! Там и правда стихи! Целый сборник стихов, и неплохих, я у дяди Феди спрашивала.

Костик ещё вчера передал мне весь маленький блокнотик. Решил не распылаться на вырванные листочки, тем более, предыдущие канули в Лету. Честно говоря, как бы ни чесались у меня руки, и как бы ни пытался вырвать у меня блокнотик Илья, я так его и не открыла. Мне почему-то казалось, что там будут рисунки. Или комиксы, не знаю. Может, рецепты какие-нибудь. Но стихи и Костик?! Решил не распылаться на вырванные листочки, тем более

Айрин говорит, что там баллады о любви, невероятно ритмичные и красивые.

— У меня дрожь пошла, когда я их читала, ты даже не представляешь, какие они красивые!

— А дяде Феде зачем показала?

— Проверка на плагиат, стандартная процедура.

Я усмехнулась. Прошлые «фишки» потерялись, и Костик решил пойти ва-банк и выложить вообще всё даме своего сердца. А он молодец, не теряет!

— Что планируешь делать?

— Как что? Приглашу его на свидание, конечно!

Я взяла свой кофе, и пошла обратно на подземную парковку. У меня почти дежа-вю: я вновь должна передать машину другому водителю и опять должна ждать, когда он меня сменит, чтобы я, наконец, поехала домой и выспалась.

— Первая? Может, подождёшь, когда он это сделает?

— Он делал первый шаг почти месяц! — Фыркнула Айрин.

— Как это месяц?

— В твоём ангаре я появилась почти с месяц назад. Мог бы и тогда приступить к активным действиям, — я даже отсюда могла бы увидеть, с какой гордостью Айрин вздёрнула свой носик.

Моя подруга смелая, ничего не скажешь. Я не могу ни Максиму позвонить, ни заставить себя успокоиться за рулём после всего произошедшего. Руки постоянно подрагивали, а на каждой кочке сердце замирало так, будто машина опять взорвется. Да и Максим опять начал терроризировать меня по поводу новой встречи.

Вот логически я же понимаю, что из салона забирала машину лично. Не оставляла её без присмотра. Даже в кофейню я вначале позвонила, попросила, чтобы они приготовили мой кофе заранее, а я только забрала готовый и быстро оплатила заказ. Машина оставалась без присмотра всего две минуты, а я уже лажу под днищем, вынюхивая очередную бомбу. Могли её установить за две минуты? Я не знала, но зачем рисковать?

Даже не поленилась подключиться к «мозгам» мерса и провести диагностику, протестировала работу систем, в конце концов, — всё было в идеальном состоянии, а успокоиться всё равно не могла.

— Что ты делаешь? — Голос сзади был таким внезапным, что я подпрыгнула на месте.

— Нельзя так подкрадываться к людям! — Прошипела коллеге со второй смены, никак не могла запомнить его имя. Видимо, это отразилось на моём лице, потому что он

представился:

— Аслан.

— Я знаю.

— Ну-ну.

Аслан осмотрел новое авто и одобрительно кивнул.

— Мне тоже больше по душе мерсы, но почему не Майбах? Босс их любит.

Вот ему я точно не стану рассказывать про Вилли и предательство его души.

— Ну, — протянула я, почёсывая кончик носа, — крутящий момент меньше, расход топлива будет в два раза меньше. И колёсная база короче. Так что с нашими дорогами в случае заноса будет легче. На одно место больше, расход топлива меньше...

— Понял, понял. Домашнее задание выполнено на отлично, — он рассмеялся, — всё проверила?

— Да. Это странно?

— Нет, Сень. После того, что с тобой произошло, тебя можно назвать смелой, раз ты вернулась на службу.

Аслан был мужчиной в годах, ровесник Михалыча, если даже не старше. Что-то в его голосе, а, может, в отеческом взгляде заставило кому появиться в горле.

Поспешила поскорее удалиться, тем более, телефон уже разрывался от звонков от Максима.

Опять вечер, опять Айрин наводит красоту на моём лице, опять на голове бигуди и я опять не выспавшаяся. Одно отличие — без видеосъёмки. Айрин вообще была подозрительно молчалива, витая где-то в своих облаках.

— Айрин? — В который раз позвала её, — ещё чуть-чуть и я вызову экзорциста.

— Не нравится мне твой Максим, — наконец, выдала она, — мы обсудили его со всеми за дневным лимонадом, он никому не понравился.

— Тогда почему ты заставила меня согласиться на свидание? Я бы могла проспять весь этот вечер! Или смотреть сериал с вами.

— Ты должна и сама в этом убедиться.

— Должна была бы, если бы мне не было так лень. А сейчас мне надо выходить из дома на неудобных каблуках, потом возвращаться домой на неудобных каблуках, а потом смывать всё это с себя и в половину пятого утра вставать. Петухи даже в такое время спят, вообще-то.

Айрин ничего на это не ответила, лишь критично осмотрела своё творение на моём лице:

— Я бы в тебя влюбилась, если бы уже не любила. Ты получилась у меня очень хорошенькой.

Вечер каких-то дежа-вю. Опять Максим приехал по-джентльменски забрать меня на randevu. Только на этот раз он не забыл прихватить увесистый букет цветов, опять белые розы. Прямо как в больнице. Те быстро завяли, но тётя Люба взяла стебли и сейчас их проращивала, чтобы попытаться высадить. Уж не знаю, удастся ли ей, уже осень, как никак, пусть и самое начало.

Вечер выдался прохладным. На мне уже не было платья, а обычные чёрные джинсы в обтяжку, простая белая футболка и чёрный пиджак. Я почти как гангстер. Правда, боюсь каждого шороха, а в сумочке лежал перцовый баллончик и рация на этот раз.

— Я помню, как ты любишь вкусно поесть, поэтому мы поедем пробовать самую вкусную пасту в этом городе!

Паста — это хорошо. Пасте я всегда была рада. Айрин когда-то устала мне объяснять разницу между пастой и макаронами с подливкой, обозвала меня чурбанихой.

На этот раз Максим заказал нам вип-комнатку в уютном ресторане в стиле старой Европы. И сел рядом со мной, а не напротив.

— Я оставлю машину здесь, мы просто обязаны попробовать их фирменное домашнее вино. Оно полусладкое, но там такой букет из ягод, так что оно того стоит!

— Ну, раз ягоды, тогда заказывай сразу бутылку, мы здесь надолго.

С того самого момента, как мы зашли в этот раз, меня не покидало странное ощущение, будто спина горит. Такое иногда бывает, когда кто-то достаточно долго сверлит меня взглядом. Но мы в комнате одни, за большим окном люди пробегают по своим делам, ёжась от прохладного осеннего ветерка и даже не обращая на нас никакого внимания.

— О чём задумалась? — Максим слегка по-хозяйски убрал прядь мне за ухо.

Не люблю такие вопросы. Обычно, в тот самый миг, когда кто-то спрашивает, о чём ты задумалась, все мысли улечиваются без следа. Хотя, одна мысль меня преследовала постоянно: почему Зинаида Александровна меня не навестила? Да, Марк сказал, что она уехала за город, да и не обязана она, вроде как, но обидно было всё равно. Я думала, что мы подружки или сообщницы на худой конец, ждала хоть какой-то более тёплой весточки, а не сухое «рада, что ты поправилась».

— Да, ни о чём. Ты этот сыр будешь?

— Если ты его любишь, то ешь весь, — он подошел ко мне ещё ближе.

Его постоянное нарушение моего личного пространства слегка напрягало. Когда он сказал, что ему надо выйти, ответить на важный звонок, я даже обрадовалась. Хоть дух смогу перевести.

Если бы не события, разворачивающиеся в моей жизни, я бы даже влюбилась в этот вечер: приятная атмосфера, я одна, попиваю вино и закусываю отличным сыром, на улице поздние сумерки, мало людей.

Один из прохожих привлек моё внимание. Он шёл в куртке не по размеру с поднятым воротником. Двигался чуть сгорбленно, но, когда он обернулся на кого-то, позвавшего его, я даже подскочила от неожиданности.

— Да ну нах... — Я стояла и таращилась на него во все глаза.

Это был тот самый парень из гаража! Тот самый, кто с раздражающим спокойствием дал мне в руки бомбу! Он, видимо, почувствовал, что я на него смотрю и также уставился на меня.

Мне захотелось зачем-то начать звать его или крикнуть, чтобы не двигался, что было бы вообще несусветной глупостью. Даже из-за столика не успела выйти, как молодой человек, отмерев, нырнул в тёмный переулок напротив.

Больше ждать я не собиралась и рванула наружу. Я и так много времени потеряла, пока соблюдала более-менее приличную скорость в ресторане, да ещё и на каблуках. Но, если побегу со всех ног, есть возможность, что я его всё же догоню.

Только набрала разгон, как врезалась носом в Максима.

— Ай! — Схватилась за пострадавшую часть лица.

— Я настолько плох, что ты решила сбежать?

— Нет, я... — не могла оторвать взгляд от того самого переулочка, — увидела знакомого, думала, догоню. Видимо, опоздала.

Вечер продолжился своим чередом, можно даже сказать, как обычно, то есть: Максим

рассказывает кучу забавных историй, а я витаю в облаках. Написала Михалычу сообщение, что я видела «подозреваемого», описала, где именно его видела, во сколько и во что он был одет. Только после того, как получила короткое «принято», смогла немного расслабиться.

— Интересный телефон, — Максим с улыбкой посмотрел на телефон из ограниченной серии от Ламборгини. И да, я оставила его себе. Заслужила, вообще-то. Что бы Архаров там ни говорил, а я тоже его жизнь спасла.

— Это просто чехол, а телефон обычный, — отмахнулась от пристального внимания. Но Айрин от него в восторге. Видео и фото на нём получаются просто улёт. Мы уже успели устроить несколько фотосессий.

— Сень, я хоть немного тебе нравлюсь? — Максим заглянул прямо в глаза, взяв меня за руки, — я вижу, что тебе как минимум интересен, но не могу понять, есть ли у меня вообще шанс? Я о тебе думаю каждый день, каждую ночь. Готов молиться на телефон, чтобы от тебя пришла хоть малейшая весточка. Но каждый раз чувствую, что ты ускользаешь.

Такого вопроса в лоб я не ожидала. А ещё не ожидала, что мозг заклинит, и вместо мало-мальски умной мысли я зависну с приоткрытым ртом, а в это же время в голове играла музыкальная заставка из старого детского мультлика.

— Ты мне ответишь, Сень?

«Утки, у-у»

— Даже, если есть хоть малейший шанс, я готов бороться.

«Каждый день другого ярче»

Спина загорела ещё сильнее.

— Прости, но я собираюсь тебя поцеловать.

«Утки, у-у»

И он действительно поцеловал. Даже больше: он притянул меня к себе, запустив свою руку в мои волосы, слегка сжав их. И целовал глубоко, настойчиво. Ситуация стала ещё более неудобной, а песня про уток напрочь вылетела из головы.

Внезапно наша комнатка озарилась ярким светом из окна. Всего на секунду, но почти ослепительно.

Воспользовавшись моментом, когда Максим отвлёкся этим светом, отодвинулась от него на максимально безопасную дистанцию.

— И что он здесь делает? — Почти со злостью выплюнул он.

Меня мучал тот же вопрос. За окном, присев на капот заведённой машины, сложив руки на груди, стоял Марк Васильевич собственной персоной и сверлил меня чёрными глазами.

Архаров стоял и даже не думал отводить глаза от нашей парочки. Я же замерла, уставившись в ответ. Мне помахать рукой? Позвонить? Или вообще подойти?

Куда я пойду, если ещё даже свою пасту не съела?

— Так, — повернулась к Максиму с неким облегчением, — меня, кажется, на службу вызывают.

— У тебя же выходной!

— Да, но-о, нет, — развела руками, — у золотых нет выходных.

— Что?

— Ну, намёк на то, что я золотце. Упакуйте пасту с собой, — попросила весьма вовремя вошедшего официанта.

Максим выглядел очень расстроенным, мне на секунду даже показалось, что злым. Ну а я в качестве стратегии выбрала тактическое отступление, то есть — попросту смылась, прихватив с собой макароны с ветчиной и сыром. Простите, пасту карбонара.

Возможно, а точнее, наверняка, мой поступок в сторону Максима вряд ли можно назвать хорошим, но мне действительно непросто расстаться с человеком, даже с таким, который откровенно начинает напрягать. Его становится слишком много в моей жизни.

Мне страшно ранить чувства другого. Да, моё бегство тоже ранит чувства, но здесь больше срабатывает принцип «меньшее из двух зол». Я вообще не умею расставаться с людьми. По какой-то причине обычно расстаются именно со мной.

— Мы поедem покупать вертолёт? — С широкой улыбкой спросила я вместо приветствия. Уж сильно нахмуренным выглядел Марк.

У него и так были достаточно хищные черты лица, сейчас же он выглядел и вовсе опасным. И одет он был во всё чёрное, как и я.

— Вы не отвечали на звонки.

— Вы и не звонили, Марк Васильевич.

— Проверьте телефон, Есения Аристарховна.

Слегка демонстративно достала подаренный им же смартфон и, развернув дисплеем к боссу, разблокировала:

— Видите? — Победно улыбнулась Марку, — от вас, чёрт, восемь пропущенных.

— Садитесь в машину. Вы пили алкоголь?

— Да, немного. У меня ведь выходной.

Хотела ещё добавить и про свидание, но сдулась под тяжёлым взглядом. Откуда-то появилось ощущение, что я провинилась. Телефон не был на беззвучном, я это точно помню. Михалыч сказал, что мы все должны быть на связи, я и была на связи. Когда пришла смс от Михалыча, я ведь услышала, так? Так.

Ладно, видимо, какой-то сбой.

Босс был явно не в настроении. Он почти не отвечал на мои вопросы, а просто усадил в машину, которую, между прочим, я в ангаре никогда не видела. Даже на вопрос, откуда авто он не ответил, а просто бросил косой взгляд и резко стартовал с места.

— Зачем же так грубо? Это ведь механика, сцепление сожжёте!

— Я не сжигал сцепления с одиннадцати лет, — и это были его единственные слова на последующие два часа.

Мы уже выехали за город. На все мои вопросы: а куда мы едем, а можно ли остановиться на заправке, взять кофе, а есть ли у него вилка для моих макарон — ответов не было. Только угрюмое молчание.

Перед свиданием я не поела. Айрин всегда ужинает перед походами в ресторан с ухажёрами, чтобы не казаться троглодиткой, а я же наоборот, хотела вкусненько поесть. А на голодный желудок всё кажется вкуснее — это ведь основа мироздания.

Паста, которую упаковали в фольгу перед тем, как положить в контейнер, пахла просто одуряюще. Мой желудок уже в десятый раз раздавался иерихонскими трубами, так что, отбросив сомнения и воспитание, полезла в бардачок в поисках приспособления для еды. Хоть какого-нибудь.

— Вы уж извините. Если бы вы отвечали, я бы не нарушила вашего личного пространства, а так надо искать пути решения проблемы, — копалась в чистом бардачке, бубня себе под нос, — ага! Вот вы и попались! Кто-то баловался суши?

Но ответа также не последовало. Марк ещё сильнее сжал руль, аж костяшки побелели.

— В последний раз предлагаю, иначе съем всё сама, — пропела Марку, распаковывая палочки.

Ответа, естественно, не было. Ну, нам убытков меньше.

Я не люблю, когда кто-то ест в машине, хотя самой это делать уж очень нравится. Без зазрения совести принялась за пасту. Как только еда оказалась на языке, по телу прошла волна эйфории. Как же это вкусно! Я никогда не испытывала оргазм от секса, секса-то и не было, но мне кажется, что сейчас я испытала именно его.

— Вы мурчите.

— Да? Извините, непроизвольно. Максим, кстати, тоже говорит, что...

Марк резко дал по тормозам. Нас слегка качнуло перед тем, как мы съехали на обочину.

— Выходите.

— Прямо в лесу? Если вам не нравится, когда едят в машине, могли бы просто так и сказать.

— Немедленно, — почти прорычал Марк и вышел сам.

Внутри пробежал холодок. Вышла на улицу, вцепившись в контейнер, и встала подальше от Архарова.

— Кто такой этот Максим?

— Эм, — я даже как-то растерялась, — мы этот вопрос с ним не обсуждали. Кавалер?

— Какой ещё нахрен кавалер?! Да брось ты уже эти помои!

— Эй! Это почти единственная моя еда за день, я голодная!

Внезапно, паста вырвалась из моих рук и полетела в темноту леса.

— Чтобы я этого Максима возле тебя не видел.

— Это ещё почему? — Не то, чтобы я держалась за Максима, но меня покорило вторжение в мою личную жизнь. Что это ещё за новости? Будет потом ещё контролировать с кем мне дружить?

— Потому что я так сказал.

— Это не ответ, — я сложила руки на груди и уставилась на шефа, — нельзя так просто взять и запретить кому-то общаться с кем-то. Вы мне не отец.

— Но я твой босс.

— И это тоже не ответ.

Марк продолжал сверлить меня взглядом. И в нём было уж много чего очень

нехорошего. Я честно пыталась понять Архарова: да, у нас сейчас режим тревоги. Но я спрашивала Михалыча, могу ли я пойти на свидание, не будет ли это угрозой. Михалыч сказал, что главное — не говорить о работе и не приводить никого в ангар. Так что, никаких протоколов я не нарушила.

Но Архаров был иного мнения. Даже в темноте я смогла заметить, как недобро сверкнули его глаза прежде, чем он двинулся на меня.

Я — трусиха, признаю. Вроде как я должна быть всегда при боссе, когда рядом нет гардов, прикрывать собой его от пуль и всё такое, но никак не убегать от него. А я попыталась именно убежать. Даже стартанула с завидной резвостью, но каблуки мне в этом не особо помогли.

Только я попыталась сделать спасательный рывок, как Марк схватил меня за руку сзади и прижал к машине спиной. Голова слегка кружилась от резкого разворота. Перед глазами плясали звёздочки, а лицо Марка казалось несколько размытым.

— Я не собиралась убегать, честно, — от шокового состояния начала я оправдываться, — точнее, собиралась, но мы ведь оба понимаем, что недалеко. Это просто инстинкт.

— Да помолчи ты уже, наконец, — выдохнул мне в лицо, — инстинкты у неё.

И, вдруг, Архаров поцеловал меня. И это было уже без запаха алкоголя и он явно знал, кто именно перед ним.

Голова пошла кругом, все остатки вина моментально выветрились. Сердце сорвалось в бешенный темп, внутри разлился жар. Даже тот факт, что на этот раз Марк меня ни с кем не перепутал, не отменяет неправильности ситуации. Это не должно происходить. Он же мой босс в конце концов!

Я только собралась прервать поцелуй, как сама же вопреки своим желаниям прильнула ближе к нему.

Марк рвано вдохнул, на мгновение остановился, а потом его губы опять накрыли мои. Глубже, сильнее. Я уже потерялась в нашем поцелуе. Перестала соображать, где заканчиваюсь я, и начинается он. Мне казалось, что я переросла свою влюблённость, но как только язык Архарова стал вытворять с моими губами нечто невообразимое, по венам разлилась чистая эйфория.

Я бесконтрольно прижалась к нему всем телом, робко дотронувшись до его лица, но...

Внезапно всё прекратилось. Он отстранился от меня настолько резко, что я по инерции качнулась навстречу пустоте.

Марк отошёл в сторону, запуская руку себе в волосы. Выглядел максимально напряженным, я даже с расстояния нескольких шагов слышала его рваное дыхание.

— Простите меня, Есения, — выдавил он, так и не повернувшись ко мне, — я потерял над собой контроль и перешёл все границы. Этого больше не повторится.

Мой мозг всё ещё валялся в счастливом обмороке, высунув язычок наружу, а в пустой голове в панике бегала маленькая Сенечка в поисках хоть сколько-нибудь адекватного ответа:

— Ну, за спасение вашей жизни я получила телефон стоимостью в почку, так что за отобранный ужин плата тоже неплохая.

— Вы до сих пор настаиваете, что именно вы спасли мне жизнь? — Марк, кажется, начал расслабляться.

— Можно спорить об этом сколько угодно, но мы оба знаем правду, — с лёгкой

бравადой всунула руки в задние карманы брюк.

— Опять дерзите?

— Нет, просто голодная.

До ближайшей заправки не раздалось ни единого слова. Опять. Я даже музыку включить не рискнула.

Как только подъехали к круглосуточному магазину посреди бензоколонок, Марк выскочил из машины, даже не поставив её на ручник, и также быстро исчез за разъезжающимися дверьми.

Только сейчас смогла выдохнуть и перевести дух. Марк меня поцеловал. Марк Архаров поцеловал именно меня. Меня! Мамочки! Надо было увольняться. А сейчас меня уволят с позором! Две девчонки только домой к нему наведались, когда его там даже не было, и тут же вылетели с работы с позором. А я ещё сама весьма даже резво отвечала на поцелуй! Да так развратно!

Святые турбиночки, я же стонала!

Лицо залило краской. Он поддался минутной слабости, а я расплылась лужицей. Ну кто так делает?! Всё из-за отсутствия опыта. Вот крест на пятке, не буду расставаться с Максимом, а наоборот, даже очень наоборот... Я же только-только вылечилась от болезни по имени Марк, а сейчас всё заново происходит!

Стыдно-то ка-а-а-ак....

— Поешьте, нам ещё часа два ехать, — Марк открыл дверцу и положил мне целый пакет разнообразных закусок на колени: от чипсов до сэндвичей, а в руку всунул французский хот-дог.

— Вам оставить что-нибудь?

— Оставить? Здесь еды на троих хватит.

— Ну так как? Что-то мне подсказывает, вы сильно меня недооцениваете.

Марк оглянулся на меня с лёгкой усмешкой и завёл машину:

— Уж поверьте, я прекрасно знаю вам цену.

— Сенечка! — Зинаида Александровна выбежала нас встречать.

Как только вышла из машины, сытая и почти довольная, не считая того факта, что мне хотелось скрыться от Архарова как можно дальше, Зинаида зажала меня в своих объятиях.

— Я боялась, что Маркуша тебя не привезёт. Уже в который раз обещает, — она покосилась на сына, а потом прошептала мне доверительно: — ты даже не представляешь, какого лопуха ко мне приставили. Везде на хвосте висит, как глист из задницы, ни в носу поковыряться, ни чаю попить.

Зинаида Александровна подхватила меня под руки и увела в дом. Сумок у меня с собой не было, так что Марк просто закрыл машину, взял пакет с мусором, который остался после нашей трапезы и пошёл следом. Мне так и не рассказали, зачем я здесь, как на долго. Я даже одежды с собой не взяла.

Шёл уже первый час ночи. Из-за недосыпа и плотного перекуса меня безумно клонило в сон, но я храбро держалась и слушала Зинаиду Александровну, которая рассказывала все последние новости, но их, как таковых не было; и обо всех людях, которые её раздражали, а вот их было в избытке.

— Мне даже не дали приехать к тебе, представляешь? Тебе хоть передали конфеты? Я знаю, что ты их любишь, — мне подлили ещё чая, хотя, лучше бы кофе.

Марк сидел в стороне, размышляя о чём-то своём, Архаровском. Сонным он не

выглядел, а у меня уже глаза слезились от попыток сдержать зевок. Когда он вообще спит? Он вообще спит?

— Завтра нам надо будет поговорить наедине, — заговорщицки прошептала мне мать Архарова.

Она могла так не понижать голос, казалось, её сын вовсе мысленно не здесь.

Поскольку была поздняя ночь, меня отпустили с миром, выдав один из тех самых кокетливых халатиков Зинаиды Александровны, из тех, что с рюшами и перьями по краю рукавов. Пижама не было, а спать голышом в чужом доме — такое себе удовольствие.

Дом был не таким большим, как сам особняк Архарова. По правде говоря, этот нравился мне больше: белый, просторный, с большими окнами, за которыми шумел лес. Белая лестница кругом обвивала колонну, возвышаясь наверх. Здесь мне вспоминались все романтические книги о леди и их джентльменах, дарящих красивые комплименты и не нарушая личных границ и правил приличия.

Понял, Архаров? Джентльмены не высаживают своих леди в лесу, чтобы отобрать еду, наругаться, а потом зацеловывать до потери пульса и сознания!

В моей гостевой не было личной ванной комнаты, поэтому поплелась по спящему дому, освещаемому лишь лунным светом, в поисках душа и запасной зубной щетки.

Ванную комнату обнаружила с третьей попытки, пришлось тихонечко поскрестись в две другие, и пройти насквозь пустую третью.

— Ох ж ты блин! — Душ здесь не принять, но что за ванна стояла?!

Изогнутая, на ножках, такая красивая и манящая! Интересно, а она быстро наполняется? А если я в неё залезу, не усну ли? Было бы неловко смущать начальство своим хладным трупом по утрам. Мне казалось, я на ногах еле стояла, но как увидела это фарфоровое чудо, или из чего делают ванны богатеи, как всё же не удержалась.

На полочках в изящном шкафчике стояла батарея самых разных баночек с маслами и пенами. Пока набиралась вода, не поленилась перенюхать все. Наверное, тот коктейль из запахов, который я смешала, выйдет похлеще моего перцового баллончика, но мы — девочки — ведь этого достойны, не так ли?

Надо было ещё вина с собой прихватить. Хотя, кому я вру, даже моей наглости не хватило бы на опустошение хозяйского погреба.

Из приоткрытого окна доносилась приятная прохлада, дразнящая моё тело, когда я залезала в горячую воду.

— Пожалуй, я останусь здесь жить...

Блаженно прикрыла глаза. В голове роилась куча вопросов, которые я хотела бы задать Зинаиде, а ещё так и не спросила Марка про его брата. Хотя, как бы я спросила? У меня во рту было слишком много языков.

Я всегда очень щепетильно относилась к личной жизни в том плане, что никого-то в неё и не впускала. Не из-за какого-то горького опыта или принципиальных убеждений, просто так сложилось. Я не умела, да и не умею жить иначе. Именно поэтому общаться с Максимом и дальше будет нечестно по отношению к нему, каким бы хорошим и приятным он ни был. Хотела бы я сказать, что, если бы мы встретились с ним в другое время, в другом месте, то всё сложилось бы иначе, но это совсем не так. В самом начале меня в нём что-то сильно напрягло, и до сих пор это так никуда и не делось.

Я не могла даже самой себе ответить, что именно. Возможно, как раз та самая угроза моей личной и самостоятельной жизни. А человек ведь хороший, сотни девушек мечтают о

таким как он, и мне нельзя быть собакой на сене. Это было бы вселенской несправедливостью.

Но ведь ещё один индивид с посягательством на мою личную жизнь. Причём, это жульничество — посягать на личную жизнь того, кто на тебя работает и так сильно от тебя зависим. И я сейчас не о моих розовых мечтах, которые, как мне казалось, я похоронила. Нет. Он грозился меня уволить, хотя сам наводил справки. Наверняка знает, что я по уши в долгах, а всё равно ведь грозился выгнать! И я не поведусь на эти его поцелуи, если Марк решит от меня избавиться именно по этой причине, я натравлю на него Айрин и тётю Розу. Айрин — мой единственный знакомый юрист, которая мне по карману, то есть — она будет работать и за еду, а тётя Роза сама по себе страшная, когда обижают её девочек.

Вот только... Почему я так хочу, чтобы тот поцелуй повторился? Тот, когда он видел именно меня...

Эта мысль крутилась по кругу. Образы нашего поцелуя, когда его руки скользили по моему телу, прижимая к себе, становились всё ярче, а потом тусклее.

Я уже бесконтрольно начала проваливаться в сон с фантомом Марка рядом, укрытая пышной пеной, пока вовсе не потеряла связь с реальностью.

А потом я проснулась.

С чьими-то руками, удерживающими меня за шею под водой...

Я пыталась сбросить с себя чьи-то руки, удерживающие меня под водой. Мыльная вода слепила, без разбора махала руками и, судя по стону, ударила кого-то в нос.

— Сеня! — Чей-то голос звал, казалось, уже не в первый раз, — да приди же в себя!

— Что вы здесь делаете? Я же здесь ванну принимаю! Вы меня душили?!

— Во-первых, это моя комната, во-вторых, кажется, вы уснули, сползли под воду, а потом вам начал сниться кошмар. Вы хоть иногда думаете головой? Нельзя спать в ванне!

— Это ванна виновата, а не я, выйдите! Я же голая! — Подгрести себе побольше пены, чтобы прикрыть прелести.

Лицо залило краской. Как много Архаров успел рассмотреть?

— Я не знала, что это ваша комната, — прошипела Архарову в лицо, — будьте добрый, выйдите и дайте одеться.

— Конечно, не знала. Я даже опешил, когда вы весьма самоуверенно прошли мимо меня и направились, повторюсь, в мою ванну. Что вы напевали?

— Ничего я не напевала, — буркнула, всё ещё смущаясь.

— Что-то про пеночку для Сенечки, — Марк усмехался, ничуть не стесняясь того, что он сидел на бортике ванны, а я под пеной лежала голая. Только меня это волновало? — Что вам снилось?

— Ничего. Дайте всё-таки мне одеться, будьте так любезны.

— Да, — улыбаться он не перестал, — подожду вас снаружи.

Волосы от мыла превратились в солому. Я потратила ещё минут двадцать только для того, чтобы их хорошенько отмыть. Зашла в его комнату, видите ли. Экскурсию мне никто не проводил, комнаты не подписаны. Меня привезли сюда ночью, ничего не объяснив, я была уставшая, рёбра, кстати, ещё ныли, так что мою оплошность можно было понять.

— Уже три часа ночи?!

Получается, я проспала почти час? Неудивительно, что вода была уже отвратительно холодной. Прав Архаров — нельзя мне ванны. Приснилось, что душат. Может, в отпуск?

Благоухающая и отмытая до скрипа вышла из ванны, затягивая пояс сиреневого халатика с таким же цветом оперением. Архаров сидел в кресле возле зажжённого напольного светильника, а перед ним стояли две дымящиеся чашки с чаем. Вот любят они его. Все Архаровы. Я так больше за качественный кофе.

— Выпьете чаю или сразу спать?

Остаться с ним наедине не очень-то хотелось, чревато, я бы сказала, но мне хотелось у него кое-что спросить, и я не была уверена, что Зинаида даст нам завтра остаться надолго наедине, чтобы поговорить. Поэтому села, чинно сложив ручки на коленях и уставившись на босса.

Я передала то самое послание Михалычу, чем сильно его озадачила. У Архарова никогда не было братьев. Ни братьев, ни сестёр. Ни двоюродных, ни троюродных ни девятиродных — вообще никаких. Но кто-то, кто его преследует, назвал босса братом. Михалыч землю носом роет, докладывает обо всём Архарову, который, по словам моего шефа, сам не знает, кто бы это мог быть. Но, может, мы задали не те вопросы?

— Я хотела спросить насчёт вашего якобы брата...

— Я уже сказал Степану Михайловичу, я понятия не имею, кто это может быть.

— Мне пришла в голову мысль: а у вас были друзья, с которыми вы были близки, но потом ваши дороги разошлись? И он затаил обиду и сейчас так мстит. А точнее, возможно, это просто слухи, но у вас планируются какая-то крупная сделка? Та, которая принесла бы вам крупную прибыль. Тогда тот, кто когда-то вам был близок, возможно, оказавший вам когда-то помощь, считая, что из-за какого-то события, которое он воспринимает предательством, будет вам мешать осуществить план, полагая, что вы не имеете право на успех.

— Вам бы детективные романы писать, Есения, — Архаров разве что в открытую не насмеялся над моей гениальнейшей мыслью. — Моё мнение таково: это либо Бедин, что было бы слишком очевидным, плюс — к нему не вывела ни одна ниточка. Но после недавнего соглашения, если бы это был он, мотив не ясен. Он потерпит не меньшие убытки, чем я. Либо конкурирующий конгломерат, что тоже маловероятно, но пока наш единственный вариант.

— А почему маловероятно?

— Не их методы. Слишком топорно и эмоционально.

— А что вообще за сделка? Я права? Что-то назревает?

Архаров теперь улыбнулся открыто. Он скользил по мне взглядом, будто решая про себя: стоит мне доверять или нет. Уж не знаю, к каким умозаключениям он пришёл, но что-то заставило его довериться мне:

— Я продаю империю. Бедин в своё время влил крупную сумму в моё начинание. Долг я выплатил сполна и после некоторых событий я прекратил с ним деловые отношения. Но я помню добрые дела, ему перейдёт крупная сумма от продажи. Сделка держится в тайне. О ней знает лишь пара человек из моих приближённых, крупнейшие инвесторы по договору с которыми я обязан с ними делиться подобной информацией и теперь вы. И, отвечая на ваше предположение — у меня не было ни единого друга, которого я назвал бы братом. Предугадывая следующий вопрос: мой отец не оставил потомков на стороне.

— Тогда что мы имеем: мы охотимся на какого-то призрака, который с бухты барахты решил вас и меня заодно в могилу свести? — Я на самом деле думала, что моя шикарная догадка, озарившая вчера мою светлую голову, будет просто спасением для нас всех в этом тупике. Я бы такая вся в сверкающих одеждах указала перстом в старого знакомого Архарова, о котором он и думать забыл, и вынесла бы вердикт: «Это он!», а все вокруг бы поздравляли бы и восхищенно благодарили бы меня, скромно тупившую глазки.

Но нет же...

— Как можно жить без друзей?

— Из всего, что я вам рассказал, вас только это волнует?

— Ну да, — я опять смутилась. Мои слова прозвучали так, будто я его в чём-то обвиняю, — с кем вы тогда празднуете день рождения?

— Я не испытываю недостатка в общении. У меня достаточно хороших людей в окружении, но даже им я не могу доверять настолько, чтобы назвать близким другом. А уж тем более — братом.

Грустно это.

Я не могла представить мою жизнь без Айрин и всех моих соседей. Она была бы лишена всех красок и праздников. Это как возвращаться домой, а там нет ни просто никого, а вообще ничего. Просто голые стены и полы.

Но почему моё предположение Архарову показалось глупым? Злоумышленник явно

хотел что-то сказать. И, я, конечно, не психолог, но это как-то слишком эмоционально, разве нет? У кого-то настолько длинные руки, что он смог проникнуть в машину Архарова, но босс говорит, что о сделке никто ничего не знает. Почему он так уверен?

Архаров сказал, что все каналы связи и люди, приближённые к сделке под наблюдением. Ни один файл не покинул стены офиса. Компьютеры, на которых работают над продажей, не подключены к сети. Пароль меняется ежедневно — ни единого шанса подкопаться.

А всё почему? Потому что где-то кто-то приобретает, кто-то теряет. Не все конкуренты обрадуются продаже империи, потому что перевес сил будет не в их пользу.

Но тогда возникает вопрос...

— Тогда кто хочет вас убить?

— Не уверен, что меня хотят убить. Скорее запугать.

— Вы так уверены, что никому не перешли дорогу? — Выпала я.

— Уверен, что многим. Меня даже восхищает эта неизвестная личность. Ни официальные службы, ни неофициальные не могут его найти.

— Чему здесь восхищаться?

— Я всегда ценил профессионалов своего дела. Даже такого.

Странный человек этот мой босс. Восхищает его, видите ли. Лот на него уже раз двадцать купили, а он восхищается сидит. Не доживу я до пенсии с этой работёнкой.

Не люблю спать не в своей кровати, но как только голова коснулась подушки, я поняла, насколько уставшая была. Настолько, что уснула в ванной и приснился кошмар, что меня пытаются убить. А на следующее утро, я пожалела, что это был всего лишь кошмар...

— Вы отвезли мою мать в район, который каждый день мелькает криминальными сводками? И это в первый же день вашей работы? — Не переставал возмущаться Архаров, гневно глядя на меня, сидящую рядом с чинно попивающей чай Зинаидой.

— Но она мне угрожала!

— Ты что, наябедничала на меня, стукачка? — Немедленно возмутилась мать Архарова.

— Да! Имею право. И в свою защиту скажу, — обернулась к боссу, — у меня с собой был перцовый баллончик.

Допрос длился уже второй час. Архаров заставил меня рассказать обо всех вылазках, в которых участвовала я, и заставил рассказать и саму Зинаиду о всех злоключениях, в которых она участвовала в одиночку. Под спокойный тон матери босса у нас у обоих глаза вылезли на лоб. Как выяснилось, она не однократно выезжала на встречи с самим детективом и его информаторами.

— Как вы выбирались из дома?

— Как-будто эти балбесы могли меня остановить, — фыркнула она беззаботно. — Сеня, конечно, хороший компаньон, но уж больно правильная. Продержалась почти месяц, прежде чем сдать меня Михалычу.

— Вы молчали месяц?

— Я не молчала месяц! Почти не молчала.

Теперь я понимала, почему Архарова все боялись: он не кричал, нет. Но от его ледяного голоса становилось ещё хуже. Как-то позабылось, как он меня целовал вчера вечером. Или спасал уснувшую в воде.

Даже Зинаида Александровна ступшевалась.

— Ты будешь сидеть здесь безвылазно. Никакой машины не оставлю, — шипел на мать

Архаров, — и только посмей мне вызвать Сеню из Москвы. И пеняй на себя, если я узнаю, что ты ввязалась в очередную авантюру. А вы, Есения, — я моментально напряглась, как только он перевёл чёрные глаза на меня, — никаких поездок в криминальные районы, никаких больше взрывчаток в багажнике и танцев в ангаре. Если что не так, сразу же говорите мне. Мне! Вы всё поняли?

— Да, босс.

— Да, Маркуша.

— Есения, вы забираете машину моей матери и гоните в Москву. А ты только слово поперёк вставь! Ты здесь под домашним арестом, пока всё не закончится.

— Но...

— Никаких но! И если Сеню будешь подстёгивать на помощь в твоих вылазках, и она сюда переедет до тех пор, пока всё не закончится.

— Но, — уже я попробовала протестовать. Мне не хотелось оставлять Зинаиду Александровну одну.

— Никаких. Но.

«Выходи и всех позови!» — Отправила смс Айрин.

Мне надо было отогнать новейшую ауди обратно в Москву, которая раньше стояла у нас в ангаре, а потом, как выяснилось, перекочевала в загородный дом босса. И вот сейчас я рассекала на малышке по вечернему городу.

«Следите за ней, чтобы постоянно была под боком. В ангаре её не должно быть».

По-моему, логика подхрамывает, ангар ведь — самое безопасное место. Но Архаров расценил иначе: будет ваша служебная. А служебный автомобиль никому не интересен. Так что каждое утро. Каждое! (Выходных у меня теперь не будет), я должна делать диагностику и тестировку систем, а потом тихонечко или ехать за Архаровым, или передавать авто другому водителю, но потом обязательно забирать его.

Но, что меня радовало больше всего — у меня есть машина! Пусть, на время, но у меня есть машина! И мне разрешили ею пользоваться! Даже в личных целях! Оке дяди Мойши придётся постоять на улице. Эту малышку надо держать только в гараже. Ауди делают качественный кузов, но любой уличный кот мог исцарапать корпус и повредить покрытие.

Я редко включала музыку в других служебных автомобилях, но здесь, двигаясь вслед за злым Архаровым, я оторвалась на славу. Я проорала в дуэте все популярнейшие песни вместе с радио, отвечала на вопросы викторины, даже капнула кетчупом от хот-дога на сиденье! Вытерла сразу же, но какой кайф почувствовать чуточку больше свободы! Только опущенная перегородка напоминала, что авто ну очень принадлежит не мне.

Перед выездом я сообщила Михалычу о том, во сколько, «кудой» и куда мы будем направляться. Компьютера для диагностики с собой не было, поэтому по-быстрому, пока Архаров не видит моих параноидальных заскоков, облазила наши средства передвижений вдоль и поперек под днищем и капотом. Только после этого позволила шефу гневно сесть на водительское сиденье и не менее гневно хлопнуть дверью.

Одно меня радовало в этой ситуации: да, наши с Зинаидой телодвижения за спиной босса не выглядели хорошо, но Михалыч нас не сдал. По реакции Архарова было заметно, насколько он недоволен, что его мать со своей сообщницей в лице меня осмелились послушаться его наставлений.

Кажется, Архаров по пути домой не расслаблялся, а наоборот, ещё больше закипал. Мы ехали в разных полосах чуть поодаль друг от друга, как вдруг, он перестроился впереди меня

и начал «оттормаживать».

Ну что за детский сад? Меня-то учили заносам на девятке, когда с полей картошку забирала. Мелкий песок порой похлеще гололёда, уважаемые. А он-то прошёл такую школу экстремального вождения? Думаю, вряд ли.

Ауди была на механике, что нравилось мне гораздо больше, поэтому поддала газку, снизила передачу для большей тяги и пошла на опережение, притормаживая перед ним в ответ.

Кажется, у кого-то детство заиграло. Мы стояли на красном светофоре рядом друг с другом. Я хихикала, поглядывая на Архарова, а тот чуть прищурившись, кивнул на светофор и поднял правую бровь.

Меня только что на дуэль вызвали?

Архаров был на Ягуаре с коробкой автомат, объём двигателя два и ноль. Неплохо, но слишком мало для такой тяжелой машины. Я же на ауди, механика, восьмиступенчатая коробка передач, объём три и пять. У Архарова нет шансов.

Прибавила громкости, и приготовилась к низкому старту.

Как только загорелся зелёный, вдавила педаль газа в пол, позволяя моей девочке показать всё, на что она способна!

— Как так-то?!

Архаров после секундной заминки вырвался далеко вперёд даже на своём двухлитровом ягуаре. Ну как так-то, а?

«Опыт» — пришло лаконичное смс на телефон.

До самого города я его так и не смогла догнать. Перед въездом нас уже встречали Костик и Виктор на внедорожнике и, моргнув мне дальним, пристроились за Архаровым.

Мне разрешили поехать домой.

— Вот ни хрена себе! — Айрин обходила Ауди по второму кругу, — тебе её подарили?

— Да, пять раз, — я рассмеялась, — дали как служебную на время. За любую царяпину голову открутят.

— А ты меня в универ сможешь завтра отвезти? Хочу, чтобы Светка свою Викторину Сикрет съела от зависти.

— Подвезу, если не вызовут, — я рукавом протёрла капот.

— Девочки! Встали рядом, я вас засниму! — Дядя Федя достал старенький плёночный Кодак из чехла.

Меня встретили с вином и бутербродами. Дядя Мойша настраивал проигрыватель, ведь у нас праздник, как же без танцев? А сейчас мы с Айрин, тётёй Любой и тётёй Розой стояли в обнимку возле Ауди и ждали, когда «вылетит птичка», широко улыбаясь.

Дядя Мойша пошёл выгонять свою Ока из гаража, но Ауди была гораздо длиннее, так что пришлось отложить вино и закуски на потом, пока мы не вытащили весь хлам, включая старенький диван, чтобы вместились моя новая красotka.

— Давай ещё опечатаем, — дядя Мойша пожевал губу, — ну, чтобы, если кто залезет, мы бы узнали.

— А смысл? — В его словах смысл-то был, но знать о том, что кто-либо залез надо было бы хотя бы вовремя, а не по утру, — здесь сигнализация нужна. Печать не поможет.

— Секундочку.

Сосед убежал куда-то за соседний дом. Мы смотрели вслед удаляющейся фигуре, а потом переглянулись. Что ему могло понадобиться на вражеской территории?

Внезапно, из-за угла раздался чей-то жалобный визг и ворчливый голос дяди Мойши. А потом он появился опять, неся под мышкой худую дворнягу и таща разваливающуюся на ходу будку за цепь.

— Вот и сигнализация!

— А они не будут против?

— Им же тогда не придётся кормить его.

— А как зовут этого доходягу? — Айрин побоялась даже попытаться погладить собаку, которую дядя Мойша только что нагло спёр.

Собака, судя по всему, мальчик, смотрел на нас удивлёнными глазами и даже забыл порычать или погавкать. Коричнево-пятнистый окрас и маленькая беленькая молния на холке — очень даже милый. Кажется, его мама и папа были овчаркой и болонкой, никак иначе не могу объяснить внешность этого паренька.

— Не знаю. Пирожок? — Мы с сомнением покосились на тощего пёсика, у которого ярко просматривались рёбра.

— Он какой-то худой для Пирожка, — протянула я, поглядывая на новую «сигнализацию».

Я даже никогда и не слышала, чтобы у нас рядом кто-нибудь лаял. Наши дома в лесопарковой зоне, неподалёку многие выгуливают собак и их лай всегда слышен, пусть и не очень отчётливо. А здесь ни звука.

Пристроили Пирожка возле гаража, где уже отдыхало моё временное приобретение. Дядя Мойша всё же опечатал замок, так что, защитили машину со всех сторон. Только Пирожок рычал на всех подряд, но после третьей порции сосисок уже пообвыкся и тихо посапывал на своём новом посту.

Вражеский дом возбуждал, пока мы пили вино и танцевали. Но нам было весело: наши женщины завили волосы и надели нарядные платья, мужчины были в шляпах, а мы с Айрин снимали всё на свои телефоны, потому что на Кодаке дяди Феди всё размывается.

— Выкладывай, — Айрин осталась у меня с ночевкой, и сейчас пришла с кружкой даров от Эдмундо ко мне на диван, — ты вся светишься, а я знаю, когда ты светишься, так что рассказывай.

— А где мой кофе? — Завистливо проследила взглядом, как подруга отпивает ароматный напиток.

— Тоже мне напиток, тебе пора выбросить кофемашину и купить новую.

— Эй! Не обижай моего Эдмундо! Он мне как родной.

— Да он даже зёрна нормально помолоть не может.

— Ты просто расистка, — фыркнула я.

Вместо ответа Айрин пристально уставилась на меня своим фирменным взглядом: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, но ещё ты знаешь, что я хочу, чтобы ты сама рассказала».

— Давай лучше ты о Костике, — взмолилась я. У меня не было секретов от Айрин, просто не знаю, как именно ей об этом рассказать. Я боялась, что она во мне разочаруется.

Как иначе можно относиться к девушке, которая целовалась с боссом безо всякого сопротивления? Да ещё и сама на шею полезла.

— Ты меня в сторону увести хочешь, что ли? Я тебя, зараза ты такая, знаю, как облупленную и люблю больше себя. Не смей оставлять меня в стороне.

— Ла-а-адно, — простонала я в подушку, — только не осуждай. Я не переживу, если ты начнёшь меня осуждать.

Лёжа на головой на коленях у Айрин я рассказала почти обо всём. О том, как он перепутал меня со своей бывшей и поцеловал. О том, как он разозлился и поцеловал. О том, как он испугался за меня и щупал меня голую.

— Ну прямо-таки щупал, — Айрин закатила глаза, посмеиваясь.

— Но мог бы! Я, кстати, ему жизнь спасла.

— Как ты могла подумать, что я буду тебя осуждать? Ты только постарайся не усугублять всё это дело.

— Это ещё почему? — Я даже приподнялась от удивления.

— Потому что я тебя знаю. Когда ты на кого-то западаешь, листаешь его фото втихаря...

— Ты знаешь?!

— Конечно, я же видела. Так вот, — Айрин уложила мою голову обратно себе на колени и стала поглаживать по волосам, — когда ты в кого-то влюбляешься, нарисовав себе образ в голове, который зачастую не соответствует действительности, то после первой же встречи с тебя слетают розовые очки и улетучивается вся влюблённая хрень из головы. А здесь этого не произошло. Архаров не тот, кто был бы с тобой. И я не верю, что он тот, кто сделает тебя счастливой.

— Это ещё почему? — Я не строила никаких планов на наше с Архаровым будущее, нет. Но когда-то слегка мечтала, и мне казалось, что он как раз-таки тот, кто может сделать девушку счастливой.

— Ты более возвышенная, глубже. Я его лично не знаю, но больше, чем уверена, что он — твоя противоположность. Только в физике противоположности притягиваются. На людях это не срабатывает. Не люблю давать советы, но лучше выстрой между вами стену, иначе влюбишься, а он обязательно разобьёт твоё чудесное сердце.

Она права. Конечно, она во всём права. Но почему на душе стало так горько?

Под утро, за пару часов до рассвета, я проснулась от какого-то неприятного чувства. Айрин мирно посапывала рядом и, естественно, ни о чём таком и не подозревала. Мы так заболтались, что уснули всего пару часов назад, даже не почистив зубы после кофе, отчего сейчас во рту было несколько неприятное ощущение.

Я всматривалась в темноту, будто сейчас оттуда выскочит монстр, но в комнате мы были одни. На улице пусто и тихо. Тогда почему так горит спина?

Может, мне пора записываться в экстрасенсы?

Потопала на кухню попить воды и бросила взгляд на гараж поодаль. Угол обзора был не очень удобным, так что пришлось открыть окно и выглянуть наружу. Пирожка возле гаража не оказалось, но сам временный дом для Ауди казался закрытым.

Только потом я увидела некое мельтешение за гаражом. Прищурилась.

— Ёлки-моталки!

Бросилась обратно в спальню за рацией и телефоном.

— Это Сеня! Два-семь-два! Здесь парень Детская Присыпка!!! — Проорала так, что даже Айрин разбудила.

— Что случилось? — Испуганно спросила всклокоченная подруга.

— Оставайся здесь!

«Два-семь-два. Кто?» — раздалось из рации.

— Тот четвёртый из ангара! Который вместе с людьми Бедина удерживал меня вместе!

«Выезжаем».

Они даже по ночному городу будут ехать слишком долго, он может успеть уйти.

— Ты куда, Сень? — Айрин вслед за мной машинально натягивала штаны и байку.

— Надо поймать того наглеца!

— С ума сошла? Он может быть опасным! Почему Пирожок не залаял?

— Он гоняет его молча, умный пёс. Но надо бы ему научиться гавкать.

— Сеня, не ходи туда!

Но слова Айрин прошли мимо меня. Мы уже столько времени теряем впустую, а здесь есть реальный шанс схватить его за хвост. Прихватила сломанную ножку от стула, и бросилась к гаражу...

Прохладный воздух резанул по лицу. Адреналин подстёгивал, но здравый смысл подсказывал, что мне нельзя выдавать себя раньше времени. Пришлось двигаться перебежками от куста к кусту, от беседки к беседке. Ну вот как он узнал, что здесь храниться один из транспортов Архарова?

Увидел Оку на улице и закрытый снаружи гараж? Только поэтому?

Пирожок как настоящий сторожевой пёс пытался осторожно подкрасться к парню из той самой четвёрки, когда тот, будто играючи, отгонял собаку ногой. Не успели мы откормить Пирожка за одну ночь. Очень неравная схватка.

Я спряталась за углом, соображая, что мне делать дальше. Стукнуть по голове моей импровизированной битой? Или пустить в лицо струю из перцового баллончика?

— Это кто еще? — От неожиданного шёпота Айрин я аж подскочила на месте.

— Что ты здесь забыла? Немедленно иди в дом!

— Ага, и оставить тебя одну? Разбежалась.

— Айрин, это может быть опасным, — вложила в голос всю степень беспокойства за подругу в надежде, что до неё дойдёт.

— Помню твоё лицо в синяках, так что уж знаю. Одну я тебя не оставлю, усекла?

Послышался глухой стук и жалобный визг Пирожка. Что за человек может ударить собаку?

— А ну не с места! — Я бросилась на обидчика с деревянным оружием наперевес.

Как только мы с ним встретились глазами, дрожь прошла по всему телу. Сразу вспомнились и страх, и боль, которые я испытала при нашей первой встрече.

— Здравствуй, Ветерочек, — произнёс он, криво ухмыляясь.

Я пересмотрела много боевиков, и все герои всех фильмов делали одну и ту же ошибку: слишком много болтали. Ни к чему сейчас стоять и выяснять отношения. Такую ошибку я не допущу.

— Пирожок, ко мне, — приказала пёсику, который чхать хотел на мои приказы.

Детская Присыпка улыбнулся и размеренно двинулся в мою сторону. Я взялась за ножку от стула поудобнее и приняла почти боевую стойку. Внимательно следила за каждым шагом Детской Присыпки, готовясь уловить удобный момент.

— Брось палочку, Ветерочек, я просто хочу поговорить. Ты ведь не сможешь меня ударить, — этот олух протянул ко мне руку, предоставив тот самый удобный момент.

Со всей дури врезала по руке, услышав отвратительный хруст.

— Сука! — Он зашипел, прижав к себе поврежденную конечность.

Пирожок вцепился в ногу Детской Присыпки. Это ведь надо быть таким самоуверенным, чтобы проигнорировать пусть и чахлую, но всё же собаку и пусть и испуганную, но всё же девушку с дубинкой?

Детская Присыпка опять ударил ногой Пирожка, отчего бедный защитник отлетел, крутясь по земле, на пару метров.

— Не смей бить Пирожка!!!

Не помня себя от злости, помчалась прямо на него. Я хотела сбить его с ног, но мимоходом увидела Айрин, которая с решительным лицом бежала в нашу сторону. От неожиданности, я споткнулась, и кубарем покатила прямо к Детской Присыпке, когда

Айрин, уже приготовилась прыгать в атаке на него.

В итоге получилось даже лучше, чем я ожидала. Ну почти. Из-за того, что я сбила его с ног снизу с одной стороны, А Айрин прыгнула на него сверху с другой, Присыпка слегка взлетел, выдавая нам акробатический трюк, и, перевернувшись, с громким стоном упал на землю.

Для нас с Айрин столкновение с нарушителем границы тоже не прошло безболезненно: мы лежали друг на дружке, способные только созерцать небо в попытках вспомнить, как правильно дышать. Кажется, я сильно ушибла ногу, даже шевеление ею простреливало острой болью, до искр из глаз.

Вот только про любую боль я мгновенно забыла, когда увидела, как Детская Присыпка, похрапывая поднялся и направился прочь.

Ну уж нет, он мне угрожал, зуб даю, он связан с бомбой, а ещё сломал Клайда и, в конце концов, он пнул Пирожка!

Стараясь не обращать внимания на острую боль в коленке, похрамывая, побежала за парнем. Он бросился к густому пролеску, за которым проходила дорога. Если не знать местность, то можно и не найти путь к этой дороге сквозь плотные заросли кустов. А значит, Детская Присыпка здесь не впервые.

Меня слегка страшила мысль, что его не догоню, как услышала по рации сообщение, чтобы я загоняла его северо-западнее. Видно, моя команда уже здесь. Я понятия не имела, где именно северо-запад, но Присыпка, по всей видимости, был в курсе, иначе чего он так резко сменил направление?

Но и мои ребята не лыком шиты. Костик и Андрей (парень с другой смены) выскочили как раз перед Присыпкой и одним лёгким взмахом руки Костика Присыпка опять оказался на земле.

— Почти... поймала... — от бега объёма лёгких не хватало, чтобы дышать.

Я согнулась почти пополам, уперев руки в колени, в боку кололо, но радость от того, что мы всё же поймали хоть кого-то, затмила все другие чувства.

— Молодец, Сень, — кивнул Андрей и покосился на Костика.

— Что ещё? — Не понравились мне их переглядки.

— Слишком просто, — Андрей почесал затылок и посмотрел на Присыпку, находящегося в отключке.

— Просто? Просто?! Да у меня нога почти сломана, а Айрин, небось, всё ещё лежит там у гаража!

— Айрин? — Тут же вскинулся Костик.

— Она в сознании, просто на земле лежит, — попыталась поправить себя, но Костик уже двинулся к даме своего сердца, не слушав меня.

— Мы уже сделали ошибку, недооценив парня, а здесь он, будто дал себя поймать, — Присыпка упал лицом в землю, и сейчас мы с Андреем, перевернули его.

— Ты видел его раньше? — Спросила Андрея.

— Нет, а ты?

— Конечно, он же был в ангаре, когда мне угрожали.

Андрей как-то странно посмотрел на меня, а потом занялся Присыпкой: закрепил ему руки и ноги стяжкой и потащил к багажнику внедорожника.

Меня ещё потряхивало от пережитого, так что я просто оглядывалась по сторонам, зажимая в руках моё оружие, которое я так и не выбросила. Кажется, отныне и в душ с ним

отныне ходить буду.

— Пёсик-то обучен кем-то. Только хилый, — Андрей кивнул на овчаро-болонку, которая, прихрамывая на ту же ногу, что и я, подошла ко мне и стала лизать руку.

— Пирожок-то? Да ну, он дворовый, мы его у соседей стащили вчера вечером.

— Пёс обучен, как сторожевой, и вы его умудрились украсть? — Он рассмеялся, — если им заняться вплотную, выйдет толк. Станет людоедом, который даже кусок говяжьей вырезки из чужих рук не возьмёт.

Недоверчиво посмотрела на Пирожка, который преданно заглядывал мне в лицо.

— Хороший мой мальчик, — потрепала его за ушком, — пошли искать нам еду.

В ангар прилетела как на праздник. Вряд ли Михалыч разрешит отправить подальше отсюда Присыпку, так что парни уже наверняка что-то выяснили. Мне ещё хотелось посмотреть ему в глаза, как можно победоноснее. И сказать что-нибудь крутое, что-то типа: «Сам ты Ветерочек».

Нет, это не очень круто, надо что-то более угрожающее. «Какой я тебе Ветерочек? Ещё раз приблизишься к моему дому, вместо ветра устрою такой дождь!» — угу, золотой.

Фу-у, аж притормозила от этой мысли. Я слишком много времени провела с мужской компанией с их похабными шуточками.

Ногу я всё же потянула. Холодных компресс несколько снял отёк, но всё равно заметно хромала. Хорошо, хоть у Ауди педаль газа лёгкая, тормоз пожёстче, но с моими навыками больная нога не сильно мешала.

— Михалыча не видел? — Схватила за руку пробегающего мимо Илью.

Парень вздрогнул, поморщившись:

— Он у себя. — Кинул он на кабинет Михалыча, и вылетел по своим делам.

Здесь вообще творился небольшой хаос: в два раза больше людей, и все они обшаривали машины вдоль и поперёк. Даже мою Ауди уже загнали в ангар и водили в салоне прибором для поиска жучков и прочих подобных неприятных сюрпризов.

У меня в одиночку на проверку одной машин уходило от сорока минут до полутора часа, а парни справлялись вдвое быстрее. Я даже слегка погрустнела. Только начала считать себя крутым профессионалом, как найдутся те, кто спустит твою брэнную тушку с небес на Землю.

— Михалыча не видел? В кабинете его нет.

Вместо ответа Виктор покачал головой.

Что ж за такое-то?

Я сделала несколько кульгающих кругов по ангару, но так и не нашла шефа.

— Блин, Илья, ты ведь сказал, что шеф у себя, — грозно двинулась на блондина, — я его уже минут двадцать ищу.

— А?

— Заставляешь бегать старого, хромого человека.

— Хватит бубнить, никого я ничего не заставлял. Брось свои брэнные косточки на лавочку, скоро объявится твой Михалыч.

— А где Присыпка? — Сесть было хорошей идеей. Может, отобрать кий у дяди Феди? Он всё равно к нему прибегает только тогда, когда надевает шляпу и идёт на почту. Говорит, так выглядит стильно. По телевизору видел.

— В архиве. Точнее, в той комнате, где они тебя закрыли, — Илья почесал затылок, — молчит, сукин сын, только скалится сидит. Будто он лучше нас. Порой складывается

впечатление, что так оно и есть.

— Типа, он знает то, что не знаем мы?

— Именно. Как минимум: он знает кому это надо и зачем. У нас даже этого нет.

— Ты в порядке? — Парень действительно выглядел неважно. Капилляры в глазах полопались, он постоянно морщился, как от зубной боли.

— Башка раскалывается. Наверное, передоз кофеином. Будто сплю на ходу. Или из реальности выпадаю, не знаю. Поспать бы пару суток.

Руки и, даже, ноги так и не перестали чесаться подойти и нагло улыбнуться тому типу в лицо. У двери стояли малознакомые мне гарды из резерва, хмуро глядя на всех, даже на меня. Казалось, я криво чихну в их сторону, мне тут же сломают шею. Их, наверное, на специальной диете держат. Сложно было представить, что кто-то может быть больше Костика, но спойлер: может.

Мне великодушно разрешили войти и снисходительно посмотреть на пленника. Несколько недель назад меня бы возмутил тот факт, что, по сути, я участвовала в похищении человека, но сейчас душу заполнял триумф. Как же быстро меняются люди.

Собрала всю мимику в кулак и открыла дверь.

А потом закрыла обратно.

— Кхм, ребят, — позвала двух амбалов, — не хочу никого расстраивать, но там никого нет.

Сама я по какой-то дикой причине даже не удивилась, но мои слова сработали как сирена. Ангар тут же взорвался движением. Меня отодвинули в сторону и кинулись внутрь нашего типа архива.

— Как бл?ь он ушёл?! Как???

Ребята обшаривали каждый угол, каждый сантиметр, каждую щель ангара, но Присыпка просто исчез. На камерах ничего. То есть, вообще ничегошеньки. Вот его завели в комнату, а вот он никуда не выходил. Только я с дебильноватой улыбочкой закрыла за собой дверь, что-то проговорила двум охранникам у входа, а потом всё пришло в движение. С такой же дебильноватой улыбочкой, небось, сидела я и сейчас.

— Поверить не могу, — Михалыч устало упал на лавочку возле меня спустя часа два, — просто не могу верить.

Согласна. Выходов нет. Или мы все здесь настолько глупы, что не смогли уследить за одним лишь человеком, который, к тому же, был слегка потрёпан.

В голове уже не осталось мыслей и предположений. Если лучшие из лучших не могут найти заказчиков, тогда кто вообще основное лицо? Несколько десятков человек его разыскивает. Впустую. С десяток караулили подозреваемого — профукали.

— Закончу с этим делом, уйду на пенсию. Меня уже больше ни на что не хватит.

— Я с вами, Михалыч.

— С Днём Рождения тебя! С Днём Рождения тебя, с Днём Рождения, наша Айрин, с Днём Рождения тебя!

— Задувай свечи!

— В своём желании про меня не забудь!

Нарядная и сверкающая Айрин после секундной задержки задула свечи под наши апплодисменты. Второй вечер у нас во дворе праздник. Я пообещала Айрин выбраться с ней на пару часов в клуб. Только в такой, где можно вкусно поесть. Даже не в клуб, а в ресторан с танцполом. Мы с Айрин избирательные в выборе заведений.

— А это тебе от меня, — протянула конверт, как только именинница подошла ко мне, приняв подарки от остальных.

— Если там деньги, я тебя убью, — вроде угроза, но произнесена была с улыбкой.

Айрин быстренько раскрыла конверт и вытащила оттуда самодельную открытку:

— Что это? — Она пыталась всмотреться в маленькие картинки.

— Это коллаж, — подседа к ней поближе, — вот смотри: это ты, а это я. А это...

— Эйфелева башня?

С триумфальной улыбкой жестом фокусника я вытащила из-за спины два билета.

— Мы полетим в Париж!

— Да ладно?!

Айрин с визгом кинулась мне на шею:

— Мы правда полетим в Париж?! Правда-правда?!

— Правда-правда, — со смехом обняла самого близкого мне человека. Сегодня после всех событий мы очень долго говорили с Михалычем. Не о делах насущных, а скорее о жизни.

Он рассказывал, сколько много упустил в своей жизни с этой работой. Ему всегда казалось, будто ещё чуть-чуть, ещё вот-вот, и он уйдёт на пенсию. Но всегда что-то происходило, пока, в конце концов, годы не прошли незря, как им полагается проходить годам. Люди постарше, вот все поголовно, говорят об этом же, но только сегодня я прислушалась. Да, на мне кредит, ну и что? Выплачу, никуда не денусь. Всех денег мира у меня заработать не получится, а вернуться в университет в ближайшем будущем не светит, так почему бы не выехать дальше Родины хотя бы раз в жизни? Разве мы с Айрин этого не заслужили? Возможно, только сегодня до меня, наконец, дошло, насколько всё серьёзно и что я не бессмертна. Даже наше «плавание» в реке не напугало меня настолько, как тот факт, что в моей жизни появился некий Мориарти или Фантомас, которого ни у кого не получается поймать и уж тем более никто не может понять, что у него в голове.

Так что сразу же, как меня отпустили домой, позвонила Зинаиде Александровне и спросила, есть ли у неё знакомые, которые помогли бы мне с поездкой в Париж. Не за бесплатно, нет, а в небольшую рассрочку. А самое важное — нужна была помощь с визами, очень быстро и очень секретно.

— Открытая дата, два билета первым классом, четырехзвездочный отель на пять дней! Можно вылететь в понедельник, чтобы у нас ещё были выходные на то, чтобы чуточку погрустить о Париже после возвращения.

— Сеня, мы правда летим в Париж? — Айрин смотрела на меня также, как когда-то в детстве, когда она впервые увидела Деда Мороза, а точнее, дядю Мойшу (он тогда под колпак надел ермолку, чтобы не вспыхнуть праведным огнём, как он выразился при рассказе спустя много лет) в костюме Деда Мороза и не могла поверить, что это всё — не выдумки взрослых.

— Да. Наверное, нам придётся там питаться кофеином и круассанами, но зато мы увидим Елисейские поля и покатаемся в Дисней Лэнде!

— Ты самая лучшая в мире подруга! Я так тебя люблю!

— Эй, ну не плачь, у тебя же такой красивый макияж!

— Я хочу на тебе жениться, — только Айрин со смехом произнесла эти слова, как мы услышали почти деликатное покашливание.

Недалеко стоял Костик с громадным букетом цветов и маленькой коробочкой. Париж,

романтика — на этом фоне мы синхронно с Айрин подумали об одном и том же, но там оказался золотой кулон в виде солнышка.

К Костику потянулась наша команда поддержки, одобрительно глядя на Айрин. Ну вот, кажется, сосватали мы нашу девочку.

— С косичками тебе лучше, — позади послышался детский голос.

— Дашка? Ты здесь откуда?

— Папа сказал, что здесь вкусно кормят, — девочка со знанием дела осмотрела столы с разнообразной едой, которые мы вынесли в наш дворик, — ну так как? Тебе заплести косички?

— Мы не могли пропустить такой праздник, — Илья по-братски приобнял меня за плечи, — честно говоря, хотелось отвлечься.

— Вы так близко знакомы с Айрин?

— Было дело. Через Костика, естественно. Так, веди знакомиться с остальными.

До ресторана мы так и не доехали. Честно говоря, давно я так не смеялась и не отдыхала. Дядя Федя устраивал конкурсы, Пирожок счастливо обедался всем тем, что мы ему подсовывали под столом. Даша нашла любовь в лице Пирожка, а Айрин, кажется, в Костике.

На деревьях ещё днём развесили гирлянды, из открытого окна на подоконнике радовал музыкой старый кассетный магнитофон. Мы пели и танцевали. В честь дня рождения, ну и чтобы загладить вину за похищение собаки, даже пошли на примирение с вражеским домом. Они тоже пришли не с пустыми руками, а с грузинской виноградной чачей.

Время уже перевалило за полночь, завтрашнюю смену никто не отменял, но сегодняшнее поражение, кажется, накрыло всех.

— Вы залили в автомат вино? — Илья с весёлым удивлением наливал то самое вино в кувшин.

— Там уже и чача, ты поаккуратней, парень, иной раз проснёшься в портянках в будуаре, а жене как потом объяснять?

— Где ты проснулся?! — Тётя Роза отвесила мужу оплеуху под общий взрыв хохота.

Костик увёл Айрин на прогулку, чтобы побыть наедине. Никто не сомневался в приличии обеих сторон, поэтому отпустили ребят с миром.

— А они что здесь делают?

Я проследила за взглядом Ильи и поперхнулась знаменитым «чачавином». На нашей скромной подъездной дорожке между двух стареньких двухэтажек, окружённых небольшим леском, хищно помигивая фарами стоял кортеж Архарова.

Даже музыка остановилась, но никто не дёрнулся сменить кассету. Кортёж босса смотрелся у нас во дворе приблизительно так же, как смотрелось бы НЛО на детской площадке — дико и чужеродно.

Я спокойно наблюдала, как Архаров в окружении двух гардов плавно вышел из мерса (который я выбрала), напугав всех моих соседей, которые сейчас с подозрительностью наблюдали за движением Архарова в нашу сторону. Впрочем, есть никто не перестал, включая меня.

Марк Васильевич скользнул по мне взглядом и остановился перед нами:

— Прошу прощения, что прервал ваш праздник, я здесь ненадолго, — он повернулся к Илье, — нам надо поговорить.

Наша тётя Люба, конечно, любого накормит, но даже она не рискнула пригласить Архарова за стол, уж слишком напряжённым он выглядел. Даже я не помню его таким.

Возможно, некрасиво было с моей стороны не познакомить босса со всем честным народом, но меня что-то отторгало от мысли, что он настолько глубоко проникнет в мою жизнь. Айрин же посоветовала выстроить стены, вот я и решила последовать мудрым словам. Так что стойко продолжила жевать шоколадный торт, игнорируя намекающие взгляды моих соседей, которые будто говорили: «Мы тебя не так воспитали» до тех пор, пока дядя Мойша в тишине не подошёл ко мне и не пнул легонько по коленке.

— Друзья, это Марк Васильевич Архаров, — кивнула на босса, — Марк Васильевич Архаров, — повернулась к нему, — это друзья.

— А вы, полагаю, тот самый дядя Мойша, которому я обещал отремонтировать Оку, — Марк безошибочно протянул руку дяде Мойше, стоящему возле меня, — рад познакомиться.

— Сень, что за дела? Я думала, что я твой любимый дядя.

— Дядь Федь, у меня нет любимчиков.

Между Дядей Федей и дядей Мойшей начался спор, кто из них лучше для девочек, и под этот шумок Илье утащил меня вглубь беседки, куда уже направился Архаров.

Марк осматривался в ней, но будто не видел ничего вокруг, слишком уж погрузился в свои мысли. А беседка-то наша красивая: повсюду фонарики, светлые шторы, на стенках из обтёсанного бруса висели наши фотографии, которые дядя Федя регулярно делает на свой Кодак, а мы с Айрин их распечатываем в тех редких салонах, которые ещё остались.

— Через три дня состоится сделка. Если хоть капля информации выплывет, она сорвется, что будет для нас катастрофой. Подозреваю, все попытки меня достать закончатся ровно тогда, когда мы подпишем документы, — Марк снял со скрепки, прикрепленной к бечёвке, нашу с Айрин фотографию, где мы с ней на речке возле дачи тёти Айнюры. Точнее, там только ноги Айрин, а я лежу у неё на коленях и делаю селфи сверху, шутившись одним глазом от солнца, — до тех пор вы перестаёте искать неизвестного. Вместо этого контролируете все пути, через которые информация может быть слита. Три дня вы работаете без выходов. Считайте, вы переезжаете ко мне.

— И вы решили сказать это лично? — Вырвалось быстрее, чем я успела подумать. Одно дело дерзить Архарову, когда мы с ним вдвоём, и совсем другое, когда рядом посторонние.

Такого же мнения был и Илье, о чём он дал понять, толкнув локтем под рёбра.

— Не совсем. Вопрос скорее к Илье: ты ведь видел того парня вживую?

— Да, босс.

— Тебе он не показался знакомым?

Илья задумался. По нему было видно, насколько быстро даже после всего выпитого вина парню удалось собраться, а я же стояла и глупо переводила взгляд с одного на второго. Что, значит, знакомый? То есть, в моей теории была доля правды? Ну конечно была, её не могла не быть. Здесь всё завязано на чем-то личном.

Это дело, на самом деле, мне уже до чёртиков надоело, я даже обрадовалась, что босс сказал всем сосредоточиться на защите, а не на поимке преступника. Уже не осталось надежды, что мы его поймаем.

— Чёрт, — Илья хлопнул себя по лбу, — мы с ним работали в разные смены и редко пересекались, но это ведь вылитый Лёлик.

— Я тоже так подумал, — Марку кивнул, становясь мрачнее, — он вылитый Леонид.

— Леонид? Наш?

— Не совсем, — Илья сильно хмурился, кусая нижнюю губу, — он тёзка нашего Леонида, но работал года за два до твоего прихода. Славный малый был.

— Был?

— Леонид попал в аварию и погиб на месте. Степан Михайлович лично ездил на опознание. Парень действительно неплохой.

— Стоп, — я присела на лавочку, — вы хотите сказать, что, возможно, нас преследует тот, кто числится погибшим? Слушай, Илья, а почему вы раньше на него не подумали? Ведь это и есть тот самый Присыпка, который напал на меня в ангаре с людьми Бедина.

— Сейчас видео пересмотреть нет возможности, но тогда возле тебя, Сень, было всего три человека.

По коже пробежал холодок. А что, если? Да не-е-т, приведений не существует. Или они всё же существуют?

— Только не говорите, что вы сейчас думаете о том, существуют ли на свете призраки, — Марк усмехнулся.

— Нет, конечно, что за глупости, — нагло соврала я.

— Всё сходится: Лёлик наверняка знал, где располагаются все камеры, он отлично знал наши протоколы и планы действий в зависимости от ситуации. У нас всё пересматривается Михалычем, но, как и в любой службе безопасности, всё остаётся таким же до кардинальных происшествий. Появилась только одна новая переменная, — Илья выразительно посмотрел на меня.

— Я? Только не говорите, что всё происходит из-за меня.

— Нет, конечно. Я это к слову, — Илья усмехнулся. — Одно не могу понять: зачем это Лёлику?

Мы замолчали, каждый задумался о своём. Логично было предположить, что враг именно из своих. У некоторых нет-нет да появлялись нехорошие мысли в адрес товарища. Понятное дело, никто не хотел открыто обвинять коллегу в «крысятничестве», я бы ни на кого из своей смены даже и не подумала бы плохо, но порой косо смотрела на ребят из другой. Думаю, они относились к нашей не лучше.

— Так, всё же заказчик Бедин, получается? Разве нет?

— Бедин сейчас заинтересован в сделке не меньше, чем я. И те люди, что пришли тогда в ангар, были наёмниками. Леонид мог затесаться только ради одной вылазки. Вы можете сесть за руль, Есения?

От резкой смены темы я слегка опешила:

— Нет, я выпила чачана.

— Простите, что вы выпили?

— Она смешала чачу с вином, — пояснил Илья с выражением лица, типа, ну кто так делает?

— Есения, собирайтесь.

Вот и закончился праздник. Душа хотела ещё танцевать, а заставили идти паковать вещей на пару дней и плестись на службу. У Марка Васильевича был такой беспрекословный тон и выражение лица, что даже не рискнула поныть, почему я должна ехать, а Илья и Костик могут остаться? Хорошо, хоть с Айрин успела попрощаться, пока Марк ждал в машине своего же водителя под градусом. Кстати, фотографию Архаров на место не вернул.

— Жаль, что я его не увидела вживую.

— Ещё увидишь. Ещё раз с праздником тебя, моя дорогая!

Особняк без Зинаиды Александровны казался каким-то неправильным. Не то, чтобы она занимала много пространства, но всё равно я привыкла уже к нашим вечерним чаепитием и обмыванию косточек всем вокруг.

— Что-то не так?

Всю дорогу, как и полагается пьяненькому водителю, я старалась сильно не отвечивать. Марк же, не изменяя своей привычке, перегородку не опустил, поэтому и не заметил, как я уснула без задних ног на переднем сидении. По-моему, даже слегка похрапывала.

Привычно пошла через задний ход, зевая так, что чуть челюсть не вывихнула. Только проходя мимо «Зинаидиной» гостиной словила себя на мысли, что, находясь здесь, я искренне по ней скучаю. В таком раздрае и застал меня Архаров.

— Нет, просто, — я шмыгнула носом, — я скучаю по Зинаиде Александровне. С кем мне теперь сплетничать и кто меня будет корми-и-ить?

— Есения, насколько сильно вы пьяны?

— Да я свежа как скумбрия! То есть, сельдерей, — моментально поправила себя, — вечно два этих слова путаю. А ещё имена Андрей и Сергей — они ведь одинаковые, вы не находите? А ещё: чем отличается ламинат от линолеума? Понапридумывают слов, а нам запоминай, а это ещё я не полезла в виды обуви, там вообще голова пухнет... Ай, что вы делаете?!

Марк резко вскинул меня на плечо и понёс по лестнице вверх.

— Марк Васильевич! Моя комната снизу! Кстати, кровать могли бы и лучше купить, там щель между ней и полом, а я монстров боюсь... Куда вы меня тащите?!

— Привести вас в чувство. Вы мне нужны со светлой головой и хорошо отдохнувшей, — спокойно произнёс он, даже не сбившим с дыхания. А я не самая лёгкая девочка, между прочим.

— Отпустите меня! Я быстро приду в себя, мне главное поесть хорошенько.

— Любите поесть, да? — В голосе послышалась улыбка.

Я не видела его лица, перед носом лишь мелькали его крепкие ягодицы и спина.

— Вы только что назвали меня толстой?

Архаров теперь рассмеялся открыто:

— Только в вашу голову могло прийти такое умозаключение. Нет, Есения, вы не толстая. С фигурой у вас всё... в порядке.

Краска удовольствия от комплимента залила мои хмельные щеки. Я даже попыталась улечься пококотливее на плече у босса, даже почти расслабилась в такой неудобно позе, как услышала лёгкий скрип, а потом звук льющейся воды.

— Эй, вы чего?! — Я заёрзала на боссовском плече максимально активнее, — я не пойду под холодную воду! Я ведь почти трезвая! Не надо!

— Вы мне нужны абсолютно трезвой.

— Так до завтра я успею! У вас всегда много вкусностей в холодильнике, просто оставьте меня с ним наедине и без свидетелей.

— Вы нужны мне трезвой сейчас.

Меня бесцеремонно засунули под холодную воду и также бесцеремонно игнорировали все мои визги и угрозы. Но, спустя несколько минут, когда зубы уже начали постукивать, голова на самом деле становилась легче и светлее. Кажется, я выпила больше, чем хотелось.

Марк выключил воду и укутал меня в большое, тёплое полотенце и стал растирать.

— Вам нужно снять одежду, чтобы быстрее раздеться.

— А когда вы успели снять пиджак?

— А уверяли, что трезвая, — Архаров всё также возвышался надо мной, задерживая взгляд. Что-то в его лице начало меняться, и дело не в угасающей улыбке, — оставлю вас, пока вы переодеваетесь. Халат в шкафчике.

Вот только вопреки его словам, он продолжал удерживать меня за плечи, которые мгновенье назад растирал. Как и тогда возле машины, внутри сладко заныло. Не осознавая своих действий, потянулась пальцами к его плотно сжатым губам. Мне хотелось их расслабить, чтобы они были такие же, как тогда, когда он до безумия целовал меня.

Марк не сопротивлялся, он вообще не шевелился, пока я подушечками пальцами изучала его губы, скулы, подбородок...

Он рвано втянул воздух и внезапно, подхватив меня под попу, усадил на тумбочку. Его губы накрыли мои. Полотенце слетело, но мне уже не было холодно. Сейчас уже трясло от другого.

Марк бёдрами вклинился между моих ног, вжимаясь так сильно, что я со всей остротой почувствовала его возбуждение.

Кажется, моё сознание оставило меня. С губ срывалось его имя, пока он, не переставая покрывать моё лицо, мои губы, мою шею поцелуями, нёс на кровать. Кажется, я слышала, как он шепчет моё имя на ухо в перерывах между его хриплыми стонами.

Кажется, я видела удивление, сменяющееся странной улыбкой, когда он что узнал, что был у меня первым.

Кажется, в ту ночь я умирала и возрождалась сотни раз...

Под самое утро, когда Марк уснул, я вернулась в свою комнату. В голове полный раздрай. Сладкое томление сменялось полным сожалением. Мне бы тоже поспать, хотя бы два оставшиеся часа, но никак не могла успокоиться.

Тело ныло, даже тёплый душ не помог.

Я и жалела, и не жалела о нашей близости. Мой мозг разделился теперь на два основных лагеря: тот, который всегда воспринимал Архарова как босса был в ярости. Этот лагерь проклинал, грозил всеми карами и заставлял слёзы струиться по щекам. А тот, совсем молоденький, который думал о Марке только как о мужчине, который теперь, кажется, останется в моём сердце на всегда, заливался влюблёнными соловьями, наполняя изнутри каким-то тёплым светом.

Хорошую же я стену выстроила, ничего не скажешь.

Всё же удалось уснуть, причём достаточно быстро, даже волосы не высушила. За эти два несчастных часа выспаться мне не светило.

Пробуждение под разрывающийся будильник бело беспощадным.

— Изыди, — швырнула телефон в противоположную стену и зарылась носом обратно в подушки.

— Хорошо, что он не убиваем.

Я замерла в той позе, в которой была, то есть — носом в подушке. Конечно, в голове возникал вопрос, а что же будет утром? Как я буду себя вести, когда пойму, что я для него была нечто вроде «разгрузкой»? Может, я и была неопытной девочкой во всех смыслах, но точно не была дурой. Я и Архаров — нет и быть не может. И это не мой страх говорил, а банальная логичная реальность. Нас ничего не связывало, у нас даже не было времени по-настоящему узнать друг друга. Может, время и будет в будущем, но точно не хватит возможности. У меня даже не хватало воображения хотя бы попытаться представить наше совместное будущее, при условии, что какие-то невероятные чудеса в этой жизни всё-таки случаются. Но даже здесь мозг выдавал вакуум, вместо картинок.

И вот, он сидит на кресле и, по всей видимости, сидит достаточно продолжительное время. А у меня на подушке след от моих же слюней, а на в гнезде, которое теперь вместо волос на голове, наверняка зародилась новая цивилизация.

— Я ожидал многое по утру, но не тишину.

— Я не знаю, как себя вести, — глухо пробубнила в подушку, — в смысле, вести себя с вами.

— Опять на «вы»? Есения, может, вы повернетесь?

— Пока я вас не вижу, вас здесь будто нет и мне не так странно.

Кровать возле меня прогнулась.

— Ну что ж, Есения Аристарховна, вот как мы поступим, чтобы было вам комфортнее: до работы ты — Сеня, а я — Марк. В другое время ты такая же дерзкая и самовольная, с той лишь разницей, что я буду соблюдать субординацию.

— А мне её не надо соблюдать?

— А ты это делала раньше? — Марк рассмеялся, — ни разу не видел.

Моей спины коснулась рука Архарова. Он легонько начал её поглаживать, а внутри меня лагерь в поддержку Марка опять начал заливаться соловьями.

Всё испортил будильник. Пять минут-то уже прошло.

— Сколько сейчас времени? — Слегка осоловело спросила я.

— Ровно девять утра.

— Сколько?! — Подскочила, как ужаленная, — мне нельзя опаздывать!

— Водитель должен быть на месте, когда вызываю его я. Я тебя ещё не вызвал, так что время есть. Иди обратно.

Только сейчас я заметила, что Марк был одет не в привычный костюм, а в домашние серые штаны и чёрную футболку. И он весьма свободно уселся на моей кровати и с неким намёком кивнул на прикроватную тумбочку.

И как я пропустила поднос с завтраком?

С сомнением покосилась на Архарова. Не слишком ли слащаво для него? Ночь с подчинённой и завтрак в постель — прямо как в тех книгах, которые так любит Айрин.

— Я тоже не знал, как мне себя вести. Я так не поступаю, никогда и ни с кем, — кажется, он прочитал мои мысли, — но ты ведь всегда исключение из правил, не так ли?

Завтракать с боссом было странно, как будто не я была там, а какая-то другая версия меня, которая и смеялась, и шутила, и даже не стеснялась растрёпанной прически по утрам. Та версия считала, будто всё, что происходит — абсолютно правильно, всё так, как и должно быть. Но другая версия ушла, как только я оделась в рабочий чёрный костюм и пошла в гараж для дежурной проверки мерседеса, и осталась я сама по себе, которую опять разрывало надвое.

Уговорами и угрозами почти успешно заставила свой мозг перестать думать и сосредоточиться на рабочем дне, который сдвинулся аж на целых четыре часа. Никто не заметил, что всё утро мы провели с Марком вместе. Все только удивились, ведь босс никогда, вообще никогда, не нарушал своего графика.

«Ты ведь всегда исключение из правил»... Я не верила, что эта ночь повторится. Но даже о ней одной я ни за что не расскажу Айрин. Похороню её в себе, заставлю себя работать, как и прежде. Иначе Архаров застрянет у меня под кожей навсегда. Я уже всех мужчин подсознательно сравниваю с ним, не хватало пронести эти только ещё зарождающиеся чувства сквозь всю жизнь.

«Два-семь-два, о чём мечтаем?»

Моё отношение к Илье уже давно от вражеских переросло в дружеские, но, тем не менее, мне порой хотелось его прикопать где-нибудь и обставить всё как несчастный случай.

С самого утра, когда я ещё игнорировала будильник, Михалыч прислал расписание на сегодня. Планировалась всего одна встреча, а потом по окончании рабочего дня домой. Пора бы мне уже поспать чуть больше четырех часов.

Со всех сил пыталась скрыть зевоту, пока Марк, как ни в чём не бывало садился в машину, а я также, как и раньше ожидала возле открытой дверцы. Перегородку специально оставила поднятой, чтобы босс не заметил, как я стащила с кухни термкружку, в которой поджидал спасительный напиток.

Сейчас мы путешествовали кортежем: я и Марк в одной машине, Илья с гардом с другой смены — в другой. Так что без зазрения совести нарушала все правила, держа на руле лишь одну руку и попивая горячий, крепкий кофе.

— Есть за рулём опасно.

— Отвлекать водителя за рулём опасно, — машинально прошипела в ответ. Я не заметила, как перегородка опустилась, отвыкла смотреть в зеркало заднего вида, —

простите, босс.

— Где ты так научилась обращаться с машинами?

— В обычной школе вождения. Просто я аккуратный водитель.

— Всё, что касается тебя, далеко от слова «просто». Ты за рулём опытнее многих, кто на меня работал, разбираешься лучше, чем среднестатистический механик и отлично справляешься с управлением в критических ситуациях.

— Мы с вами не попадали в критические ситуации, — пробормотала я, с тоской поглядывая на кофе, который пришлось отставить в сторону, — а почему мы на «ты»?

— Мне так больше нравится. Тебе нет?

— Мне работа моя нравится. Если вы меня уволите за нарушение субординации и прочего, то так и знайте...

— Подадите на меня в суд? — Кажется, у кого-то сегодня хорошее настроение. Отличный контраст с моим.

— Нет, помру от печали и буду преследовать вас призраком до конца дней.

— Давно мне не угрожали, — Архаров рассмеялся, — неужели планируешь здесь остаться навсегда? А как же медицинский?

— Для медицинского мне нужно, чтобы мой босс повысил мне зарплату, тогда уйду побыстрее.

— Уже?

— Это не то, о чём вы подумали! — Быстро поправила сама себя, мысленно стукнув по лбу. Ну как это прозвучало? Ужас просто. Когда я научусь следить за языком?.. — Я про тот случай, когда я спасла вашу жизнь.

— Вообще-то, я вас спас. Вы здесь не успели накопить запасов закусок?

— Но я вас привела в чувства! А это основной шаг, — полезла в бардачок за пакетиком с орешками. Никто из ребят не перекусывал в машине, только я такая особенная и Архаров об этом знал.

Мы приехали в тот же ресторан в парке, рядом с которым я когда-то познакомилась с Максимом. Пора бы ему позвонить и уже, наконец, признаться, что ничего не получится. И перестать игнорировать сообщения.

Почти всю дорогу Архаров общался с кем-то по старенькому кнопочному телефону, который был бы устаревшим даже дяди Феди. Я особо не вслушивалась во все тонкости этой самой сделки века. Всё, что успела понять, так это, что сегодня планировалось подписание первой части соглашения, причём в присутствии двух свидетелей от каждой стороны, которыми будем выступать мы с Ильёй.

Поэтому-то мы сейчас и шли за боссом. Илья моментально стал абсолютно другим — опаснее, взгляд острее. Ну и я, мелкая, но старалась держать королевскую осанку.

За столом сидело шесть человек. Никто ничего не заказывал, кроме прохладительных напитков. Как только Архаров сел, тут же начались переговоры.

Мы с Ильёй остановились за спиной Архарова, и я слегка отключилась от реальности. Стоять пришлось долго. Почему-то казалось, что переминаясь с ноги на ногу было бы неприличным, поэтому я старалась отвлекаться на те вкусняшки, которые я закажу для нас с Айрин, когда всё это закончится.

Да, ароматы здесь летали умопомрачительные, а я была голодна. Надо что-то делать с этой тягой к еде, иначе диабет заработаю.

— Есения? — Вырвал из моих мыслей Архаров, — вы должны подписать здесь.

Я уже прикоснулась к листу бумаги под пристальным взглядом чёрных глаз Архарова, как у всех присутствующих почти одновременно завибрировали телефоны.

Вообще-то, Михалыч говорил, что на такого рода мероприятиях телефоны оставляют подальше в какой-нибудь коробке, но здесь присутствовали люди не того уровня, чтобы следовать такому правилу.

— Сделка отменяется. — Тот, что сидел в центре встал из-за стола и пошёл к выходу.

Если в начале нашей встречи они чуть ли не ноги Архарову облизывали, то сейчас даже не удосужились попрощаться.

Вся делегация покинула ресторан, пока мы смотрели им вслед, приоткрыв рты. Наконец, и Марк заглянул в свой телефон, на который тоже пришло уведомление.

— Сделка слита. На нас подали в суд на восемьдесят миллиардов.

Мы с Ильей синхронно заглянули на экран дисплея Архарова:

«Я выиграл, брат. Передай ей спасибо за помощь».

Как можно слить сделку? А вот как: в соглашении прописывается жёсткий пункт о конфиденциальности, который подразумевает под собой защиту всех данных о сделке на некий период, к течение которого никто не должен пострадать. Партнеры на таком уровне заключают договора из-за имени и репутации, профсоюзы доверяют работодателю, инвесторы уверены, что их вложения под защитой, но сейчас Архарову грозили суды и большие убытки.

Весь последующий день он получал сообщения о том, что от него уходят клиенты. Вся конфиденциальность нужна была для того, чтобы народ спокойно пережил перемену власти, даже не зная об этом, а потом все бы убедились, что ничего фундаментально не изменилось. Сейчас же такой веры ни у кого не было.

— Есть ещё удон с курицей и чесночным соусом, — мы сидели в его кабинете. Мне было поручено раздобыть еды, пока босс просто сидел и смотрел на вечерний город. С самой встречи он и слова не сказал, даже насчёт еды мне написала его секретарша, — или вам больше нравится устричный? — Но в ответ тишина, — значит, устричный. Молчание — знак согласия.

Бросила взгляд на напряжённую спину. Марк тогда, в ресторане, просто молча ушёл. Он даже не сказал, куда ехать, поэтому я просто привезла его в офис. Все звонки и сообщения он игнорировал, он вообще сейчас больше напоминал робота. Нежели живого человека. И да, я действительно беспокоилась о нём. У нас была близость, но вряд ли нас можно назвать близкими людьми. Я не знала, как вести себя в этой ситуации: достучаться или дать остаться одному?

— Знаешь, что самое отвратительное в этой ситуации? — впервые за долгое время раздался его голос, — что это кто-то свой. Если кто-то затаил такую злобу на меня, почему он оставался здесь всё это время? Ничего более подлого и низкого не встречал.

— Дядя Мойша говорит, — я рискнула подойти к Архарову поближе, присела на краешек стола рядом с его креслом, — что люди делятся на два типа: хороши, которые не знают, что они плохиши, и плохиши, которые думают, что они хороши.

Архаров наконец посмотрел на меня, чуть заломив бровь.

— Я имею ввиду, что вы всё-таки упустили самое главное: зачем это кому-то нужно? Может, на самом деле есть какой-то плохиш, который думает, что сделав то, что он сделал, он поступил правильно?

— У дяди Мойши не бывает хороших людей? В девелопменте, да и в любом бизнесе есть понятие о рентабельности. Искать твоего плохиша было нерентабельно, но, кажется, я ошибся, и зря не прислушался к тебе.

— Классическая ошибка новичка. Со стороны всегда виднее, — я пожала плечами.

Архаров резко крутанулся ко мне, и буквально через мгновение я оказалась сидящей на его коленях.

— Мы сейчас на «ты» или на «вы»?

— Наплевать, — прошептал он мне в губы, — хочу забыть обо всём. С тобой я обо всём забываю.

Я ощущала его жгучее дыхание, и неожиданно тепло его губ накрыло мои. Как будто впервые, меня унесло куда-то далеко отсюда. Марк со всей нежностью изучал мои губы,

постепенно углубляясь, погружаясь в меня. К этому я никогда не смогу привыкнуть.

Он всегда влиял на моё тело каким-то диким образом, я каждый раз теряла над собой контроль. Сидеть боком к нему было неудобно, я развернулась всем корпусом на нём. И уж совсем бесстыдно и неконтролируемо начала ёрзать в такт ему.

— Есения, — хрипло выдохнул он, — что же ты делаешь?

Марк поднял меня и посадил на стол, не разрывая поцелуя.

— Где же ты была всё это время...

Эти слова оказались ушатом холодной воды. Что я творю, идиотка? Кто потом моё сердце лечить будет? У всех домов не хватит запасов вина и шоколада, чтобы мне излечиться потом от Архарова.

— Что случилось?

— Ничего, — поспешно спрыгнула со стола, приводя в порядок костюм и заправляя выбившееся пряди из пучка, — извините, то есть, извини. Но не думаю, что это правильно... ну, здесь, и вообще...

Лицо пылало от возбуждения и стыда. Даже, по-моему, от сожаления.

Во даю. Я сейчас была готова голову себе открутить из-за того, сама себя лишила Архарова, но, с другой стороны, невероятно гордилась собой.

Я больше, чем уверена, на моём лице отображались все эмоции. Мне все об этом говорили. Вот и Архаров вглядывался в меня, а после, кивнув своим мыслям, просто обнял. Вот так просто, но очень крепко, я почти потерялась в этих объятиях и в его руках. Было некое разительное отличие от того, что мы делали пару минут назад. Настолько сильное, что в носу слегка защипало. Почему Архаров не такой, как думает о нём Айрин? Было бы проще, если бы он тем самым плохишом и не обнимал так, будто укрывает от всего мира.

К Марку сегодня весь оставшийся день ломились люди, но он не принимал. Уже и офис опустел, а мы сидели и ковырялись в китайской еде. Мне пришлось много сил потратить, чтобы, наконец, убедить босса поесть. Даже Илья удивился, когда в приёмной появился курьер из доставки. Ужин прошёл втроём и в полной тишине.

— Илья, на сегодня можешь быть свободен, — сказал Архаров, когда мы выходили из офиса.

— Понял, — беспрекословно кивнул Илья и, кидая на меня задумчивые взгляды, провёл нас до машины, — насколько всё плохо? — Наконец, решился спросить он, когда босс сел в машину.

— Пока рано судить. Всё только начинается.

Даже представить сложно, чем именно это аукнется Архарову. Из того, что я слышала, его акции уже стремительно летят вниз. Я без понятия, какой убыток начал терпеть Архаров, тем более в масштабе его империи, но то, что у него будто руки опустились, уже говорило само за себя.

— Куда едем?

— Куда угодно, только не домой.

— Ну, раз мне отдали борозды правления, провезу вас по пути восстановления, — слегка задорно выехала с подземной парковки.

— Что, простите?

— Говорю, я вас похищаю на эту ночь. То есть, не на всю, а на пару часов.

— Вы не можете меня похитить, — он усмехнулся.

— Я уже это сделала. И ещё — сегодня у нас будет музыка.

Как можно утихомирить печаль? Правильно, мороженым. Я привезла Архарова в своё любимое место, где небольшая парковка скрыта от глаз густым кустарником, но перед ней открывается изумительный вид на ночную реку и огни города.

Мы развалились на капоте и поедали маленькими ложечками мороженое в стаканчиках. Точнее, я развалилась, а Марк сидел с идеальной осанкой.

— Как ты нашла это место? — Снова перешёл он на «ты».

— После смерти бабушки я не знала куда себя деть. В прямом смысле, — я тщательно перемешивала шоколадный сироп с мороженым, молодой человек мне даже арахиса насыпал, — домой не могла себя заставить вернуться. Дядя Мойша дал тогда Оку, чтобы каталась. Кстати, мне это помогает. После первых штрафов за превышение начала искать убежище. Здесь на иве, кстати, есть отметки, сколько раз я сюда приезжала.

Марк проследил за моим взглядом и увидел тот самый ствол, где я выцарапывала палочки перочинным ножиком. В те чёрные дни я на самом деле пыталась занять себя чем угодно, только не возвращением домой, где меня больше никто не ждал. Даже на девять дней не смогла заставить себя прийти, а была тут и вырезала вертикальные палочки.

— Ты провела здесь восемьдесят шесть дней?!

— Ну, я не жила здесь, а просто приезжала восемьдесят шесть дней подряд.

Мороженое уже кончилось, а истории — нет. Архарова очень интересовала моя семья, как меня воспитывали, как так получилось, что все мои друзья — такие необычные. Наверное, впервые я так открылась перед кем-то. Ну, оно и понятно, почему. Марк вызывает у меня некое полнейшее доверие, тем более мне была приятна его реакция на мою жизнь. Он с грустью слушал о смерти близких и смеялся, когда я рассказывала о наших праздниках и Войне Домов.

— У нас соседка была в деревне, бабушка Лена, — отсмеявшись, начал Марк, — злая невероятно. Ей всегда казалось, что я пробирался в её двор, пока она сама работала в полях. Хотя, это было не так.

— Вы росли в деревне?!

— Я не всегда был богат. И моя семья не всегда была богата, — просто пожал он плечами, — ты дашь до рассказать или нет?

— Всё-всё, молчу, — показала, будто закрываю рот на замок.

— Так вот, однажды моя бабушка сказала мне топориком прорубить кустарник у молодых деревьев, а я случайно вырубил три деревца. Не знал, что делать, и залез к соседке Лене — у неё были такие же деревья. И выкопал их.

— Вы умеете копать?!

— Какого ты вообще обо мнения, Сень? — Марк рассмеялся, обнажив ряд идеальных зубов на лице идеального человека, который все тяжести должен был поднимать максимум в тренажёрном зале.

— Самого хорошего, клянусь.

— Так вот, на утро соседка закатила скандал, что кто-то украл её деревья и вёдра. Я без задней мысли подошёл к бабушке и спросил: почему она про вёдра кричит? Я ведь только деревья украл.

Я расхохоталась:

— Вам сколько лет было?

— Вам?

— Тебе, — поправилась, хоть и с трудом, — сколько тебе было лет, Марк?

— Шесть.

В шесть лет копать деревья?

— Мне сложно представить тебя маленьким.

— Ты так со мной общаешься, будто сейчас вспыхнешь. Люди не рождаются взрослыми, Сеня. И я не родился в костюме и с папкой в руках.

Домой мы вернулись лишь под утро. Я зевала не переставая, а Марк услужливо сел за руль. И на этот раз включил музыку сам.

— Сень, — мы как раз остановились у двери как-бы моей комнаты, — спасибо тебе за то, что сегодня сделала.

— За такое не говорят спасибо, — сказать, что я смутилась — ничего не сказать.

— Есть многие аспекты этой жизни, в которых я неопытен.

— Например, просто расслабиться? Тебе повезло, в этом я мастер.

— А есть многие аспекты, в которых неопытна ты, — он подошёл ко мне вплотную, прижав к двери, и, склонившись к самому уху, прошептал, — я уважаю твой выбор тогда, в кабинете. Но не думай, что я тебя так просто отпущу.

Сердце бешено забилося. Если бы он мог заглянуть в мою голову, то отчётливо увидел бы, что все мои стены готовы рухнуть к его ногам в эту же секунду. Опять.

— Вы, — облизала пересохшие губы. Его чёрные глаза тут же загорелись в ответ на это движение, — вы... Это не очень-то честно.

Он улыбнулся. Только не открыто, как в моём убежище, а хищно. Да тут у любой опыта не хватит против такого мужчины, как он.

Марк рассмеялся.

— Только не говорите, что я сказала это вслух, — глухо застонала я.

— Сказала. Спокойной ночи, Сеня.

Он, едва коснувшись, поцеловал меня, а потом просто развернулся и ушёл.

Просто развернулся и ушёл. А мне ещё надо как-то попытаться уснуть.

У меня выходной.

Даже не так. У меня выходной!

По утру я обнаружила сообщение на телефоне, что Архарова не будет дома до вечера, как и никого из персонала, так что мне разрешили отдохнуть и расслабиться на «минус первом» этаже. А я когда-нибудь отказывалась от вкусных предложений? Правильно — никогда.

В другое время, когда работающую смену службы безопасности кормили, я бы и подумать не рискнула выйти за пределы кухни с едой, потому что: не мой дом, я здесь работаю, могу испортить, могу запачкать, слишком нагло и ещё много-много всяких «потому что».

Сейчас же, прихватив с собой тарелку с тыквенной кашей, пошла изучать хоромы. План особняка, вплоть до расположения камер, я, естественно знала, но, по сути, никогда и нигде не была дальше рабочей части первого этажа, любимой гостиной Зинаиды. Ну и спальни Архарова.

Чтобы каждый раз не съесть себя за эту слабость, назовём это карьерным ростом. Или нет. Легче всё равно уже не станет.

От этой мысли даже каша стала невкусной. От меня требовалась самая малость! Просто водить машину и не влюбляться в босса, а уж тем более, спать с ним.

— Вот это да-а-а, — я чуть тарелку не выронила.

Я знала, что на том самом «минус первом» этаже располагается что-то вроде зоны отдыха с бассейном и сауной, но такого увидеть не ожидала...

Бассейн неправильной формы по краям был выложен камнем, повсюду радовали глаз зелёные растения. Потолок, на удивление, не был низким, как ожидалось, наоборот, он был высоченным! А ещё чёрным, как глаза Архарова, и освещён маленькими лампочками, имитирующими звёздно небо.

Да это ещё лучше ванной в загородном доме. Главное, и здесь не уснуть.

Поставила тарелку с кашей на столик у шезлонга. Насколько я помнила, камер в этой зоне не было по желанию самого Архарова. Но на всякий случай осмотрелась. Купальника-то у меня не было, а тот, что был, ну... Лучше бы его не было.

Разделась до нижнего белья и с разбегу прыгнула в неожиданно холодную воду, к которой достаточно быстро привыкла. Это ли не блаженство? Самой мне никогда в жизни не заработать не то, чтобы на такой дом, а хотя бы на такое помещение. Чтобы вот так, перебегать из бассейна в джакузи и обратно. И в постоянно работающую сауну, и в соляную комнату, или под искусственный водопадик, что так приятно массировал спину. Пока не услышала звук входящего сообщения.

Подплыла, а точнее, подбарахталась к бортику. На экране была моя фотография, которую я сделала из ванной этого дома.

«Добро пожаловать» — вот и всё, что написал Архаров.

Это сейчас что такое было? И откуда у него это фото? Кстати, а из беседки он тоже фотографию стащил, она-то куда делась?

Плавать больше не хотелось. Сразу после получения сообщения появилось странное ощущение, что за мной следят. Здесь везде вначале было такое чувство, но потом как-то

попривыкло. Сейчас же захотелось укрыться.

Переодеваться на мокрое тело в чистую, сухую одежду не было смысла, поэтому просто обернулась в громадное полотенце, предусмотрительно оставленное здесь заботливой горничной, взяла мокрое белье и тарелку с кашей, и пошла на выход.

— Да чтоб вас! — Подпрыгнула от испуга, увидев Архарова на противоположной стороне коридора, который стоял в своей любимой рхаровской позе: руки на груди, голова чуть наклонена, — вы же сказали, до вечера у меня выходной и дома никого не будет!

— До вечера у тебя выходной и никого нет дома, — просто ответил он, — только я.

— Вы тоже считаетесь.

— Нет. Идём.

— Может, я хотя бы оденусь? Высушусь и всё такое?

— Нет.

— А вы сегодня разговорчивый, — поплелась за боссом, сильнее затягивая узел на полотенце.

По классике жанра в моей голове должны были крутиться сотни вопросов «почему»: почему он здесь, почему один, почему позвал меня, почему не нарушил личное пространство в бассейне. Должны были быть, но в моей голове всё место занимала радость от того, что он приехал. Конечно, это не удивительно, как раз-таки он здесь хозяин, а я — гостя, но всё же...

— Это ещё что такое? — Ахнула я, зайдя в его кабинет.

В фильмах, обычно, если есть камин и некая романтическая подоплека, показывают также вино и лёгкие закуски, а ещё свечи. В этой же комнате среди книг и монументальной мебели, прямо в центре, на столике, стояла гора, даже нет, горища! коробок самых шикарных шоколадных конфет. Самых разных, но все с орешками. Я даже стоя у двери чувствовала их аромат. К чёрту кашу, а я хочу все эти конфеты!

— Это мне?

— Да, я же не ем шоколад, забыла? — Усмехнулся Марк.

— Обалдеть, — восхищённо протянула я.

— От лимитированного выпуска телефона ты была в меньшем восторге.

— Его же нельзя съесть, — Марк рассмеялся.

— Я просто подумал, что ты можешь показать, за что ты их так любишь. На работе ад, он продолжается, мне явно нужен перерыв. Так зачем было откладывать?

— Вроде, «горит сарай, гори и хата»? Можно я всё же оденусь?

— Слабо остаться в чём есть? — И опять этот чёрный взгляд с тем самым порочным блеском, от которого всё что есть в моей голове, начинает моментально плавиться.

— Вы думаете, меня легко взять на слабо? — Упёрла руки в боки, а в ответ Марк поднял одну бровь, — да, легко. Надеюсь, у вас на самом деле нет аллергии, потому что я сейчас открою изумительный мир шоколада.

— У меня нет аллергии.

Шоколад — это не просто сладость, который поднимает уровень серотонина в крови. Шоколад — это не просто «вкусненько». Шоколад — это целая культура. Для игривого настроения швейцары почти сто лет назад придумали белый шоколад. Они-то, конечно, хотели просто избавиться от излишка производства, но на выходе получилось нечто совершенно чудесное.

Если хочется уюта, во Франции делают лучший шоколад с апельсином. Это сочетание

вкусов должно быть официально признанно идеальным. Как мерседес S-класса. Идеал — он и есть идеал.

Ну а Бельгии отходит пальма первенства шоколада с орехами. Уточнение — молочного шоколада с орехами...

— Это, конечно, всё очень интересно, но, может, уже поделишься?

— А, да, — я засуетилась и быстро дожевала уже, наверное, пятую по счёту конфету, — шоколад с апельсином, — не раздумывая, протянула ему конфету, — ничего вкуснее вы в жизни своей не пробовали. Можете брать кредит под эти слова.

Марк сделал нечто уж совсем неожиданное. Всё, что я запомнила, так это то, что конфета оказалась у меня во рту. Архаров решил попробовать французский кондитерский шедевр прямо с моего языка. И это было...

Это было так, когда лучший из мужчин пробует лучший из шоколад из всего шоколада с моего языка. Может, он и прав, противостоять ему опыта я меня явно не хватало.

Полотенце быстро исчезло. Прохладный воздух ярко контрастировал со жгучим взглядом Марка, который вслед за руками изучал каждый изгиб моего тела. Я плавилась в руках этого мужчины, от его поцелуев, от его шёпота.

Рубашка Марка, в которой он всё еще оставался, царапала и раздражала мою кожу. Я почти забыла, почему именно мне нужны были стены, из-за чего именно я боялась, что моему сердцу сделают больно.

Я почти окончательно уплыла за черту, как...

— До вечера. — Архаров резко разорвал поцелуй и встал.

— Ч-что? — Затуманенный мозг слишком медленно возвращался в окружающую реальность.

Марк поднялся с дивана, и начал поправлять рубашку, стоя ко мне спиной. Моя же растерянность, быстро сформировалась в нечто новое и уж точно непривычное. По какой-то причине отпустить его казалось очень большой ошибкой. Смелость подпитывалась возбуждением. Возможно, больше никогда в жизни я на такое не решусь, ведь он есть и остается мом боссом, которого совершенно недавно я воздвигла на пьедестал. У меня внутри до конца не сформировалось осознание, что я ему нравлюсь. Будто жду, что он вот-вот очнётся, и поймёт, что я ничто иное, как ошибка.

Но ведь он здесь, верно? Он сделал то, что должно было быть приятно лишь мне. В безумном графике он нашёл путь ко мне.

Вот так просто отпустить? Ну уж нет.

Не опытная, он сказал?

Я встала за его спиной и потянулась губами к загорелой шее. Поцеловала украдкой. Моментально почувствовала, как он застыл, что сработало для меня как приглашение. Руки потянулись к его животу, пальцы застыли над пуговицами. Дыхание Марка стало слегка тяжелее. Вначале робко, будто совершаю что-то преступное, запустила пальцы между пуговиц, ощущая подушечками жар его кожи. Сама же стояла полностью обнаженной, даже, беззащитной, прижимаясь голым телом желанному мужчине, затянутому в итальянский костюм.

Если он не сопротивляется, значит, я могу делать всё, что я хочу, правильно? Моё любопытство заставило провести языком по его шее, пробуя на вкус его кожу. Марк хрипло втянул воздух сквозь зубы, как только почувствовал, насколько далеко я начала заходить.

Откуда во мне взялась эта смелость, я не знаю.

Марк так и стоял напряжённым. Как, по его мнению, всё это должно было закончиться? Уж точно не так, как он попытался обставить, но я ясно дала ему понять, что у меня уже появились другие планы...

Вечер встретил невероятной тишиной и сладкой истомой. Мысли в голове вызвали волну мурашки внутри, а запах на моей коже... Что ж, теперь Марк должен был пересмотреть своё мнение обо мне и о моей неопытности.

Выходной — это всегда хорошо, тем более его у меня давненько не было, но я хотела домой. К себе домой, к моим соседям. Я уже завела Ауди, как телефон разорался входящим вызовом.

— Да?

— Когда ты видела Архарова в последний раз? — Без предисловий спросил Михалыч?

Я скосила глаза на часы:

— Часов пять назад. Что-то случилось?

— На базу. Срочно.

В груди неприятно защемило.

Мне не с кем сравнивать. Я ни с кем не занималась сексом до Марка. И казалось, что этот мужчина, заполнявший моё тело, заполняет и всю жизнь. После того, как он доводил меня до безумия раз за разом, а после поцелуями успокаивал моё дрожащее тело, он действительно уехал обратно в офис. Он был там нужен.

Но по голосу Михалыча было понятно, что случилось что-то очень, и очень плохое. Почему Марк приехал один? Неужели оно того стоило?

Всю дорогу до базы меня то трясло, то накатывало какое-то отупение.

«Приедешь, всё узнаешь. Приедешь, всё узнаешь». Эта мантра перестала срабатывать на тридцатый раз.

Я скорее всего словила кучу штрафов фотофиксации, да и плевать. У ангара стояла шеренга машин, в том числе и с «люстрами», что принадлежат правоохранительным органам.

К горлу подкатил ком. А что, если, мы все опять ошиблись? И со сливом сделки весь этот ужас не закончился? Что, если не сделка была основной целью, а всё же Марк? Неужели Марк?...

— Что произошло? — Набросилась на шефа, как только переступила порог ангара.

Я, наверное, производила то ещё впечатление глаза на мокром месте, растрёпанная, в растянутых, домашних штанах, которые пузырились на коленях.

— Ты должна рассказать всё, что происходило, когда вы с Архаровым виделись в последний раз.

— Михалыч, я психану, если не ответите. Что случилось?!

— Марк Васильевич исчез.

После того, как Архаров ушёл из дома, его, собственно, никто и не видел. Его машина не проезжала через пропускной пункт с будкой охранника, машина даже не покидала элитный район, а была обнаружена на территории в трёх домах от особняка. Хозяева того дома уже второй месяц находились за границей, их собственность пустовала, сигнализация не срабатывала. То есть, Марк выехал со двора, зачем-то остановился и пропал.

Ребята занимались тем, что просматривали все камеры наблюдения. Для района такого уровня там слишком много слепых зон.

— Почему он вообще один домой поехал?

— Сень, не знаю я, — Илья ударил кулаком по столу и резко повернулся ко мне, — он в последнее время сам не свой. Никто его таким никогда не видел. Ты даже вообразить не можешь, что творится в его империи. Каждый четвёртый увольняется, партнёры уходят, акции и что там ещё летят вниз. С такими темпами месяц-другой и его холдинг обанкротится, а он просто встаёт посреди совещания и уходит. Мне вообще было приказано оставаться и дежурить в его офисе. Вот на хрена его послушал? Что он делал, когда пришёл домой?

Резкая смена темы меня поставила в тупик. Я чуть чисто на автомате не ответила, чем именно мы занимались, но тут же захлопнула рот.

— Сень, я не глупый и не тупой, и уж тем более не слепой, между вами что-то происходит. Началось ещё до того, как ты сама поняла. Я не тот, кто будет тебя осуждать, — парень взял меня за плечи и развернул к себе, — его жизнь — вот, что сейчас меня волнует, понимаешь?

— Я... Мы... Я сама не знаю, что между нами происходит или происходило, но он просто уехал, — наши с Марком отношения были моим секретом. И его тоже. Этот секрет давил камнем в груди, мне хотелось у кого-нибудь спросить, а правильно ли вообще поступаю? Сбросить груз решения на кого-нибудь другого, чтобы тот, не я, разобрался с последствиями. Отчего-то казалось, что стоит мне поделиться секретом с другим, станет легче. Как же я ошиблась. Только призналась Илье во всём, как в горле запершило, из глаз покатались слёзы, — я не знаю, что я наделала. И я не знаю, почему сейчас, когда мы должны сосредоточиться на другом, а заиклилась на том, что натворила.

— Тише, сестрёнка, — Илья положил мою голову себе на плечо, поглаживая по голове, — ты должна принять за данность одну простую истину: чем бы у вас всё не закончилось, тебе придётся с этим жить, понимаешь, о чём я?

— Кажется да, — шмыгнула носом, постепенно успокаиваясь.

— Теперь расскажи в подробностях, что он делал дома? Меня не интересует, что вы делали вместе, только то, что может нам помочь найти его.

— Ему никто не звонил и не писал всё это время. Вообще ничего такого. Я даже не помню, чтобы он брал телефон в руки.

Мы с Марком долго говорили, после всего. Я даже не помню его телефона рядом. Он вообще казался очень спокойным, будто ничего плохого вокруг и не происходит. Он говорил о каких-то планах насчёт меня, а точнее о каком-то сюрпризе. На работу его вытолкала я, он же даже не заикался о ней.

И да, я ужасно себя винила.

Меня оставили в ангаре, пока сами ребята поехали прочищать территорию. К машинам сказали пока не прикасаться в целях безопасности.

Я же в голове прокручивала все те детали, которые услышала от коллег. Их немного, но всё сводилось к общему знаменателю — тому самому Лёне, который здесь когда-то работал. Почти всё сходилось: его опыт, его знания. Всё, кроме одного — как он мог справиться один. Если раньше все думали, что предатель среди нас, а теперь, убедившись, что он просто бывший наш, то теперь начинают закрадываться сомнения, а не было ли у него сообщника среди команды Архарова? Такое подозрение закралось только ко мне в голову, но иначе всё выглядело так, будто парню уж очень везло. Просто аномально везло.

Все покинули ангар и осталась одна девушка? Он тут как тут. Машине понадобился небольшой ремонт? Он тоже оказался рядом, подкладывая злосчастную взрывчатку. Только, зачем он приходил ко мне домой? Он даже не пытался попасть в гараж, а будто специально напрашивался на то, чтобы его поймали и привели сюда. И как он всё-таки исчез?

Я пошла в подсобку. Комната была достаточно просторной, но заваленной всяким хламом. Даже мне было лень выносить старое крыло Вилли на свалку, так что я просто кинула его здесь. Под потолком находилась большая вентиляционная решётка, но не настолько большая, чтобы позволить достаточно крупному мужчине в неё пролезть. Даже мне было бы там тесно.

В этой комнате не было камер, хотя под потолком остались крепления для неё. Стены выложены крупной белой плиткой, которую покрывал налёт пыли и лёгкой копоти. Кроме одной части.

Я подошла поближе к той стене, где пара плиточек была чище остальных. Постукала костяшками, звук глухой. Это как-то должно открываться? От нажимания ничего не происходило. Пошарилась рядом и нашла длинную металлическую линейку, которой попыталась подцепить край плитки, но безуспешно.

— Ай, да гори оно всё, — подняла крестовой ключ и с размаху ударила по стене.

На месте удара зияла дыра. Я схватилась за торчащие плитки и начала отламывать их, держащихся на тонкой фанере.

Не знаю, что конкретно я ожидала увидеть в открывшейся нише, но точно не ворох обычной одежды. Может, скелет какой, или, не знаю, похищенного Архарова, но точно не аккуратно сложенную стопочку одежды, с ботинками сверху.

Сверху стопки что-то сверкнуло. Пришлось вытащить из ниши небольшой предмет, чтобы рассмотреть при свете.

— Что за... — В руках я держала свою же заколку, которую закалывала на волосы, если они не были собраны в хвост или пучок.

Я думала, я потеряла её, даже не помню, когда видела её в последний раз... Хотя нет, помню.

На свидании с Максимом, когда он поцеловал меня, тогда ещё Марк приехал и ждал у окна. От одежды исходил тот самый аромат, который не давал мне покоя. В голове зрела мысль, пытаюсь снести всё на своём пути, но никак ещё не хотела формироваться во что-то связное. Аромат до безумия знаком, но это вещи Присыпки, но пахли они не детской присыпкой, а... Как от Максима...

Я пыталась дозвониться до Михалыча, но безуспешно. Да хоть до кого-нибудь:

— Да берите же трубки, чтоб вас всех!

Готова была швырнуть трубку в стену от злости. По рации тоже не было ответа. Вот и

что мне сейчас делать?!

— Дыши, выдыхай, Сеня...

Что я знала о Максиме? Появился почти в мой первый рабочий день на выезде, познакомился со мной, когда... Когда рядом никого не было. Что вообще я знала о нём? О, Господи, я даже не знала, на кого он работает. Хоть бы раз моя пустая голова додумалась спросить о нём у ребят. Но Костик ведь его видел, даже кивнул тому при встрече. Нет, я не к тому, что именно Костик предатель, просто вряд ли Максим работал на Бедина.

Хотя... Почему я приписала Максима к предателям? Только из-за аромата, который напомнил о Присыпке? Не обнимались ведь они, право слово. А может... А вдруг с ним что-то случилось? После того ужина он вообще пропал с моих радаров, я-то, довольная вся из себя такая, и расслабилась, но что, если, Присыпка оставил эту заколку как намёк или зацепку?

«Еду к Максиму» — отправила сообщение Михалычу. Охранников предупредила, что закрыла ангар и поставила его на сигнализацию, а сама на такси отправилась к моему недобывшему, адрес ведь был. Он часто меня звал в гости.

Дверь ожидаемо оказалась закрытой, а сам Максим на звонки не отвечал. Ни на телефонные, ни на дверные. В подъезд я зашла вместе с милой старушкой, а сейчас опасалась, чтобы она не вызвала полицию на мои громкие попытки достучаться до хозяина квартиры.

Что-то останавливало меня от того, чтобы просто развернуться и уйти. Может, он вообще лежит раненый и пытается позвать на помощь? Решила обшарить близлежащие доступные места в поисках запасного ключа. Чем чёрт не шутит?

Ключ обнаружился над дверью. Беспечно, но мне на руку.

В квартире было достаточно темно. Настолько, что становилось неприятно. Свет не включился, пришлось подсвечивать фонариком с телефона.

— Максим! — Скорее пискнула, чем позвала парня.

Было жутко не по себе. Я ведь проникла в чужую квартиру, а, если с ним на самом деле что-то произошло, придётся вызывать всех сюда и попытаться как-то объяснить, что именно я здесь делаю и почему пробралась нелегально?

— Максим, ты здесь? — В ответ только тишина.

Квартира была достаточно большой и какой-то странной: казалось, я уже упёрлась в тупик, но каждый обнаруживалась следующая дверь. Обычный водитель целый этаж выкупил, что ли?

Находиться в темноте было неуютно, а свет фонарика стеснительно выхватывал очертания какой-то театральщины. В доме у молодого человека было неожиданным обнаружить манекены, портьеры и кучу зеркал. А ещё по всюду этот треклятый запах. Запах детской присыпки.

Из общей картины вырывался шкаф, стоящий у стены, перед которым на полу были глубокие царапины по дуге. Зажав телефон в зубах, я схватилась за его угол и попыталась отодвинуть. С первого раза не получилось, пришлось упереться ногой в стену. Я уже почти кряхтела, но, как только огромный шкаф поддался, причём настолько резко, что я по инерции упала на пол, телефон отлетел куда-то в сторону. Только луч от фонарика продолжал выхватывать из темноты предметы. Я проследила за ним...

— А-А-А-А! — Крик вышел что надо, из самой глубины души.

Я видела головы! Человеческие, мать их, головы!

На трясущихся руках попыталась подняться, но меня остановил неожиданный, злобный голос Максима:

— С тобой, Ветерочек, у нас всё могло сложиться иначе.

По всей видимости, он стоял сзади. Я даже среагировать не успела, как голову пронзила острая боль, а следом пришла темнота...

Пробуждение было болезненным, и дело даже не в гудящей голове. В самой лучшей традиции жанра меня привязали к батарее под очень неудобным углом. Я полувисела на ней, руки уже онемели, а как-нибудь выкрутиться, чтобы спина меньше болела, не получалось совсем, а я очень старалась.

— Вижу, ты проснулась, — Я смотрела на своего бывшего кавалера и не узнавала его.

В глазах появилась та самая злость, которую я украдкой заметила в момент встречи его и Архарова. Только сейчас к этому добавился ещё и лихорадочный блеск безумия.

Как я раньше могла это пропустить? Как одержимость могла спутать с настойчивостью?

— Я в-видела человеческую голову, ты снял лицо с Присыпки?! — От страха из глаз текли слёзы, я даже не пыталась их остановить.

Да, я предупредила своих, что еду к Максиму, но адрес не додумалась сообщить. Меня даже волновало не то, что может сделать со мной этот псих, а насколько больно это будет. Я не умела терпеть боль, даже от удара локтем начинала плакать. И вот, мы с ним наедине в тёмной квартире, а в открытой комнате так и остались головы или лица с закрытыми глазами. От этого всего мне было плевать, что ему от меня надо было и что он скажет сейчас. Я просто хотела домой.

Максим сидел в кресле напротив и некоторое время всматривался в моё заплаканное лицо, даже, казалось, выглядел удивлённым, а потом засмеялся. Лучше бы и дальше сверлил меня безумным взглядом, от смеха стало ещё страшнее.

— Это маски, тупица, — наконец, отсмеялся он, — силиконовые маски.

— К-какие маски?

— Не было никакого Леонида, я был Леонидом. А это маски, крепятся на кожу клеем.

— Господи, зачем?!

— «Господи, зачем!» — Передразнил он фальцетом, — ты на самом деле ничего не поняла?

— Откуда мне знать, что в твоей больной голове?!

Вывалось быстрее, чем я успела подумать. Как обычно.

Максим окаменел. Сейчас он был похож на свои маски — такой же неживой, производящий ужас. Я тоже застыла, встрепенулась лишь тогда, когда он медленно поднялся со своего стула и направился ко мне.

— Максим, извини, — начала сбивчиво шептать, глядя снизу вверх, — я не этого хотела сказать, я...

— Заткнись!

От обаятельного паренька, который дарил мне розы, не осталось и следа. Сейчас надо мной возвышался выродок, замахивающийся ногой в мой живот. Всё произошло за долю секунды, я пыталась, правда, пыталась защититься хоть как-то, но почувствовала адскую боль в солнечном сплетении, вызвавшую глухой стон.

Хотелось сделать вдох, но при первой же попытке по всему телу разлилась волна острой боли.

— Заткнись! Заткнись! Заткнись! — Удары сыпались один за другим. Максим уже не разбирал, куда бьёт. Мне всё же удалось свернуться хоть как-нибудь, лишь бы живот прикрыть. От стяжек на запястьях появились порезы, губа разбита, левый глаз залило кровью.

Рёбра болели беспощадно, но хуже всего пришлось всё же лицу. Я его почти уже не чувствовала.

— Ну Сеньк, зачем же было меня так злить, глупыш? — Максим присел возле меня на корточки и очень даже аккуратно взял меня за подбородок, где слёзы смешались с кровью, — ну не плачь, малышка, я не люблю слёзы, — он убрал мои спутанные волосы с лица, прошёлся большим пальцем по разбитой скуле, заставляя меня неосознанно поморщиться от боли, — тебе отвратительны мои прикосновения?

— Нет, нет, — прозаикалась я в ответ на его шипение, — просто слегка болит.

— Хочешь сказать, я виноват?

— Нет, извини...

Максим ещё сильнее сжал моё лицо и впился своими мокрыми, холодными губами в мои, залитые кровью. Если до это мне было страшно из-за боли, то сейчас стало страшно... сама не знаю из-за чего. Казалось, что я в кошмарном сне, и не проснуться никак. Меня трясло от боли, когда он всё сильнее сжимал моё наверняка изувеченное лицо, трясло от отвращения, когда он слизывал кровь с какой-то маниакальной одержимостью.

— Представь, что ты растёшь в полной нищете, среди ублюдков, готовых продать тебя за бутылку. Всё своё грёбанное детство я чувствовал, я знал, что это не моя жизнь, — в его жестах появилась какая-то театральщина. Я перестала пытаться фокусировать взгляд на нём: он то расплывался, то раздваивался, отчего начинало подташнивать, — и знаешь, так и есть.

Мне было всё равно на его историю, честно. Но я хваталась остатками сознания за его голос, чтобы не провалиться в темноту окончательно. В голове пульсировала лишь одна мысль: что случилось с Марком? Только спрашивать Максима об этом я боялась. Боялась услышать плохие новости, или боялась новой вспышки гнева — я не знала. Лишь бы всё с ним было хорошо.

— ... да, ты не ослышалась, Бедин бросил мою мать, когда узнал, что та беременна мной. Боялся развода со своей стервой. Видите ли Архаров ему как сын, о котором он всегда мечтал. Как сын, понимаешь? — Закричал он, подлетев ко мне. Я моментально сжалась в клубок, но, кажется, бить меня Максиму уже не хотелось, — а я тогда кто?! Я не жил, а выживал! Все эти годы! Марку велосипед на шестилетие, а я помогал тётке на базаре в мороз. Марку миллионы на его бизнес, а мне пришлось в театре погибаться за гроши! Ему всё сходило с рук, абсолютно всё! Как только Бедин увидел меня впервые, он меня выгнал. Выгнал! А под Архарова дочь свою положил, мою сестру!

— П-почему так пахнет детской присыпкой? — Как только заговорила говорить, из запёкшейся ранки на губе вновь начала сочиться кровь.

— Маски крепятся на лицо гримерским клеем, — вполне спокойно начал объяснять этот садист, — сам клей тяжело с лица сходит. Присыпка помогает.

— Как ты вышел из ангара, когда мы тебя поймали?

— Я работал с Ильёй долгое время, — он усмехнулся, — прекрасно помню, как он выглядит, до мельчайших деталей. Маску создать не было труда.

В моей воспалённой голове прокручивались картинки того дня. Теперь я чётко понимала, что в первый раз, когда только зашла в ангар, передо мной был не Илья. Выглядел он иначе, вёл себя странно. А когда встретилась с настоящим Ильёй, тот отнёсся к нашей встрече как к первой за день. И не помнил, о чём я спрашивала за несколько минут до этого.

— Как ты обставил смерть Леонида?

— Нашёл какого-то бомжа. Телосложение такое же, — он пожал плечами, будто

рассказывает о рядовой скидке в магазине, — пара штрихов, продержатъ взаперти два дня, чтобы алкоголя в крови не нашли.

Начался новый приступ паники. Какой же больной выродок. Мои слёзы его злили, но я не была способна их остановить. Меня трясло от тихих рыданий, отчего побои болели ещё сильнее.

— Ты не должна плакать, — Максим опять склонился надо мной, — на слёзы грим не ляжет, глупышка.

Какой ещё грим?

Максим включил музыку из Щелкунчика. Под звуки, знакомые с детства, жутко контрастировало всё то, что со мной происходило. Он резким рывком, поднял меня на ноги, разрезав стяжки с запястий. Голова моментально закружилась, к горлу подкатила тошнота.

— Только не вздумай блевануть, — прошипел он, хватая меня за волосы.

Но меня всё же вытошнило, прямо на идеально чистые туфли Максима. Я кроме шоколада и поестъ-то ничего не успела, а из-за ударов спазмы вызывали новые приступы тошноты.

Максим с отвращением посмотрел, как я содрогалась, стоя на четвереньках, и вышел из комнаты. Вернулся уже со стаканом воды, но так и не протянул его, а просто наблюдал, как меня рвало желчью.

— Ты отвратительна.

Рывком за волосы он поднял меня на ноги и потащил к туалетному столику, где опять связал руки стяжками, прямо поверх прежних свежих порезов.

Запах детской присыпки стал ещё более приторным.

— Только Алина приняла меня, — Максим взял ватный диск и весьма аккуратно, даже нежно, начал смывать кровь с моего лица, — сказала, что наш отец обошёлся со мной несправедливо. Она никогда не любила Марка, но он был нужен для семейного дела. Отец дал ему денег и не хотел, чтобы они не вернулись обратно.

— Но ведь он получал дивиденды от инвестиций, — моя бровь была рассечена и жутко жглась, когда садист что-то влил в рану.

— Это мои деньги, — выплюнул он с отвращением, — Марк никогда не имел на них права. Я не мог их получить, но зато мог их лишить ублюдка Архарова.

— Как ты сорвал сделку?

— О, куколка, это мой идеальный сценарий и режиссура. Когда Алина вышвырнула тех двух сучек из империи ублюдка, пришли мои люди. У кого надо появился доступ к локальной сети, а мой юрист кое-что подправил во внутренних документах, из-за чего Марку теперь до конца дней своих платить штрафы, — поверх раны он начал наносить какой-то состав, который тут же застывал, сливаясь с моей кожей. Если бы не красные глаза и не опухшая челюсть, нельзя было даже и заметить, что я избита. Правда, оставались синяки и кровоподтёки по всему телу, — а дальше помогла мне ты.

— Как?

— Телефон, — он кивнул на мой мобильник, который продолжал вибрировать от входящих звонков и сообщений, — одна встреча с тобой, и я всё слышал. Архаров обсуждал важнейшие моменты именно в своей машине, где так удачно рядом всегда была ты, — его настроение опять резко перескочило от спокойного к состоянию крайнего бешенства, — так надо было ноги перед ним раздвигать, дрянь? Или думаешь, я не смог бы трахнуть тебя лучше? — Его лицо было настолько близко к моему, что я почувствовала новый приступ

тошноты от одной лишь мысли, что он опять меня поцелует. Но он сделал хуже. Я почувствовала омерзительное прикосновение его языка к моей скуле. Он будто животное, пометившее свою территорию, — когда вернёмся, я покажу, чей член лучше. А пока нам предстоит последняя сцена. И, чтобы ты не вздумала взбрыкнуть, Ветерочек, посмотри-ка на экран моего ноутбука.

Тёмный экран сменился картинкой, на которой я с ужасом обнаружила Айрин, связанную так же, как и я. Кажется, она цела, хоть и напугана. Господи, её схватили из-за меня! Я до конца своих дней буду вымаливать у неё прощение за то, что ей пришлось пережить.

— Этот ублюдок исчез. А по моему сценарию, он должен до конца осознать, насколько уничтожен. Что я, именно я, лишил его всего. А выманивать будем на его любимую игрушку, то есть, тебя. Дашь хоть один намёк ему, твоей ускоглазой конец. Только в начале с ней захотят поиграть, она у тебя красавица.

Меня переодели в платье, которое по своему желанию я бы никогда не надела. Чересчур открытое, слишком вызывающее. Правя нога в чёрном чулке выглядывала из разреза. Максим по дороге постоянно поглаживал моё бедро, по-хозяйски сжимая ногу.

Всё, что я поняла из фанатичного бреда, так это то, что Марк исчез не по вине Максима, а Айрин под присмотром одного из его друзей. Парень, который отдавал мне взрывчатку, Детская присыпка и Максим — это все один и тот же человек. Он умело менял маски, играя разные роли. Даже затесался между людьми Бедина лишь для того, чтобы расставить жучков у нас в ангаре. Но там оказалась я, и Максим решил, что через меня подобраться к Архарову будет ещё проще, поэтому пошёл ва-банк и познакомился со мной, будто случайно. А дальше всё просто: никого из тех, кого мы искали всё это время, не существовало. Я была ушами Максима, а с увольнением юриста и кадровички у Максима появилась возможность поставить своих людей в самое сердце империи.

Вот только сам Архаров и не подозревал, что существует у него некий человек, у которого тот якобы что-то отобрал. А Максима это бесило сильнее всего. Он должен был поставить точку в этой истории ткнув Архарова лицом в то дно, на которое, по словам Максима, он его опустил.

— Приехали, — мы прибыли к тому самому ресторану, в который я когда-то, казалось, вечность назад, отвезла Марка с Алиной и встретила Максима, — твои пёсики уже там. Надеюсь, они уже нашли Архарова, иначе, я сильно расстроюсь.

— Причём здесь они? Они сами не знают, куда пропал Марк!

— Его мамаша позаботилась об этом. Даже я в курсе. Их дело — привести ублюдка сюда.

Перед фасадом на самом деле стояли машины из нашего ангара, а у входа стояли парни со второй смены, которые хмуро провожали меня взглядом. Я буквально чувствовала, как горит моя спина.

— Погоди, — притормозила я у лестницы, — когда мы были в ресторане с тобой, я видела Присыпку на улице. Это не мог быть ты.

— Такая красивая, — он убрал прядь волос за ухо под взглядом моих коллег. Я резко дёрнулась, но глаза Максима загорелись предостерегающим огнём. «Помни об Айрин». — Я же тогда выходил. Мне стало казаться, что Степан Михайлович начал что-то подозревать, и я знал, что ты тут же ему обо всём доложишь. Пришлось побегать.

Я боялась встречи с моей командой. То, что от меня требовалось — просто

омерзительно. Я понимала, что я ничего плохого не сделала и верила, что они в это поверят. Но сама ситуация, которую мне предстоит пережить, вызывала холод внутри.

— Леонид? — Мы зашли в зал ресторана, где за столом сидел Марк в окружении Михалыча, Костика и Ильи.

Встретили меня с разными эмоциями. Михалыч не сводил взгляд с Максима, Костик с Ильей — с его руки на моей талии, а Марк... Он смотрел прямо мне в глаза, и выдержать этот взгляд у меня никак не получалось.

Весь диалог между моим шефом и Максимом проходил мимо ушей. Весь мой мир сосредоточен на Марке, чьи чёрные глаза не отрываясь искали ответы в моих. Видит ли он, что у меня под слоем грима разбито всё лицо? Видит ли мой страх? Я так хотела прокричать, что я не виновата, что я ничего не сделала, но перед глазами вставал образ заплаканной Айрин, хрупкой и беззащитной.

— Я знаю, кто ты, Максим, — наконец заговорил Марк, так и не отведя от меня взгляда, — и мне наплевать на твои мотивы. Ты просто заплатишь за то, что сделал с моими сотрудниками.

— Нет, братишка, только ты виноват в том, что произошло.

— Я даже не стану тратить на время на объяснения, почему ты идиот. И мне действительно наплевать на твои больные мотивы. Но ты пришёл сюда, будто герой, наказавший злодея, и даже не вникаешь в то, что сотни людей, сотни хороших людей потеряли свои места. Ты говоришь, будто я у тебя нечто забрал. Я всё вернул Бедину с процентами. Почему же он тебе не отдал те деньги? Может, ты никому не нужен?

— Так ли никому? — Максим прижал меня сильнее к себе, — или тебе рассказать, как мы смеялись над тобой, после того, как она не симулировала со мной после тебя? — Марк вцепился в край стола, — а она сладко стонет, не так ли?

— Я тебе не верю.

— Думай о подруге, — зашептал мне на ухо Максим, — или её пустят по кругу перед тем, как сломать всё, что ломается.

Смотреть на Марка сил не осталось. Во мне даже слёз не осталось. Максим стоял и хвастался, как он ловко всех обвёл вокруг пальца. Вливал им в уши, как я им помогла.

Всё сходится. Я ведь тогда не должна была ехать на Вилли, когда тот взорвался, моя замена была случайной. Алина не в курсе, что мы тогда забрали бомбу из гаражей, ей верили. А взрывчатку то установили при мне. Мне уже никто не поверит, тем более после того, что я собиралась сделать.

Подавив всхлип обернулась к своему мучителю. От его ликующего выражения лица уже тошнило. Тем не менее, дрожащими руками взяла его за лицо и поцеловала. Слёзы всё же покатались. Я послышала звук треснувшего стакана позади себя.

— Ну-ну, сладкая, — Максим отстранился первым, — думаю, с него достаточно.

Выходили мы под гробовую тишину.

— Чего ты хотел добиться? — Наш поход казался мне чересчур бредовым. Пришли, поговорили, ушли. Всё осталось, как и было.

— Сделать ему больно, — лёгким тоном ответил Максим, — если бы я знал, что твоя измена принесёт ему больше страданий, чем потеря империи, трахнул бы при нём. Было бы меньше мороки.

— Ты обещал освободить Айрин.

— Как только мы отъедем на безопасное расстояние, отправлю адрес Константину.

Пока рано.

Я обернулась в последний раз, прежде, чем сесть в машину. Марк стоял у окна, смотрел на нас. Раньше я не понимала, что между нами происходит. С моей стороны всё было ясно, я полюбила его, но с его... Слишком мало времени прошло. Я всё боялась, что я сама себе нарисовала воздушные замки, а на самом деле этого не было и в помине. Но, когда наши взгляды встретились, я поняла, насколько ошибалась. Между нами было не просто «что-то», а нечто прекрасное. Но ключевое слово «было». Я видела, как гасли его глаза, как каменело лицо, как он отворачивается от меня.

Мне главное выбраться, я смогу оказать, что не виновна, даже старания Максима уже будут выглядеть пустым звуком.

Главное, выбраться.

Казалось бы, чего ещё хотеть? Разрушил жизнь соперника, унизил его, отобрал то, что ему дорого — это ведь всё, что ему было нужно. Но Максим становился злее и злее по мере того, как мы удалялись от ресторана.

— Сукин сын, — стукнул он по рулю, — ублюдок чёртов.

— Ты же получил, что хотел, отпусти Айрин, — взмолилась я, нервно хватаясь за приборную панель, — она здесь совсем не при чём.

— Всё? Ты сказала, я получил всё?! — Его движения стали более резкими, — всё должно было быть иначе. Я что, зря столько лет работал над планом? Всё закончилось не так!

— Ты обещал освободить Айрин.

— Нахрен тебя с твоей Айрин! Мы с тобой ещё не закончили, — машина набирала скорость, лавируя в потоке.

— Ты обещал! — Я тоже перешла на крик, — твои слова совсем ничего не стоят? Ты обещал освободить её, так будь мужиком и сделай, то, что обещал!

Максим резко ударил по тормозам. Мы чудом избежали столкновения с другими машинами, остановившись посреди проезжей части.

— Костян? — Произнёс Максим в трубку, — да не выражайся ты, я с добрыми намерениями. Вышлю сообщением адрес, где твоя казашечка любимая. Угрозы оставь при себе. Довольна? — Это уже адресовалось мне.

И да, я была довольна. Камень с груди свалился. Костик не подведёт, он мгновенно домчится к Айрин, и всё с ней будет в порядке.

Больше всего нервировала неизвестность. Куда меня вёз этот псих и зачем — непонятно. Но он уезжал всё дальше и дальше, а я по какой-то непонятной причине всё больше и больше успокаивалась.

— Даже не спросишь, почему я тебя не отпускаю?

— Нет, мне плевать, — устало ответила я.

Мне на самом деле было всё равно. Нестерпимо хотелось спать, или просто отключиться, только лишь бы избавиться от этой головной боли.

Мои коллеги вряд ли станут пытаться меня спасти, у самой меня сил уже не осталось. С Айрин всё в порядке, Марк жив, а мне бы просто поспать.

Максим что-то говорил, а я то всплывала на поверхность сознания, то опять уплывала куда-то. Кажется, мы уже выехали за город. Кажется, шёл дождь.

Погода под стать моему настроению, забавно.

— Что ему надо от нас? — Максим не отрывал взгляда от зеркала заднего вида.

— Ты отвратительный водитель, — лицо чесалось от грима, и я лениво начала его сдирать, вместе с кровавыми корками, — и за машиной смотришь отвратительно. Она вся гнилая. Такая же, как и ты.

— Ты опять меня провоцируешь.

— И что ты сделаешь? Опять меня ударишь?

— А тебе понравилось, дрянь? — Он опять напряженно посмотрел в зеркало, — или думаешь, что я опять не заберу твою подружку?

— Это уже пустая бравада, — я тоже оглянулась, посмотреть, кто же едет за нами сзади.

Этого не может быть. Расплывчато, но я увидела Зинаиду Александровну, сидящую рядом с незнакомым мужчиной. Кажется, она что-то хотела мне сказать, или прокричать, но, естественно, я её не могла услышать, даже если и очень сильно хотела.

Она, кажется, что-то пыталась мне показать.

— Ты его знаешь? — Накинулся на меня Максим, — ещё один твой кобель?

— Ты везде их видишь, что ли? — Прошипела ему, всматриваясь в Зинаиду Александровну.

Она указывала куда-то на капот своей машины, только сейчас увидел, что к достаточно мощному внедорожнику спереди был прикреплен кенгурятник. Максим достал пистолет и снял его с предохранителя.

Он совсем глупый, если не понял, что сейчас должно произойти.

Зинаида Александровна ещё активнее замахала руками, давая понять, что я должна за что-то ухватиться. Они собираются идти на таран. Зачем же ещё нужны кенгурятники?

Только Максим этого не замечал, а лишь вскинул оружие в руках по направлению к водителскому стеклу.

Зинаида с незнакомцем приблизились сзади, и я, сделав глубокий вздох, упёрлась в приборную панель. Максим на мои движения не обратил никакого внимания, весь он сосредоточился на подъезжающей слева машине. Он уже приготовился стрелять по Зинаиде Александровне, как её спутник резко крутанул руль в нашу сторону. Максим потерял управление, нас закрутило вокруг оси. Даже с заносом не смог справиться.

Остановились мы прямо напротив внедорожника с Зинаидой. Она продолжала махать мне руками, в попытках что-то объяснить. Голова сильно кружилась, а Максим, по всей видимости, при столкновении ударился виском о стекло. Причём достаточно болезненно, уж слишком долго он приходил в себя.

Трясущимися руками отстегнула ремень безопасности и взялась за ручку дверцы.

— Куда, мразь? —левой рукой он схватил меня за подбородок, а правой приставил дуло к виску, — ты что услышала, будто я тебя отпускаю?

Я схватилась за его руку, в которой он держал пистолет, в попытках вырвать его. Я не знала, заряжен он или нет, но погибать от рук этого садиста мне никак не хотелось. Даже не смотря на ранения, он всё ещё был гораздо сильнее меня. Какое-то животное отчаяние придало мне сил, всё же удалось дотянуться до его руки и со всей силы сжать зубы на ней.

— Твою мать, — лицо обожгло от очередного удара.

Трясущимися руками прижала пистолет к животу. Максим пытался остановить мой побег, крепко удерживая за волосы. Перевернувшись на сидении, с остервенением отбивалась от него ногами. Мне нужно лишь одно мгновение. Лишь один удачный момент. Туфли чудом не слетели. Их выбирал Максим: ужасно длинные и тонкие металлические шпильки, и сейчас одной из них я довольно сильно врезала ему по подбородку.

Одно мгновенье, оно пришло.

Как только выкатилась на асфальт, внедорожник Зинаиды резко газанул и лоб-в-лоб протаранил кенгурятником седан Максима.

— В машину, быстро!

Зинаиде Александровне не нужно было повторять дважды. Я сбросила жуткие шпильки и, прихрамывая, побежала к внедорожнику. Машина Максима была сильно помята. Сам он с разбитой головой лежал на руле. Я не знала, мёртв он или нет, даже мне, по сути, доброму человеку, было всё равно, даже помочь не хотелось. Швырнула ему его же пистолет через

разбитое окно. Он уже им вряд ли способен будет воспользоваться.

— Бедная моя девочка, — причитала Зинаида Александровна.

Мы уже отъехали на достаточное расстояние от места аварии. Вначале у меня отсутствовали хоть какие-либо эмоции, даже не было радости, что я вырвалась, но с каждым километром меня всё сильнее и сильнее била дрожь, пока я попросту не разрыдалась.

— Ну-ну, дорогая моя, — для женщины в возрасте, мать Архарова весьма резво перебралась на заднее сиденье и уложила мою голову к себе на колени, — поплачь, это не стыдно. Что же этот подонок с тобой сделал?..

Кажется, мой организм резко решил уйти на покой. Я не помнила момента, когда уснула, но, когда в следующий раз открыла глаза, была уже не в машине.

Опять больничная палата, опять Даша, которая теперь просто пыталась расчесать мои спутанные волосы. Только на этот раз не было ни цветов, ни конфет.

— Где твой папа? — Голос напоминал карканье.

— Сказал, что скоро придёт, — пожала она плечами, — они там разговаривают с твоей подругой. Других никого не пустили. Папа сказал, им сейчас не надо тебя такой видеть.

Наверное, она права. Я могла видеть только одним глазом, наверняка, моё лицо напоминало один большой сплошной синяк. Никто из моих соседей без валерьянки на меня не сможет смотреть.

— А тебе, значит, можно?

— Папа не пускал, я тайком пробралась. А потом сказала, что я уже всё увидела, так зачем уходить? Ловко это я?

— Очень ловко. Подай, пожалуйста, воды.

В голове сотни вопросов. Но больше всего хотелось увидеть Айрин своими глазами, убедиться, что с ней всё хорошо.

— Сенечка! — Айрин бросилась ко мне, — Господи, Сенечка, родная моя.

Она расплакалась у меня на плече, и я вслед за ней. Сбоку почувствовала, как Даша забралась с ногами на кровать и тоже обняла меня.

— Я испугалась, что ты никогда меня не прости-и-ишь за то, что тебя похитили из-за меня-я-я.

Айрин схватили прямо на улице по пути домой. Она тогда пыталась до меня дозвониться и даже не заметила, как подъехал раздолбанный микроавтобус. Костик прилетел за ней сразу же, как получил адрес. Он почти снёс тот домик с лица земли от ярости, когда увидел синяки на запястьях Айрин.

Невольно задумалась о том, что ради меня кто-то вот так город бы перевернул, а потом из-за синяка ещё и снёс всё на своём пути.

Но такого человека не нашлось. Марк так и не пришёл. Ни в тот вечер, не после, не через неделю.

Ребята тоже обходили меня стороной. Все, кроме Ильи. Максим не погиб тогда, но был взят под стражу. А я проходила по делу как... сообщница. Именно поэтому меня отстранили от работы и от моей бывшей команды. Как выразились, в интересах следствия.

Я думала, мой ад уже закончен, но как же сильно ошибалась. Когда меня выписали из больницы с указанием соблюдать постельный режим, пришло смс от Архарова с просьбой, нет, с приказом явиться к нему.

Оглядываясь назад, я понимала, лучше бы мне поехать домой и отлежаться, как и сказал доктор, а не лететь сломя голову прямо в пропасть.

Встреча должна состояться у него дома. Это хороший знак. Если я ни в чем не виновата, значит, и бояться нечего. А я ни в чем не была виновата. Я так и не могла понять, что между нами происходит, но Марк не из тех, кто меняет девушек, как перчатки. И не из тех, кто подпускает к себе близко просто так. Что бы то ни было, но в глубине черных глаз видела, что это не пустое. Что всё это что-то значит. Даже не что-то, а очень многое. А значит... Значит, он даст мне шанс объясниться. Все произошедшее настолько абсурдно, что очень даже похоже на правду.

Только вот...

Только вот я уже минут двадцать стояла перед домом, в котором провела так мало времени, но случилось так много.

Ногами просто вросла в подъездную дорожку, не могла заставить себя шевельнуться.

— Никогда не видел тебя с распущенными волосами. В смысле, не в больничной палате, — сзади подошёл Илья, невесело улыбаясь.

— Руку поднять не смогла, чтобы заплестись, — хрипло ответила я, показывая согнутую руку в мягком гипсе.

С момента аварии прошло две недели. Мой телефон был изъят в интересах следствия. Но только это. Никаких допросов со мной не проводили, экспериментов или что ещё там проводят. Хотя, всего-то чуть больше недели прошло с момента моей выписки. Ауди забрал молчаливый Леонид, который, поджав губы, бросил на меня беглый взгляд и уехал.

Я точно знала, что и Илье велели не общаться со мной, но, когда он слушал приказы? Меня больше расстраивало, что ни Марк, ни Михалыч не пытались со мной поговорить. Казалось бы, раз Костик встречается с моей лучшей подругой и, соответственно, много времени проводит с ней, то тоже должен со мной как-то контактировать, но он верен приказу. Когда в комнату входила я, он вставал и уходил. Вслед за ним Айрин, но только для того, чтобы высказать ему, что именно она думает об этом всем, а потом вернуться.

— Почему ты нарушаешь приказ не общаться со мной? — Всё также не сводя глаз с фасада дома, спросила у бывшего коллеги.

— Просто не хочу жалеть потом, что предал хорошего друга.

Илья с некой горечью заглянул в мои глаза. Я не считала себя его другом. Мы были хорошими приятелями, да, но не близкими друзьями. Видно, он это и прочел на моем лице, потому что добавил:

— Ты — хороший человек, Сень. По-настоящему хороший, а таких давно не встречал. Да и вряд ли скоро встречу. Если мы сейчас не друзья, то в будущем, для меня будет честью иметь в своем кругу такого человека, как ты.

Вот это-то и вырвало меня из прострации, в которой я плавала последнее время. Как бы храбрости добавил, благодаря чему, удалось, наконец, сделать шаг навстречу неярко горящих окон.

Дом встретил какой-то нервирующей тишиной. Привычно разулась в небольшой комнатке, которая выполняла функцию гардероба, и, чуть расправив плечи, пошла в кабинет Архарова, где мы ели шоколад и так сильно любили друг друга.

Коробок с шоколадом, естественно, уже не было. И того огромного дивана, на котором Марк вновь и вновь покрывал мое тело поцелуями, — тоже.

Архаров же стоял посреди кабинета, засунув руки в карман. Черные глаза исподлобья следили за каждым моим движением. Он будто кусал губу изнутри, чуть хмурясь, всматриваясь в мое лицо. Я же, нервно сглотнув, набрала воздуха в рот и замерла, вглядываясь в его лицо в ответ. Обычно Марк умел держать маску, в смысле, скрывать свои эмоции. Но здесь я наблюдала за целой чередой противоречий: любовь, неверие, тоска, разочарование. Вот последнее ударило под дых сильнее всего:

— Марк, я... — сделала шаг вперед, машинально протянув руку.

— Для вас я — Марк Васильевич, — одна за другой эмоции уходили с его лица, превращая его в каменную маску, — прошу не забываться.

Лицо вспыхнула алыми пятнами. Даже уши начали гореть.

Про себя начала считать до десяти, чтобы в своей манере не наговорить всего. Не время для выхода эмоций.

Марк захлопнул между нами дверь. Больно? Да. Но поправимо.

— М-марк Васильевич, — запнулась я на долю секунды, но быстро взяла себя в руки. Все слова совсем некстати выпорхнули из головы. Может, меня нервировали Илья и Костик, которые сейчас были не моими коллегами, хоть и бывшими, а совсем уж... гардами — холодными и безучастными. Так, собралась. Ты ни в чем не виновата! — Марк Васильевич, — уже твердо продолжила я, — я понимаю, как это выглядело со стороны. Ну, та сцена в ресторане... — Никакой реакции. Черные глаза абсолютно безэмоционально смотрели на меня, — он похитил Айрин, мою подругу, сказал, что причинит ей вред, если я не сделаю так, как он велит.

Про Айрин ему наверняка должен был Костик уже рассказать. Мое участие в том спектакле было принужденным, это же очевидно. Так почему Марк не верит?

— Удобная отговорка.

— Отговорка? — Глупо моргнула. — Максим, или как там его, специально меня подтсавлял. Я никогда раньше его не видела, у него в квартире на самом деле нашли те самые долбаные маски! И покушение он организовал да, моими руками, но я ведь не знала. Алина сказала забрать взрывчатку. Я просто выполнила ее поручение! Она сама призналась в больнице. И... И слив данных, я клянусь, я этого не делала. Вы должны мне верить!

— Должен, Есения? Должен? — Марк спокойно прошёл мимо меня и уселся в кресло, которое тоже было новым. — С какой стати я должен и что именно? Поверить, что весь перечень обвинений и доказательств — это просто совпадения? Что не с вашего телефона было передано сообщение со ключевой информацией по продаже акций?

— Я такого сообщения не писала.

Марк взглядом указал на листы А4, где были распечатки моих звонков и сообщений. Там действительно было сообщение, отправленное на номер Максима, тот самый день, когда империя Архарова начала терпеть крах. Просто фамилии покупателей, номера биржевых заявок и сумма.

— Я не отправляла, — как попугай шепотом произнесла, избегая тяжелого взгляда Архарова.

— Вот ваш выбор, Есения: вы поможете следствию дополнить некоторые пробелы, и получаете год-другой домашнего ареста. В противном случае — реальное заключение.

— Да не делала я этого всего! — Взорвалась, наконец я, — Если бы не та сцена в ресторане, ты бы иначе смотрел на все это! Но что мне оставалось? Он мог сотворить с Айрин все что угодно. Он ей угрожал!..

— Вам же ничего не сделал, почему должен был причинить вред ей? Пересмотрите ваш тон, — мягко проговорил Марк, но я его не слышала, меня несло дальше:

— Мне, конечно, приятно, что ты считаешь меня таким гением преступного мира, но тогда, когда Максим устраивался к тебе на работу несколько лет назад, я о твоём существовании и знать не знала. И самое главное: зачем мне все это, Марк?

— Марк Васильевич, — его голосом можно было резать металл, — заруби себе на носу, дважды повторять не буду: либо чистосердечное, либо по всей строгости. Мне наплевать, что творилось в твоей продажной голове, когда ты всё это замутила с этим выродком, — Архаров резко поднялся с кресла с каждым словом делал шаг зашагов ко мне, вынуждая отступать, — но не думай, что тебе все сойдет с рук лишь по тому, что ты несколько раз раздвинула ноги передо мной...

— Босс, — предостерегающе вклинился между нами Костик, закрывая меня собой.

Кажется, это и отрезвило Марка, но не меня. Кажется, по щекам текли слезы. Он не мог такого наговорить. Он никогда такого не говорил. Ну как Марк может верить в этот бред, он же умный! Господи, что еще устроил Максим, кроме долбанного сообщения, которое я не отправляла?

— Вы не можете во все это верить, не можете, — дрожащий голос уже не получалось унять.

— Каждое ваше взаимодействие с Максимом-Леонидом на шаг приближало мое детище к катастрофе. Вы оба попытались подставить Алину, отправив ее за взрывчатым веществом. Но самое главное — все мои переговоры велись из авто, которым управляли вы. Вам удалось выстроить некие доверительные отношения между нами, чтобы у вас были развязаны руки для передачи информации вашему поддельнику. На вашем телефоне нашли записывающее устройство, но никаких “жучков”, знаете что это значит, Есения?

— Что? — переспросила помертвевшими губами.

— Каждый долбаный раз вы включали запись сами, — ледяной тон что-то выжег внутри, заставляя слезы остановиться, — Константин, отойдите, — Костик кинул на меня обеспокоенный взгляд, но все же отошел в сторону, позволяя Архарову подойти почти вплотную, возвышаясь надо мной, — мне глубоко плевать, какой выбор вы сделаете. Нет ни единого факта, который подтвердил бы вашу невиновность в этом деле. Возможно, всего лишь возможно, у вас получится обвести вокруг пальца комитет и выйти сухой из воды, доказав, что вы беспросветно глупы, раз вас удалось подставить настолько. Но не держите за идиотов и других вокруг вас. И теперь самое главное: приблизитесь к этому дому, к моей матери, либо к кому угодно из моего окружения, я вас сотру в порошок. И не надо мне лапшу на уши вешать про какую-угодно влюбленность, не держите в голове иллюзий, что такое короткое время что-то может для меня значить. Убирайтесь.

Я не настолько дура, чтобы сразу же пытаться достучаться до Марка, после всего, что он наговорил. Прав Илья, надо дать ему остыть. Что-то все же послужило триггером, он же не глупый. Как можно поверить в мою виновность?

Жизнь превратилась в какой-то ад. Без преувеличения. Меня гоняли по допросам всевозможные ведомства, тыкая в нос какими-то показаниями, якобы доказательствами, угрозами. Бесплатный защитник особо не рвался показать свои навыки, но все-таки статус подозреваемой сняли достаточно быстро. Кажется, это был первый раз за очень долгое время, когда непроходящее чувство тревоги внутри слегка поутихло. Это было спустя три недели, после того, как Марк меня прогнал.

Я не верю, что то, что между нами было, ничего не значит для него. Он не такой. Его глаза и поступки тогда не ввали. Меня, по сути, оправдали, доказывая, что я не принимала участия во всем происходящем. Он не может не знать об этом.

Вот только...

Я в черном списке. Пыталась дозвониться до Архарова, но все время короткие гудки.

— Дай срочно свой телефон, — влетела к Айрин.

— Нет, — поддерживающая меня все это время подруга, вдруг встала в стойку и весьма зло на меня посмотрела. — Я не дам тебе звонить ему.

— Ну почему? Я не виновна, он должен это знать!

— Любой дебил это понимал с самого начала, — она обернулась на сидящего в кресле Костика, которого я не сразу заметила, — без обид, милый. Но вместо этого он вылил на тебя ушат дерьма, унизил и выгнал.

— Это все эмоции, все ведь выглядело так, будто я была виновна!

Айрин закрыла глаза и сделал глубокий вдох.

— Послушай, милая, — она усадила меня на край дивана и звяла руки в свои, — тебя несколько часов избивали, шантажировали, а потом и вовсе пытались убить, но этот кретин все равно не поверил тебе! Как это можно простить?

— Может, он не знает? — Никогда в жизни мне не приходилось плакать так часто, как в последнее время.

Каждый вечер, каждую ночь засыпала со слезами на глазах и щемящей болью в груди. Не мог он думать, что я предательница. Ну не мог! Либо не знает, либо кто-то что-то ему подсунул, отчего он не верит. Но меня ведь уже не считают подельницей.

— Мне просто надо с ним поговорить! Он не может не понять.

Айрин все же дала телефон. Номер Марка я знала наизусть, вот только это не помогло. Мне просто никто не отвечал ни этим вечером, ни следующим, ни всю последующую неделю.

Никто из ребят — тоже. Только Илья и Костик поддерживали со мной общение, но никто не говорил, что происходит с Архаровым. А потом я перестала спрашивать.

Да, я кричала в подушку каждый вечер и ночь, перед тем, как уснуть. Каждый новый день казалось, что все изменится, что на этот раз Архаров поднимет трубку и нам удастся поговорить.

Айрин однажды расплакалась вместе со мной. Она видела, насколько сильно я полюбила Марка. Не просто влюбилась, а пустила себе в сердце. И ей никак не удавалось ни успокоить меня, ни понять, почему именно он.

Она как-то заочно начала ненавидеть Архарова лишь из-за того, что он причинил такую боль.

— Родная моя, — влипла она, убирая с моего лица спутанные волосы мокрые от слез, — я хочу, чтобы ты вернулась. Хочешь, я сама поеду к нему и поговорю?

— Точно! — Эта мысль прошибла электрическим зарядом, — мне надо поехать к нему!

— Не смей, — Айрин подскочила и, кажется, впервые в жизни повысила на меня голос, — Сеня, если ты хотя бы попытаешься рыпнуться к нему, я сама лично тебя запру!

— Ну почему?

— Он опять тебе разобьет сердце, только на этот раз я не уверена, что ты соберешь его заново. Ты еще от прошлого удара не оправилась. Не пуцу, усекла?

Она была настроена серьезно. Айрин поселилась у меня и не выпускала из дома ни на

шаг, пока все же не потеряла бдительность, и мне не удалось ускользнуть. Как же была права моя дорогая Айрин.

***

— Судебное предписание? — Неверяще спросила Илью. — За что?

Парень появился через день моей попытки поговорить с Марком с глазу на глаз. Вначале, когда он сказал, что он от Архарова, мое глупое сердце пропустило счастливый удар. Но, увидев выражение лица Ильи, стало мгновенно не по себе.

— Не нужно тебе это, Сень, — парень взяв меня за руку, ту самую, в которой я держала судебное заключение, — пожалуйста. Не пытайся больше.

— Я же ничего не сделала, — прошептала я. Строки расплывались перед глазами.

— Я тебе верю. Мы все тебе верим. Просто босс, — Илья запнулся, — верить не хочет.

— Может, я чего-то не знаю? Максим подставил меня еще как-то?

— Оставь это. Ты себя со свету сживешь, если продолжишь в таком темпе. Ты уже на скелет похожа.

Марк действительно настроен серьезно. Мне в судебном порядке запрещено приближаться к его дому, к его окружению, к офисному зданию. Мне выставлена сумма компенсации за повреждение Вилли, которую мне не потянуть и за четыре жизни.

Все только через адвокатов и суды, на которых лично Марк даже не присутствовал.

Вот теперь я по-настоящему поверила, что теперь все и нет пути назад.

Боль. Я ощутил адскую боль, когда увидел Есению на крестинах дочери Ильи. Никогда не ходил на семейные праздники своих сотрудников, но здесь меня пригласила лично девчонка.

Пора было отвлечься. Чем-то адекватным, а не алкоголем или скоростью на дороге. Мать только поджимала губы, проговаривая, что вскоре меня убьет или одно, или другое.

Только расслабился, даже начал улыбаться впервые за последние недели, пусть и дежурно, и тут будто под дых ударили. Я думал, больше никогда в жизни мне не придется переживать ту боль предательства, как в тот вечер, когда мне предоставили доказательства всей картины происходящего. Но нет.

Она вошла в церковь в белом платке и в платье, держа дочь Ильи за руку, о чем-то с улыбкой рассказывая той.

Я думал, что никто не смеет даже общаться с ней, выполняя мой приказ, не то, что делать крестной матерью.

Похудела. Сильно. Глаза стали еще больше.

Все же искусная дрянь. Я верил этой улыбке, с которой она смотрела на меня, будто во всем мире никого больше нет. Как последний идиот поверил в ее влюбленность, о которой она не говорила, но всем видом показывала, которую видел в ее глазах. Или всего лишь хотел видеть.

После всего я сутками изучал ее биографию, в попытках найти хоть один намек на то, что сделало ее такой сукой. Хоть какой-нибудь. Найти ей оправдание. Но ничего обнаружить так и не удалось, кроме огромных долгов.

Деньги. Могла бы попросить. Я бы ничего не пожалел, но она выбрала другой путь.

Дал же себе зарок не думать о ней, но сейчас не мог отвести взгляд от фигурки в платье, которое ей определено велико. Она таким образом обманула Илью и остальных? Играя бедную сиротку и дальше?

И они все купились?

Я специально отдал приказ адвокатам припечатать ее к стене разбитым Майбахом, за который ей придется платить. Справедливого наказания ей удалось избежать. Но с выплатами за автомобиль она и попалась: хватило бы мозгов, не внесла бы крупную сумму, частично покрывая долг, тем самым давая понять, что деньги у нее откуда-то все же есть, и много. Честно говоря, я все еще надеялся тогда, что все же ошибся. Но нет. Платеж она внесла спустя неделю после ознакомления с постановлением.

Внезапно Сеня подняла на меня взгляд. Все краски сошли с ее лица. Она будто заледенела. Мое тупое, дебилское сердце пропустило удар. Зеленые глаза действительно стали больше, особенно на фоне заостренных скул. Она невероятно сильно похудела. Раньше я тонул в этом зеленом море, окруженный любовью и смехом.

Раньше ловил себя на мысли, что таких светлых людей просто не может существовать, должен быть какой-то подвох.

Обалдел, когда впервые увидел, в каком окружении она живет. Даже тогда подумал, что так не бывает. Да и таких как Сеня не должно быть. Не могут такие люди существовать в нашем мире.

Но она ведь была. Дерзкая, яркая, чистая...

Осознание того, как они с тем вырождаком потом потешались надо мной, как им удалось обвести меня вокруг пальца ее невинностью, отдавалось тупой болью в груди. И ведь не скрывались же со своим общением, что было умно. Даже я должен признать.

Есения не сводила с меня шокированного взгляда, на миг напомнив ту, в которую угораздило влюбиться меня самого, но тут ее отвлек служитель церкви. Я же попытался скрыться с ее поля зрения. Уйти просто так будет верх неприличия, хотя, находиться здесь невыносимо.

Степан Михайлович и Есения взяли девчонку за руки с двух сторон и подошли к алтарю. Церковь невероятно старая и до противного маленькая. Приглашенные на церемонию начали теснить меня ближе к алтарю, будто специально я оказался прямо позади той, которую уже хрен знает сколько времени пытался забыть.

В нос моментально ударил аромат ее волос, который не скрыл даже платок. Она вздрогнула, будто почувствовав меня всем телом, но не обернулась.

Ведомый каким-то проклятым магнетизмом, сделал шаг ближе к ней.

Это пытка. Самая настоящая пытка. Боль уже не была тупой. Внутри кто-то проворачивал раскаленный нож, а я все так же вдыхал ее аромат.

Как одержимый поднял руку, чтобы прикоснуться. Всего лишь ощутить ее тепло.

«... Мне жаль, но ты все видишь сам» — рука сжалась в кулак.

Сделал шаг назад.

«Марк, здесь не просто маленькая сумма, сам посмотри, — Алина не прекращала плакать. Сказала, что Максим сам ей рассказал про эти деньги. Она не знала про его планы, — ей неоткуда было их взять.

А я все продолжал тупо смотреть на Сенин рюкзак, набитый наличкой. Ее рюкзак, в ее шкафу, в ее квартире. До того момента я все не мог поверить, но после...»

Плевать на приличия. После церемонии она попытается найти меня, хотя бы глазами. Предписание не позволит ей приблизиться, такие как он бояться ответственности. И отлично, что не найдет.

— Ты специально, — ничуть не удивившись, бросил матери, как только зашел домой, — ты знала, что она там будет.

— Без понятия, о чем ты, — мать пожала плечами, продолжая разгадывать очередной сканворд.

— Ты заставила меня пойти на эти долбаные крестины, зная, что там будет эта дрянь, — почти выплюнул это ей.

— Не называй ее так, — на удивление спокойно мать отложила газету в сторону и подняла на меня сердитый взгляд, — она — замечательный человек. А вот, если хочешь поискать в этом доме кретина, посмотришь в зеркало. Кретин.

— Даже слушать не хочу.

Вышел из гостиной.

— О нет, ты послушаешь. Я ради тебя целый год отказывала себе в шардоне, когда носила у себя под сердцем, так что, будь добр, и ты пойдешь на уступки и выслушай, наконец.

Есть хотелось дико. Впервые не хотелось пить, а именно нормально поесть. На кухне хоть шаром покати. Не надо было увольнять персонал из-за какой-то мелочи, о которой я сейчас даже не вспомню. Мать тогда пыталась привести меня в чувство, но бесполезно.

Даже она тогда испугалась, когда разгромил все, что попало под руку в этой чертовой кухне, где впервые случайно поцеловал Сеню.

Я просто перепутал, но где-то внутри уже знал, что это была не Алина. Они тогда все это задумали?

— Все эти недели в этом доме было запрещено произносить ее имя. Пора взять себя в руки. Есения, — я резко развернулся к матери, сжимая кулаки. Она посмотрела в ответ с вызовом. Права ведь, никогда не ударю, — Е-се-ни-я, — повторила она по слогам, — ни в чем не виновата. А ты — болван, за которого мне стыдно. Видно, плохо проверила тебя еще в детстве.

— Замолчи, пожалуйста.

— Ты слеп. Только чего именно боишься?

Я и сам не знал. Страх есть. Я чуть не сдох тогда, когда узнал, кто именно меня предал.

— Я не боюсь, — соврал я, — я просто не хочу о ней ничего слышать.

— За столько недель не разлюбил ведь. Неужели не хочешь слышать на самом деле?

— Я ее не люблю. И нет, ничего слышать не хочу. И хватит об этом.

— Знаешь. Нормальная мать должна своего ребенка защищать, но вот что тебе скажу, дубина, — мне в грудь уткнулся палец, — ты ее не достоин. Это ты предатель, а не она.

Резко развернувшись, она пошла к выходу из кухни.

— Хотя, знаешь, — мать вдруг остановилась, — не хочешь слушать, хотя бы посмотри.

На стол полетела самая обычная флешка.

У меня резко вспотели ладони от дурного предчувствия.

Все сводилось к найденным деньгам у нее дома. Она сказала, что тогда, в ресторане, вела и выглядела как потаскуха ради Айрин, но что им стоило подстроить похищение девушки? С чего она, вдруг, решила поверить, что Айрин что-то угрожает? Потому что ту всего лишь связали?

Максим точил зуб на меня. Хрен бы что сделал.

Я прокручивал всю историю вновь и вновь, терзал всех своих сотрудников опять и опять, но не мог найти ни одного вразумительного аргумента в пользу ее.

Даже про себя имя не могу произнести.

Она была и остается подельницей Максима. Никто и ничто не смогли переубедить меня в этом и вряд ли сможет.

Непроходящая злость на ее дала мне какой-то толчок. Вместо коньяка налил кофе и принялся поднимать остатки своей империи с колен. Все хуже некуда, но не смертельно. Что-то еще можно спасти.

До глубокой ночи на чистом упрямстве и кофеине разрабатывал карты заданий и планы на ближайшее полугодие. Брошенная матерью флешка постоянно маячила на периферии зрения, не позволяя полностью сосредоточиться.

— Дьявол, — вставил флеш-карту в ноут и запустил одно единственное видео.

Сразу не удалось рассмотреть, что именно я вижу на экране, но потом...

Внутри что-то оборвалось.

— Господи боже мой, — прошептал сам себе. Я думал, что мне было больно раньше? Нет. Стало по-настоящему хреново только сейчас, — господи боже мой...

Ноут полетел в стену. Не могу больше смотреть. Не смогу больше.

Там Есения, моя Сеня, она... Он избивал ее раз за разом, прикованную к батарее. Хрупкая фигурка пыталась сжаться в клубок, но ублюдок продолжал ее избивать.

На видео была дата. Та самая, когда он приволок ее на встречу со мной.

Внутри леденящее чувство вымораживало остатки мнимого спокойствия без остатка.

Думал, что хочется кричать, но резко затошнило.

— Она потом рассказала, — мать все это время не спала. Сейчас она поглаживала меня, развалившегося возле толчка после последних спазмов, по голове. — У Максима с кукухой не все в порядке.

— Она выглядела нормально, — сглатывая желчь, удалось выдать слова, — тогда, в ресторане.

— Прямо-таки нормально?

— Глаза красные были, очень.

— Упырь наложил искусный гримм, но лопнувшие сосуды как спрятать-то.

— Она не врала, — голова сейчас взорвется.

— Нет, не врала, — мать налила в стакан воды и протянула мне, — она — самая большая неудачница, встретившиеся мне на пути за всю мою жизнь. Но водитель хороший. Правда, врачом ей уже не быть, а жаль. Такая сильная мечта. Вас всех терпела ради нее.

Тошнота не прошла. Прогоняя новые позывы, заставил мать рассказать мне все. Абсолютно все. Называя ее имя.

Выпал первый снег.

Эта зачарованная машина времени, где росла и жила Сеня, стала выглядеть еще страннее. В конце лета здесь было полно народу, гирлянд, смеха и одуряющего аромата еды. Но сейчас все будто вымерло.

Не было видно любопытных лиц, выглядывающих из окон. Не было слышно переругивающихся из окон соседей. Не было света в окнах квартиры Сени, телефон которой отключен уже второй день.

— Как у такого дурака может быть столько денег?

— Что, простите? — Колоритный мужичок в ермолке и камуфляжной куртке стоял возле стены, закручивая самокрутку.

— Сеня говорит, что ты богатый. Но у дураков деньги не задерживаются. Вот и спрашиваю: как так?

Забавно. Я ведь и потерял миллиарды. Видимо, на самом деле дурак.

— Где Есения? Я не могу ее найти.

— Она здесь больше не живет, — мужичок затянулся самокруткой, щурив один глаз.

— Как? Здесь же ее дом.

— Продала, чтобы заплатить за какие-то виллы.

Не покидало ощущение, что он знает больше, чем пытается показать. И обо мне, и о Сене.

Она продала квартиру, чтобы выплатить компенсацию за Майбах.

Я кретин.

— Я вам должен ремонт Оки, — с усердием удалось сохранить невозмутимое выражение лица, — дядя Мойша, так?

— Это я для Сени дядя. Тебе я не друг.

— Вы мне скажете, где Сеня?

— Нет.

— Могу поговорить с Айрин?

— Нет.

— Но ремонт примите, — с улыбкой констатировал я.

— Ну так а как же?

Из подъезда начали выходить смутно знакомые лица. Причем весьма недружелюбные. Даже почтенный пенсионер с ходулями выглядел угрожающе.

Хотел было попросить передать Сене, что я ее искал, но по лицам видел — не передадут.

Пришлось вернуться в машину, которую выбрала Сеня, и уехать.

Она сменила номер. Айрин не брала трубку. Илья наверняка знает контакты Сени, но говорить отказывался.

— Босс, без обид, — улыбался мой охранник, — но сестренка только начала приходить в себя. Не надо ей это все. Да и имя ваше она слышать не желает.

— Я тебя уволю, если не дашь мне ее номер, — прошипел парню в лицо, готовый на самом деле выполнить свою угрозу, — и клянусь всеми святыми — работу ты больше не найдешь.

Взгляд Ильи заледенел, но улыбка с лица не сошла:

— И пусть. У моей дочери чудесная крестная, которая не даст ей пропасть. А остальное не важно.

Бесполезно о чем-то спрашивать.

Все мои сотрудники в ангаре вели себя абсолютно профессионально, то есть, игнорировали мой повышенный тон, с которым я разговаривал с парнем.

— Прошу, передай ей, что я ее искал.

Михалыч оставил службу сразу после увольнения Сени. Он тоже не расскажет. Илья временно исполняет обязанности главы безопасности, то есть, если он отдал приказ, никто из ребят ничего мне не скажет. Даже, если этот приказ противоречит моему. Не увольнять же всех. Хотя я готов.

Взгляд зацепился за разбитый Майбах, который Сеня начала восстанавливать. И за восстановление которого она заплатила. Вилли, так она его назвала.

— Леонид, Илья, в кабинет, — кивком указал на бывший кабинет Степана Михайлович, — дело есть.

— Это ужас, — выдохнула я, стоя перед зеркалом, — ты видела этот ужас?

— По-моему, ты перебарщиваешь, — плохо скрывая улыбку, Айрин осматривала мой зад.

— Ты просто не видишь этот ужас! На мне штаны не сошлись!

— Ты сколько круассанов умяла? — Уже откровенно смеясь, спросила она.

— Всего два!

— А после того, как принесли кофе?

Я заткнулась. Ну да, переборщила. Но мы находимся в свободной стране и можем есть столько круассанов, сколько захотим, так ведь?

Париж оказался... вонючим. Нет, вот правда! Есть отдельные романтические улочки, где народу столько, что резко лучше не останавливаться, — там да, там пахнет чудесно: терпким кофе, сливочной выпечкой и корицей. Сама же Сена оставляет небольшой осадочек в легких. Айрин говорит, что это все, потому что я ханжа с хандрой.

Но, когда выпал первый, пушистый снег, появилось некое очарование. Даже романтический флер, о котором все говорят.

В самый первый день в Париже мы обошли, кажется, все самое основное, что должен увидеть каждый уважающий себя турист. А вот на второй зависли в отеле с багетами, пармой и французскими комедиями. Нет, нам не надоел Париж, просто обе понатирали кошмарные мозоли, и ноги в натуральном смысле отваливались от боли.

Потом все же удалось взять себя в руки и перестать тратить время впустую. Мозоли никуда не делись, ноги так и продолжили отваливаться, мы действительно питались в основном французской выпечкой и кофеином, цены просто зашкаливали, но впервые за долгое время я, кажется, по-настоящему почти счастлива.

— У тебя телефон разрывается! — Крикнула Айрин через дверь в ванную.

— Уже бегу!

Раны на лице от того злополучного дня уже давно зажили, только на нижней губе остался небольшой шрамик. На память, так сказать. Я уже даже почти без содрогания и страха могу на него смотреть.

— Если ты попросишь привезти и тебе круассан, не надейся, я все съем по дороге, — вместо приветствия бросила Илье.

— Эх ты мелочь пролетарская, во Франции есть не только круассаны. Попробуй Шабишу дю Пуату с белым вином, потом, так уж и быть, позволю поблагодарить меня, — усмехнулся парень на том конце, — и не забудь корону для своей крестной дочери!

— Что он говорит? — Голос Айрин звучал глухо из-за того, что её голова застряла в вырезе свитера.

— Говорит, что мы должны попробовать какое-то Шашаша да Патата.

— Шабишу дю Пуату, — поправил Илье.

— Главное, я услышала слово “вино”, а остальное неважно. Ты ведь не советы позвонил раздавать?

— Да, тут... — парень замялся, — на работу выйти не хочешь?

Сердце пропустило удар.

— Куда?

— Не к нам, не бойся, — его голос опять стал прежним, — охранник одного высокого судьи спросил. Зарплата ниже, но работа спокойнее. Судья уже в достойном возрасте, жена такая же. Никаких ночных смен. Восьмичасовой рабочий день и все такое. Адекватно, короче.

— Ответ как скоро дать нужно?

— Когда вернешься, мелочь.

Вот как. До Парижа я размазывала слезы по лицу из-за отсутствия перспектив и громадных долгов, да ещё и квартиру пришлось продать, а сейчас вот... Спасибо Илье.

— Что там? — Айрин поправляла стрелки на раскосых глазах.

— Работу предложил.

— А?.. — Не задала вопрос подружка.

— Нет, — я и так поняла, что она хотела спросить.

Помешательство на Архарове начало проходить. Айрин наблюдала за всеми стадиями моего падения в бездну. Не причитала, не ругала его последними словами, а просто была незримо рядом. Да, она стала его ненавидеть. И ее злость на него передалась отчасти и мне, что очень сильно помогло.

Тупая боль никуда не делась, я ведь действительно имела глупость полюбить Марка, но в груди рядом с тоской созрела злость. Значит, ничего не значило, так? Пусть. Переживу. Но вот тот факт, что он и на секунду не задумался о моей невиновности, который вначале выдирает сердце наизнанку, теперь изрядно злил.

Еще считает себя умным.

Нет, я украдкой плакала по ночам. Но зареклась иметь хоть какие-то дела с Архаровым.

Я выше этого. Я ни в чем не виновата, а он не поверил. Ни на секунду. Унизил. Вот унижения я не прощу.

В церкви я чуть не подалась глупому чувству и не попыталась заговорить с ним, но ему было настолько противно находиться рядом со мной, что он просто ушел с такого праздника. И скатертью полоса ему.

А мы с Айрин рванули в Париж, правда, завтра уже назад.

***

— Степачка, ты спички купил?

— Да, баб Люд, — крикнула щуплой старушке, разуваясь.

С моими доходами, а точнее, их отсутствием, удалось найти только скромную комнату даже не в попе города, а, скорее, физиологически в том месте, куда доступ есть только у специалистов очень узкой направленности.

Баба Люда лично комнату не сдавала, скорее, ее внуки, но она, вроде не против. Тем более у них есть доверенность, договор подписали, пусть они и удивились, зачем мне комната с диваном, который оцетинился торчащими пружинами, но вопросов лишних не задавали. Сама же бабулька периодически считала меня ее покойным супругом Степаном, который упорно забывает купить то спички, то хлеб, то халву. Иногда я ее подружка Шурочка, а пару раз она думала, что я приведение. Просыпаться ночью от того, что тебя поливают святой водой и тычут свечой в лицо — такое себе удовольствие. Но комната стоит копейки. А сегодня дам ответ Илье, поднакоплю, потом съеду отсюда.

Мои друзья предлагали пожить у них, но с моей стороны было бы наглостью. Подозреваю, именно они и купили мою квартиру. Причем скинулись с вражеским домом. Другого ответа, как так быстро удалось продать свою халупу, у меня не находилось. А они не

кололись.

Но, был еще страх, что адвокаты Архарова ещё что-то предъявят. А у меня уже не хватит ни сил, ни финансов. То есть, я сбежала. Сбежала подальше, прямо к бабушке, которая сейчас тыкала в меня одеколоном с говорящим названием “Игорь”. Это она мне подарок купила.

“Я дома” — Отправила дежурную смс Айрин.

В Париж много вещей не брала, можно даже особо ничего не распаковывать.

— Баб Зин, — позвала хозяюку.

— Да, Шурочка? — Старушка щербато улыбнулась, выглядывая из кухни.

— Я вам Шушу-мушу привезла.

— Ась?

— Сыр, говорю, козий привезла! — Крикнула уже достаточно громко, и в стену моментально раздалась раздраженные стуки соседей, отчего со стены дежурно свалилась поблекшая иконка, которую баба Люба прицепила обратно.

Добро пожаловать домой, Сеня.

***

— Поздравляю! — почти прокричал Илья в трубку.

— Спашибо, — прошепила в ответ, зажимая блинчик с ливеркой в зубах, — откровенно гофоря, там не было нишего сложного.

Работу я на самом деле получила быстро. Все таки, опыт у Архарова дал о себе знать. Было страшно, что шумиха в СМИ обо всей этой истории будет неким клеймом на моей репутации. Но Иосиф Штеймлер — тот самый судья, который оставил свой след в международном праве, казалось, даже и не слышал ни о чем таком.

После собеседования я в нетерпении нырнула на просторы интернета, но не нашла ничего. То есть, совсем ничего о такой невероятной истории. Только сухие сводки о падении акций Архаровского холдинга.

Помнится мне, в самом начале, когда я была еще в больнице, что-то уже в прессе начинало раздуваться. Видимо, Марку хватило ударов по репутации, и он просунул свои длинющие руки настолько далеко, что информации не осталось даже во всемирной сети.

На следующий день господин Штеймлер уже ждал меня у подъезда элитного дома. Я-то приехала вовремя, но, кажется, надо приезжать ещё несколько раньше.

— Доброе утро, — улыбнулась новому боссу, распахивая заднюю пассажирскую дверь.

— Моя жена, Любовь Стефановна, приготовила вам кофе, Есенечка, — дружелюбно улыбнулся старичок, тем не менее, окидывая меня цепким взглядом, — таки смотрит сейчас из окна, дабы убедиться, отдал ли я его.

Вслед за судьей обернулась на окна многоэтажки. За темными шторами второго этажа увидела молоджавую женщину со строгим прищуром. Иосиф Робертович не сводя взгляда со своей жены протянул мне термокружку, которую я, так же не сводя взгляда с его жены, приняла.

Наверное, все начальники всего мира с прибабахом. Но этот хотя бы милый. Тем более у бабы Зины места для Эдмундо не нашлось. Этот факт причинял мне боль. Плюс ко всему, моя хозяйка была против кофеина, потому что «Степочка, а давление ж?».

Господин Штеймлер не был против напитков за рулем. А кофе был очень даже ничего, хоть еще и горячий. Не любовь от Эдмундо, конечно, но все же лучше, чем черный чай, который окрашивал в такой же черный цвет и зубы, и настроение.

Настроение стало почти сносным, как на нашу полосу выскочил какой-то идиот, жестко подрезав.

— Вот, дьявол! — Воскликнула я, облившись уж очень горячим кофе.

— Есенечка, вы в порядке?

— Да, — бросила взгляд в боковое зеркало, вроде, аварийную ситуацию не создали, — извините.

В первый момент обратила внимание только на саму дистанцию и стояночные огни, а вот сейчас присмотрелась на подрезавшую нас машину. Сердце ушло в пятки. Это был тот самый Мерседес, который я выбирала для Архарова. Да это и есть Мерседес Архарова!

— Вот сучий потрох, — процедила сквозь зубы удаляющейся машине.

— Что вы сказали? — Господин Штеймлер пододвинулся на край сидения.

Меня уволят в первый же рабочий день. Хотя бы потому, что я зарекомендовала себя как исполнительная и сдержанная, но то, что я сейчас сделаю, перечеркнет весь тот светлый облик, который новый начальник пока еще видит перед собой.

Поток достаточно плотный, но быстрый.

— Извините, господин Штеймлер, — бросила почти бывшему начальству, и выскочила на левую полосу.

Мерседес опередила быстро. Теперь я уже подрезала нахала. Мне показалось этого недостаточно. Вся злость на Архарова, клубившееся в груди, радостной змеей выползала наружу.

— Что вы делаете?! — Воскликнул господин Штеймлер, держась за дверной поручень и свой портфель.

Мерседес даже не среагировал. Начала его оттормаживать. Так поступают только отморозки, и я.

Машина Архарова вильнула в свободную правую полосу, а я перед ним и опять заставила притормозить. Он ушел обратное влево — я перед ним. Даже послышался визг покрышек.

Впереди показалась дорожно-постовая. Пора завязывать.

Мерседес сзади возмущенно посигналил. А я опустила боковое окно и вытянула руку с оттопыренным средним пальцем вверх.

Вот теперь все.

— Прошу прощения, — наконец произнесла, оторвавшись от машины Архарова в две улицы.

— Ну, вы лютая мне попалась, — довольно хихикал Штеймлер на заднем сидении, — пожалуй, отзову вакансию на охранника, а вам начну приплачивать сверху.

У господина Штеймлера сегодня целый день судебные процессы, а мне, чтобы не торчать зимой на парковке, разрешили подождать в старинном здании международного суда.

Уже к обеду я чуть ли не на стену лезла от скуки. Телефон почти разрядился, зарядное устройство, естественно, забыла в своей камерке. Секретари здесь какие-то сухие и не разговорчивые.

— Сходите в ресторан за обедом для Иосифа Робертовича? — Ко мне подошла секретарь с корпоративной картой и списком блюд.

Радостная я выскочила из здания суда несколько быстрее, чем позволяют правила приличия и со всего размаха врезалась носом в грудь высокого мужчины.

— Прощу прощения, — дежурно проговорила и замолчала.

Возвышаясь каменной статуей, на меня хмуро сверху вниз смотрел Архаров. Встретить на дороге — это одно, но вот нос к носу... У меня таких планов не было. И я не была готова. Злость мгновенно сменилась тоской и щемящей болью в груди.

Моему воспаленному мозгу на миг даже показалось, что такую же тоску я увидела в глубине черных, моих любимых глаз.

Бред.

— Добрый день, Марк Васильевич, — максимально вежливо-отстраненно проговорила ему, будто не я утром устроила им Безумного Макса да еще и с неприличными жестами. Кубок мне! Нет, Оскара несите! Даже ноги вспотели, слишком тяжело далась мне эта простая фраза.

Архаров нахмурился чуть больше и открыл было рот, чтобы что-то произнести, но я рванула подальше от него. Максимально быстро, но максимально прилично. Не готова слышать его голос настолько близко. И уж тем более не готова выслушивать поток обвинений в свой адрес. Я почти стала забывать его, а сейчас все откатилось обратно.

Так нечестно.

Пробежала всего с десятков метров, как увидела вылезавшего из машины Леонида. Вот он улыбался искренне и даже распростер руки в стороны, приглашая в объятия.

— Как тебя на дорогу-то выпустили? — Пожурил он.

— А почему тебе права купили, а ездить купить забыли? — Шагнула в дружеские объятия бывшего коллеги.

Спиной чувствовала тяжелый взгляд Марка. Все мое мужество ушло на то, чтобы не обернуться, а продолжить приятельский, пустой разговор с Леонидом.

Когда, наконец, отошла от бывшего коллеги, не выдержала и все же обернулась.

Архарова уже не было.

— Признавайтесь, вы все это нарочно придумали, а сейчас просто надо мной издеваетесь!

Мы с бывшими соседями собрались в уютной гостиной тети Розы и дяди Мойши. Прошло почти два месяца с тех пор, как я продала квартиру для выплаты долга по Вилли, и почти неделя, как устроилась на работу к судье. И только сейчас впервые пришла в гости. Боялась, что станет очень грустно, но новости, которые преподнесли мои возмущенные друзья, отодвинули грусть и печаль на задний план.

— Как это вас переселяют, а дома под снос? — Уставилась на Айрин.

— Они сказали, что дома в аварийном состоянии, — Айрин уселась на подушку на полу, все другие места были уже заняты, — у городского бюджета нет средств на капитальный ремонт. Все под снос.

— Как же так, — пробормотала я в бокал с вином, — а вас в один дом поселят?

— Да кто ж там знает, — махнула рукой тетя Роза, смахивая слезы, — мы теперь сами по себе останемся.

Как же так? Наш маленький, но такой чудесный мир пытаются отнять. Снесут, а на его месте отстроят какой-нибудь очередной торговый центр для кучек молодежи и массмаркета. Это неправильно. Это очень неправильно и жестоко по отношению к нам всем. Я-то мечтала подзаработать денег и вернуться. Или вначале восстановиться в медухе, но в конечном итоге все равно вернуться сюда.

— Сенечка, — ко мне подседа бабушка Айрин, — а твой прошлый работодатель, он как, общаетесь?

Сколько бы сама себе не врала, но сердце все же каждый раз екает при упоминании его.

— Нет, — буркнула под нос, — и он не поможет.

Тем более, я еще не расплатилась по старым долгам. Ему же.

Тетя Айнюра грустно вздохнула. Ее все поддержали такими же вздохами. Может, это я как-то сглазила тем, что восхищалась нашим мирком? Хотя, нет. Таким сглазить невозможно. А вот тогда, когда я смазывала жуткопахнувшим составом следы от укусов клопов, которые пустили корни в матрасе бабы Люды, думая про себя: «Хуже быть просто не может» — вот тогда, наверное, я и запустила разрушающую лавину во Вселенной.

Где-то в голове засела стойкая мысль, что, если всех моих друзей отсюда выгонят, то они резко постареют и исчезнут навсегда, а я потеряю свой дом, в который можно вернуться.

Столько всего здесь произошло, столько людей видели эти стены, а уж какие руки построили его...

— Народ, а вы помните тётку Федору? — Меня резко осенило, но мысль не сформировалось до конца.

— Которая угрожала своему будущему мужу топором, чтобы тот женился на ней?

— Разве только ему? Она там троим под нос топор-таки всунула, — дядя Мойша закинул в рот виноградинку, сладко прищурившись.

— А вышла-то за кого? Я уж и не помню, не видно никогда было.

— Так за такого и вышла, что видно не было. А чего ты спрашиваешь?

— Она, вроде, рассказывала, что её муж и проектировал эти дома, — я отставила в сторону бокал вина и начала тараторить, пока завладела вниманием всех

присутствующих, — и...

— Да, точно! — В гостиную зашла тетя Роза, преследуемая ароматом свежих пирожков с капустой, — забыла, как его там. Он ещё какие-то награды получал.

— Награды? — Айрин вскинула голову.

— Вот и я про это же! Что, если наши дома представляют собой историческую ценность?

— Но право на их выкуп уже приобрел какой-то застройщик, — Айрин вновь наполнила мой бокал вином, — значит, здания не представляют собой никакой исторической или архитектурной ценности.

— А за спрос-таки бьют что ли? — Неосознанно переняла манеру дяди Мойши. — Может, никто не проверял? Имя у него вряд ли громкое.

— А ты знаешь, как проверить?

Все резко замолчали, даже не дожевав закуски.

Тетя Роза подошла к гляцевому шкафу-стенке, где хранила хрусталь, дорогостоящие лекарства, кажется, свою записку и еще кучу всего ценного.

— А ты все спрашивал, чего я дурью маюсь, — бормотала она себе под нос, листая крошечные странички маленькой записной книжки, — сей час вы меня все благодарить будете.

У тети Розы, как выяснилось, в федеральном архиве работала одноклассница, а потом и сокурсница. Когда они были в стройотряде, наша тетя Роза одолжила той аж целых пятьдесят пять рублей, которые последняя так и не вернула. А вот если учесть инфляцию, то... Но она это вспомнила так, к слову.

— Сейчас уже поздно ей звонить, — заглушив общий гомон голосов, напомнила я соседям.

— Так сообщение написать можно, — деловито заметил дядя Мойша.

Было решено отправиться в федеральный архив мне и Айрин, но с утра все планы изменились: мы настолько засиделись, что с утра проспали даже пенсионеры. А мне вообще на работу надо было лететь.

Возле здания суда заметила до боли знакомый мерседес. Иосиф Штеймлер никогда не любил, когда я открывала ему дверцы машины, на этот раз делать этого я даже не пыталась.

Не факт, что в салоне нового мерседеса находился Архаров, но некое шестое чувство пыталась избегать его во что бы то ни стало.

Почти сползла с сиденья, пока отгоняла авто на парковку. Подальше от машины Архарова. Глупо думать, что тот прямо-таки бросится ко мне с кучей постановлений и предписаний, в которых прописан мой приговор «выплатить» или «не приближаться». Да, меркантильный интерес не встрять в ещё большие долги преобладал над разбитой гордостью не попадаться на глаза тому, кто выставил меня на улицу.

Резко раздался видеовывод. Настолько резко для меня, сканирующей территорию, что я даже подпрыгнула на сиденье.

— Чего ты так громко звонишь? — Возмутилась улыбающейся на экране Айрин.

— Кажешься, мы кое-что нашли!

— Это что, там банка с супом у тебя за спиной?

— Да, котлеты с макаронами мы уже съели.

Айрин перевела камеру. На изображении было видно, как команда по спасению домов разделилась на два лагеря: тех, кто среди стеллажей и папок бесстыдно хихикает и попивает

чай с булочками, и тех, кто сладко сопит среди тех же стеллажей и папок.

— Тут целая канитель намечается: подать прошение на проверку, подать заявление комиссии, дожидаться ту самую комиссию, причем все госпошины ложатся на нас. Кажется.

— То есть, у нас может получиться? — Я даже привстала от воодушевления.

— Не факт, — Айрин в задумчивости прикусила губу, — это просто здание именитого архитектора. А среди всех именитых архитекторов он даже в сотку не войдет, просто... Можно начать, а там посмотрим.

Айрин по характеру сорвиголова. Если бы мы были в каком-нибудь тупом американском фильме, она бы была одной из тех подружек главных героинь, которые пользуются любовью зрителей больше, чем сами главные героини. Эдакие умные и с перчинкой, по типу палец в рот не клади, особенно на фоне бесхребетных соплежук.

О Боже... Я же и есть та самая герония-соплежуйка, подруга которой вытаскивает на себе весь фильм. Хотя бы сейчас на меня посмотреть. Вот что я делаю? Прячусь на парковке от человека, которому на меня скорее всего полностью начхать. А вспомнить, как Айрин вытаскивала меня из депрессии? Ну рассталась с мужчиной, и что? Проблем хуже в этом мире не существует, что ли? Я бы на ее месте мне бы втащила. От души так, чтобы мозг на место встал.

— Ты чего там растоналась? — Айрин поставила телефон на что-то мне невидимое, теперь я четко видела, как она легла головой на локти, растекшись по старому столу с облупленным лаком.

— Ты знаешь, что я тебя люблю?

— Знаю, крошка.

— Ты знаешь, что я размазня?

— Наблюдала, мне не понравилось.

— Мы что-нибудь придумаем с этим домом. Пока не пишите никуда, — задумчиво протянула я, глядя на кусты-ограждения парковки у здания суда.

— Ты выглядишь так, будто у тебя есть идея, — Айрин даже подскочила на месте, задев стол, отчего телефон шлепнулся, явив мне потолок в побелке.

— Пока только в зародыше, даже в слова оформить не получается.

Вот странно, буквально секунду назад в голове роились идеи, которые пропали как по хлопку в тот момент, когда Айрин отключилась. И я просто сидела и смотрела на кусты, время от времени делая глотки крепкого кофе. Кстати, от Эдмундо. Тетя Роза за ним присматривает.

Люди часто говорят про «черные полосы». Вроде, как после них обещаны белые. Что-то мне подсказывает, что слова той песни были очень даже правдивы: «здесь любая полоса на любителя».

Как же чешутся укусы клопов.

Да еще и на лице. Сейчас-то все самое страшное прикрывают волосы, но совсем скоро моим ликом можно будет вытаскивать кошельки прохожих в темных подворотнях. Или устроиться коллектором. Или...

Мысль в заготовке роилась на периферии сознания. Когда я так и не встретила Архарова, я почти поймала ее за хвост. Когда возила господина Штей млера по встречам, казалось, она уже даже сформировалась, вот только, наверное, где-то ну очень глубоко в подсознании.

Когда уже в своей временной норке я лежала без сил, уставившись в потолок, та самая идея, кажется, начала, наконец, обретать здоровые формы. А, может, сработал аккомпанемент бабы Люды, которая читала какую-то молитву надо мной со свечкой в руках, но суть от этого не меняется.

Идея родилась. Но мне нужна Айрин.

— Ты сумасшедшая, — в который раз повторяла Айрин, пока мы шагали за секретарем по откровенно вызывающему цыганским шиком коридору.

Как строительная компания может страдать такой безвкусицей? Повсюду позолота, коричневая кожа, инкрустация под бриллиант, тяжеленая хрустальная люстра, от которой становилось тяжело дышать.

— Есть идеи лучше? — Возмущенно шикнула на подругу.

Наши жильцы на днях получили уведомления о выселении. Обычно этот процесс занимал от нескольких месяцев до года, так сказал Штеймлер. Та идея, которая родилась, была сырой и наивной, она просто заключалась в блефе. Прошла всего неделя с тех пор, как я узнала, что моих друзей выселяют, а свой прежний дом я могу и не вернуть. И всего три дня, как мои жильцы получили уведомления покинуть дома в течение месяца. И расселяли их по разным уголкам области.

Штеймлер сказал, что мой блеф может сработать. Еще и снабдил некоторыми инструкциями.

— Мне не в лом давить на жадность застройщиков, но что, если не проканает? — Никогда не видела, чтобы Айрин настолько боялась чего-то.

— Не работает, придумаем что-то еще, — чуть более резко, чем должна была, ответила я. Мы уже подходили к высоким двустворчатым дверям, покрытым резьбой и... позолотой.

Все просто: мы предоставляем все, что нашли, что может доказать архитектурную ценность дома. Будем давить СМИ и шумихой, а главное — временем. Комиссия может годами доказывать статус архитектурной ценности здания, а им нужно побыстрее. Да и райончик на самом деле — не самый лакомый. Из-за болотистой почвы что-то серьезное там не построишь. Нужно переделывать все коммуникации, общественный транспорт оставляет желать лучшего. Да, недалеко от центра, но это единственный положительный момент.

Айрин мне что-то продолжала шептать, пока в глубине души я молилась всем богам и звездам, чтобы план сработал. Потому что, вряд ли мы придумаем что-то получше, а такая история не должна закончиться разлукой моих друзей.

— Марк Васильевич, — сказала секретарша вглубь кабинета, открыв дверь, — встреча на десять.

А мы с Айрин так и остались стоять в дверном проеме, разинув рты.

Как мыши за дудочником, мы с Айрин прошли за наши места на другом конце от Архарова стола.

Айрин время от времени бросала на меня косые взгляды, а я же приказала крови не отхлывивать от моего лица. Не хватало еще бледнеть перед ним, как кисейная барышня.

Мне даже удалось сухо поздороваться со всеми присутствующими: помимо Марка, в огромном зале находилось еще двое мужчин, которые рассматривали нас с Айрин, как я клопов в квартиры бабы Люды. В отличие от Архарова...

Черные глаза смотрели прямо на меня неотрывно. Даже как-то злобно. Хотя нет, скорее жестко.

Айрин кашлянула и незаметно ущипнула меня за коленку.

— Иосиф Аркадьевич лично просил о встрече с вами, — завел беседу тот, что справа от Архарова скрипучим голосом, — мы согласились лишь из уважения к нему. Итак, мы вас слушаем, юные леди.

Вот так нас резко и припечатали тем, что мы ещё маленькие несмышлениши, да еще и одолжение нам сделали.

Хорошо, что Айрин была рядом. Начать речь четким голосом у меня не получилось бы ни за что, а вот моя подруга, проигнорировав снисходительный тон архаровского подпевалы, очень бойко стала выкладывать все то, что мы подготовили.

А я же продолжала смотреть в черные глаза Марка. Даже перестала слушать диалог Айрин и двух мужчин, который мало по малу перерастал в спор.

Если в самом начале внутри меня тоскливые эмоции почти заставили сердце плакать, то сейчас они все стали переоплощаться в нечто иное.

В ярость.

Архаров не слушал спор присутствующих, впрочем, как и я. Он даже слегка улыбнулся, откинувшись в кресле, продолжая рассматривать меня, как бабочку на булавке.

— Хватит.

Мой голос был гораздо тише, но сработал как ушат холодной воды.

— Что ты делаешь? — Шепотом спросила Айрин, — у меня стало получаться.

Я ей не ответила. Зато тихим, нахальным смешком ответил тот, что слева.

— Мы еще не спросили господина Архарова о его планах, — мой голос сочился медом, я даже улыбнулась

Кажется, в его черных глазах проскочило удивление.

— Что на этот раз, Марк Васильевич? — Сидеть я больше не могла. — Вызовите полицию? На сколько метров мне запрещено приближаться к вам?

— Сень, не надо, — он впервые сказал хоть что-то с тех пор, когда начался этот цирк.

— Вы ведь знали, Марк Васильевич, что я здесь буду, но решили остаться, чтобы я нарушила предписание, не так ли? — Я уже медленно обходила огромный овальный стол.

— Нет.

— Мало повеселились? Пришел срок очередного платежа за Майбах?

— Я отозвал требование о возмещении.

— Какое благородство! Он отозвал! — Я почти поклонилась, — зато решил отобрать дом у меня и моих друзей.

— Сень, все не так.

— Марк Васильевич, — подала голос секретарь, непонимающе наблюдая, как я все ближе подходила к Архарову, сжимая кулаки, — мне вызвать охрану?

— Конечно, вызывай, красавица, — вместо Марка ответила я, — пусть тоже посмотрят на грандиозное представление, которое я сейчас устрою.

Я резко повернулась к Архарову, замахнувшись рукой, сжатой в кулак, которую тот перехватил.

Начался хаос. Айрин что-то вскрикнула, секретарь начала кому-то звонить, Марк твердо удерживал мою руку.

Какая-то красная пелена застила мне глаза. Я Марку еле доставала до подбородка, да и в комплекции ему уступаю. Но внутри вся боль вылилась в желание сделать ему больно. Не так, как причинил боль он мне, настолько сильно не получится. Хотя бы физически.

— Сень, хватит! — Архаров встряхнул меня за плечи.

— А не то что? — Рывкнула ему в лицо, — что еще ты можешь мне сделать? Ты уже исчерпал весь свой арсенал, у меня больше нет ничего, что ты можешь забрать!

Я замахнулась ногой, как почувствовала еще одну пару рук на себе. Кажется, подоспела охрана.

— Все вон!

Тон Архарова не предвещал ничего хорошего. Все присутствующие моментально его послушались, оставив нас наедине.

Я сбросила его руки с плеч.

Сдула челку со лба.

Зачем-то поправила шерстяное платье.

За каждым движением Архаров наблюдал очень внимательно.

— Не буду больше пытаться тебя бить.

— Я ничего не хочу у тебя отбирать, — тихо сказал он.

— Ой, да неужели? — Еще немного и у меня начнется истерика. — А это тогда что? Как ты вообще оказался в этой компании?

— Я не знал, как еще добраться до тебя, Сень.

— Есения, — поправила его сквозь зубы, — для вас, Марк Васильевич, я Есения. Я когда-то уже говорила, что ничего плохого вам не делала, вы мне не поверили, — на мои слова Архаров собрался что-то сказать, только на этот раз я не могла позволить ему взять вверх, — но вот сейчас вы мне поверите: вы отзываете своих собак, иначе я устрою вам ад на земле. Мне действительно больше нечего терять в этой жизни.

Я чувствовала его дыхание на своем лице. Где-то в глубине души робко дернулось то самое чувство, которое я пыталась похоронить так долго. Плевать. Я обращалась к нему то на «ты», то на «вы», выдавая свое истеричное состояние — тоже плевать.

У него на лице была такая тоска, что на секунду мне на самом деле хотелось его выслушать. Но не посмею.

Марк попытался протянуть ко мне руку, а я отступила.

Не надо мне разбираться в его мотивах. Скорее всего, Зинаида Александровна его зачем-то убедила отозвать требование по выплате по Вилли. Что-то мне подсказывало, что и снос домов с расселением он теперь остановит, тоже по ее просьбе.

Не хочу разбираться в этом. Вся скорлупа, которой я силой воли покрылась в попытке защититься, сейчас готова дать трещину. Я не могу позволить себе расплакаться на его глазах опять.

Неважно, что он мне скажет. Надо быстрее уходить.

— Есения, подожди, — рвано выдохнул Марк, когда я от него отвернулась и направилась к двери.

Но я не повернулась.

Королева драмы, мать ее.

— Я не хочу здесь оставаться, — Айрин осматривала халупу, которую я называла своим домом, брезгливым взглядом, — здесь, наверное, тараканы водятся.

— Нет, — буркнула я, — только клопы.

Мне хотелось залезть в душ и согреться в горячей воде, но, во-первых, Айрин увязалась за мной и не отходила ни на шаг, а во-вторых, баба Люда купает там свой чайный гриб — слизкую и дурнопахнущую мерзость.

Айрин никак не прокомментировала то, что я устроила. Когда нам позвонила тетя Роза, она туманно ответила «кажется, получилось».

А я пыталась осознать, что я натворила:

— Меня теперь посадят, да? У меня нет денег оплатить штраф за нарушение предписания.

— Не думаю, что на этот раз он что-то имеет против тебя, — как-то неуверенно ответила подружка.

Мы больше не поднимали тему моей истерики. Айрин хотела остаться со мной на ночь. Но после того, как она больно приземлила свою пятую точку на острую пружину, принялась уговаривать меня переехать к ней.

— Я не хочу выплывать на жалости и слепом везении, пойми, — в очередной раз говорила я ей. Мы не в первый раз поднимали эту тему с тех пор, как я съехала. Просто Айрин впервые увидела, где я живу, — я просто хочу все наладить и вернуться верхом на коне.

— Мне теперь кошмары будут сниться, как тебя съедают клопы, а чокнутая старушка расчленяет твое бедное тело в ванне.

— Ой, да брось. Баба Люда золотко, а не старушка.

— Она уже минут двадцать стоит в дверном проеме и сверлит меня глазами. И крестится.

— Она думает, что ты ее покойная подруга.

Господин Штеймлер не отдавал мне машину на ночь. Каждое утро я вставала в пять часов, чтобы добраться до его дома, где на посту охраны брала ключ от авто и ждала, когда он выйдет.

Этим морозным утром я также выбежала из дома, на ходу дожевывая бутерброд и попивая растворимый кофе (до чего я докатилась?) из термокружки, как почти врезалась в припаркованный почти вплотную автомобиль. То есть, естественно, его не подогнали к двери подъезда, просто здесь вообще машины никто никогда не ставит. Слишком узкое пространство.

Я уже почти обошла его, как резко остановилась, как вкопанная.

— Вилли?

Передо мной стоял красавец майбах. Полностью восстановленный. По крайней мере, так казалось снаружи.

Только сейчас воровато осмотрелась. Половина фонарей не работало, но все равно казалось, что вокруг никого. И в заглушенной машине — тоже.

Мысленно одернула себя. Мне какое дело? Не хочу разбираться, что творится в голове у Марка, и зачем пригнали сюда машину.

Я уже отошла на приличное расстояние, как моя глупая жалость заставила обернуться. Вилли стоял брошенный, покрываясь снегом, как инопланетянин в этом ветхом, грязном дворе.

Не знаю, откуда у меня эта глупая привычка давать предметам имена, но каждый раз, я будто нахожу в них душу. Логически понимаю, что это просто кусок металла, но сердцем казалось, будто я предаю товарища. А что, если с Вилли снимут колеса? А что, если кто-нибудь его поцарапает?

Надо хотя бы позвонить ребятам и узнать, что он вообще здесь делает.

Как мама-коршун, подлетела к машине, уже набирала номер Ильи, но заметила, что двери не заблокированы, а на сиденье валяется ключ и записка.

Размышляла не долго.

Резво нырнула в салон автомобиля, отрезая от себя вездесущие снежинки.

«Он по праву твой» — вот и все, что было в записке.

Внутри разлилось тепло. Я, дурочка, действительно скучала по Вилли. Транспорта лучше его человечество не в силах придумать. И уж тем более, в сердце поселилась щемящая радость, что его восстановили.

Но ледяная реальность быстро остудила голову. Его содержание мне не по карману. Я не разбираюсь во всех юридических тонкостях, но что, если мне выдвинут очередное обвинение? В угоне или еще в чем?

Зло завела двигатель. Даже слезы навернулись от несправедливости всего происходящего. И от того, что я вообще не понимаю, что происходит.

Быстро вытерла мокрые глаза и стала выезжать задним ходом со двора.

Я скучала по тебе, Вилли. Но мне от Архарова ничего не нужно. Тем более, по всей видимости, он со мной еще не закончил.

В каком-то нелогичном страхе подъезжала к своему бывшему месту работы. Не было какой-то ностальгии, только горечь позора от всей той истории, которая со мной произошла.

В это время ребята как раз должны подтягиваться в ангару, но на подъезде было пусто. Из будки охраны вышел незнакомый мне парень, который явно узнал машину, но ничем не выдал удивления, когда увидел меня, выходящую из авто.

Я просто молча отдала ему ключ, и быстро побежала к станции метро. На работу уже жестко опаздываю, но на такси нет денег.

— Баб Люд, — крикнула я, заходя в квартиру, — ливерки не было, но я купила вареную колбасу и сыр! Притворимся, что это ветчина.

Она еще пару дней назад стенала, что соскучилась по блинчикам с ливерной колбасой, которые я так вкусно готовила. Но я-то ни разу их не готовила ей.

Обычно, баба Людя отвечала из глубины четырехкомнатной квартиры сразу или вовсе встречала в коридоре. Но не в этот раз.

Только сейчас заметила мужские ботинки в коридоре и тихие голоса, доносящиеся с кухни.

— Баб Люд? — Тревожно позвала ее, направляясь к голосам.

В последнее время меня жизнь не радовала хорошими новостями, вот и сейчас боялась, что что-то произошло. Да что угодно. Гостей у бабы Людя не бывает. Даже ее дети и внуки не навещали бедную старушку. Сняв комнату здесь, я, в том числе, подписалась в няньки. Меня напрямую спрашивали, как я справляюсь с уходом за пенсионеркой.

— Что вы здесь делаете? — Я застыла как вкопанная, глядя на Архарова, который

спокойно расселся на колченогой табуретке, вытянув стройные ноги. Мимолетом злорадно про себя отметила, что он выбрал тот самый стул, который в зависимости от фазы луны разваливается прямо под пятой точкой.

Я-то умею на нем сидеть, надо пяткой подпирать ножку, которая вымазана белой краской.

Марк смотрелся в этой ветхой комнате точно так же, как утром Вилли во дворе — инородно. Только сейчас заметила влажные волосы и фланелевую рубашку на нем.

Я никогда прежде его не видела таким расслабленным. Может быть однажды, когда мы были вместе, но он был еще такой... Приземленный.

— Игорь прочищал вентиляцию, на него столько пыли с паутиной свалилось, — причитала баба Люда, подливая «Игорю» чай в кружку. Мою, между прочим, — а вот если бы прочистил тогда, когда я просила, было бы проще.

— Игорю другое кое-что прочистить надо, — опять во мне эта необоснованная бравада, типа, не он пару месяцев назад жестко припечатал меня к стене долгами и полицией.

— Может, вы снимете верхнюю одежду, Есения? Сейчас под вами будет лужа, — и опять я не готова к этому тягучему голосу и бархатному взгляду черных глаз.

— Нет, — мне было до жути душно, но с детским упрямством я просто облокотилась о холодильник, который тут же пошатнулся, возмущившись звоном внутренностей, и скрестила руки на груди, уставившись на Архарова с немым вопросом.

— Я пришел поговорить в более спокойной обстановке, — он вытянулся еще больше, отчего табуретка опасно закрипела, но вполне себе устояла, к моему разочарованию.

— Говорите.

— Наедине, — сказал он нетерпеливо, но потом смягчился, — пожалуйста... Есения.

Ну что ж. Всеми своими поступками в последнее время он явно пытался что-то до меня донести. Я еще вчера позвонила приставу и узнала, что требование по выплате на Вилли на самом деле было отозвано гораздо раньше, чем я узнала. Просто уведомление я не получила, а до меня не смогли дозвониться.

— Баб Люд, пойдем, включу вам Жади, — я черти знает сколько потратила времени, чтобы найти все серии на кассетах.

Может, это усталость за день, а может, вчерашняя истерика выжала из меня все эмоции. Но усаживала старушку на диван вполне неторопливо. Также неспеша сходила переодеться в домашнюю одежду, укрыла пледом колени бабы Люды, принесла ей чай с вареньем, и лишь потом уделила внимание Архарову, который все это время наблюдал за мной. Ну, кроме той части с переодеванием.

— Итак, слушаю.

— Я принес конфет с лесным орехом, но осталась только коробка.

Зря он показал сладкое бабе Люде. Ей-то много его и нельзя. Сердце.

Архаров просто стоял и всматривался в мое лицо, что-то пытаюсь найти там. Но молчание прерывать я не спешила.

— Я сдержал обещание и отремонтировал Оку дяди Мойши.

— Он вам не друг, вы не имеете право называть его дядей.

— Он сказал мне то же самое, — хмыкнул Марк, и мы вновь замолчали.

Что-то мне подсказывало, что он не соврал, когда сказал, будто всю эту эпопею с выкупом домов для сноса он провернул только чтобы поговорить со мной.

Илья пару раз говорил, что Марк меня ищет, но я боялась его как огня. Но вот сейчас

чего он хочет? Неужели на самом деле узнал, что я тогда его не предавала? Пришел только для того, чтобы извиниться? Мог бы прислать цветы с запиской, а не сидеть в этом клоповнике, нацепив вместо своих итальянских рубашек ту, что была сшита еще при Сталине.

— Сень, я хочу попросить прощения, — выдохнул он, приближаясь ко мне.

Ай да Сень, ай да молодец. Сегодня самый жирный блинчик твой.

— Я вас прощаю, Марк Васильевич, — просто сказала я, — спасибо, что уделили время сказать это лично.

Марк отшатнулся и выругался сквозь зубы. А я так и осталась стоять.

— За всю свою жизнь я много ошибок совершил, — он невесело улыбнулся, упав на ту чертову табуретку, которая разваливалась подо мной каждый раз при полной луне, но стойко выдерживала вес крупного мужчины, так несправедливо, — за каждую ошибку платил сполна. Но с возрастом совершал их все меньше. Строил империю, как сумасшедший, окружил себя армией верных людей, чтобы никто не посмел отобрать то, что принадлежит мне. И по своей же ревливой тупости потерял самое дорогое, что у меня было, — он опять посмотрел мне в глаза, — тебя.

Я продолжила молча стоять. Но не из-за гордости, а из-за глупого шока. Сейчас я смотрела на бывшего босса сверху. А он, чуть сгорбившись, оперев локти в колени, с невыразимой тоской пытался что-то найти в моих глазах.

Ну почему сердце все еще захлебывалось от дурацкой любви к нему? Он просто уйдет, оставив мою жизнь опять в руинах, я это точно знаю, а мне лишь останется опуститься еще глубже на дно в очередной попытке склеить себя и жизнь по кусочкам.

— Я никогда никого не любил. Я как самый последний идиот не знал, как с этим жить. В тот день, — я машинально поморщилась, а он скользнул взглядом по шрамику на моей губе, — я хотел либо сдохнуть на месте, либо погнаться за тобой, вырвать у него из рук, а потом убить тебя. Я думал, что ты размазала меня по стенке, но потом сдохнул сам, осознав, что я разрушил все своими же руками. И проклиная себя каждую секунду, глядя на то, что сотворил с тобой.

Марк поднялся и приблизился ко мне. Все мои мышцы окаменели, не позволили мне отшатнуться, когда его пальцы прикоснулись к моей щеке. Но он лишь смахнул слезинку. А я даже не заметила, что начала тихо плакать.

— Мне в руки попало самое чудесное, что может быть в этом проклятом мире, а я сломал это чудо. Прогнал тебя, вырвав сердце из груди. Сенья, я люблю тебя. Пожалуйста, прости меня.

Сердце сковало тупой болью.

Я точно буду гордиться собой. Или буду проклинать себя, не знаю:

— Как я уже сказала, Марк Васильевич, я вас прощаю. Спасибо за все.

Вместо ответа, он грустно улыбнулся.

А потом ушел.

Я его не провожала, просто услышала, как закрылась дверь с дурацким колокольчиком.

Кажется, только что я вырвала свое сердце.

— Стоп, — дядя Мойша резко прервал рассказ, — никогда не поверю, что Марк так растекся лужицей.

— Да именно так все и было! — Мое праведное возмущение было прервано шиканьем Настюши:

— Ма-ам, ты обещала не лезть в историю тети Айрин.

— Воу, мы о чем договорились, козявка?

— Если я называю тебя тетей, ты называешь меня козявкой, — вот мучилась, рожала восемнадцать часов ее я, но в итоге характер Айрин, а внешность папина. И после этого мне кто-то будет говорить о справедливости?

— О чем спорите на этот раз? — Марк сел в траву позади меня, мимолетно поцеловав в оголенное плечо.

У нас шикарнейший особняк, но летние вечера мы все равно проводим здесь, под тенистыми кронами деревьев, украшенных гирляндами, в зачарованном маленьком кругу, посреди города.

— О том как ты лужицей маму добивался, — сдала Настюша меня с потрохами.

— Эй, я не так рассказывала, — попыталась защититься, но мне не поверили, — это все дядя Мойша.

— Так как было? — Настя переняла привычку Марка поднимать в нетерпении правую бровь.

— Романтика и криминал, — бархатный голос Марка до сих пор вызывал томление внизу живота, даже спустя пять лет.

Романтики я не помню, а вот криминал...

После того, как Марк ушел из квартиры бабы Люды, которую, кстати, дети потом надумали сдать в хоспис, а квартиру продать, но Марк и ей купил квартиру в нашем доме, где она просто идеально вписалась (об этом позже), он исчез.

Вилли больше не пригоняли, дома наши больше не сносили, на мой счет даже вернули всю сумму, которую я отправляла Архарову. А кредит полностью был погашен. На этом все.

Как последняя идиотка, я каждую ночь засыпала с невысказанным вопросом, а правильно ли поступила? Но каждый раз успокаивала себя, что да, правильно.

Но спустя недели две, как только я вернулась в свою любимую квартиру, началась отдаленная осада.

Вилли пригоняли каждую ночь. А я каждое утро его отгоняла обратно. На этот раз на сиденье не было записок, но был то букет цветов, то коробка шикарного бельгийского шоколада, то пакет с восхитительными кофейными зернами. Невероятно дорогая курьерская служба выходила.

Каждый раз, когда я спускалась к Вилли, он был заглушен, но не заперт. Но в одно снежное утро кое-что изменилось: у Вилли двигатель не был заглушен, снег еще не завалил следы от шин, а в салоне на пассажирском сиденье свернувшись клубочком спал черный котенок. В тот день я решила больше не отгонять обратно машину, а оставить себе и котенка, и Вилли.

Я еще много раз подвозила Айрин на нем в универ, когда та хотела в очередной раз утереть кому-то нос.

Подарки от Марка прекратились, зато все чаще стала в гости заглядывать Зинаида Александровна. Она достаточно быстро нашла общие темы со всеми обитателями нашего двора. Даже договорились Новый Год встречать вместе. Разговоры о Марке были для нас табу, поэтому все те подарки на майбахе все больше стали казаться ускользающим сном.

До одного вечера.

Тогда я достаточно поздно возвращалась с работы. Уже начались новогодние корпоративы, и я дожидалась господина Штеймлера с женой до полуночи, чтобы потом отвезти домой.

Еще, когда я вышла из автобуса, по спине растеклось противное ощущение, что за мной кто-то следит. В сознании моментально всплыли воспоминания о самых худших днях моей жизни. Я тут же ускорила шаг, сетуя на то, что пожалела денег на такси.

Оставался последний пешеходный переход, как резко меня схватили сильные руки и, зажав рот, поволокли в тонированный микроавтобус. От полного шока я не сразу вспомнила, что у меня есть голос и я могу кричать. За спиной захлопнули дверь, что моментально отрезвило, и я начала орать и стучать. Ручки здесь не было.

— Да что вам от меня надо?! — В очередной раз стукнула в водительскую перегородку, но ответа не последовало.

В голове роились мысли... Кому на этот раз я могла понадобиться? Неужели из-за Штеймлера? Но тот скоро уходит на заслуженный отдых. Куда я вляпалась на этот раз?!

Господи, дома все с ума сойдут от страха, когда я не вернусь. Тут же мысленно шлепнула себя по лбу. Идиотка, у меня же при себе рюкзак с телефоном!

Но надежда была напрасной. В этом проклятом микроавтобусе связи не было.

Я не знаю, сколько мы ехали, как-то не следила за временем, но в определенный момент орать я устала. Но когда услышала знакомый шум аэропорта, во мне открылось второе дыхание.

Уже набрала полную грудь воздуха, как дверь отъехала в сторону.

— Илья, дурак! — Я бросилась на смеющегося парня с кулаками, — нахрена такое вытворять?! Ты меня до смерти напугал.

— Ну-ну, мелочь, — Илья по-дружески приобнял меня, — я выполнял приказ.

— Нельзя так поступать с людьми, ты же меня своим другом называл!

— Так, вытри слезы, и иди к трапу. Извиняться я буду потом.

— К какому трапу? — От крика на морозе меня пробрала икота.

Только сейчас я заметила, что мы стоим на одной из рулежных дорожек возле небольшого, красивого самолета.

— Ты знаешь, что такое рулежная дорожка? — Оказывается, я бормотала это вслух.

— Слышала в программе про авиакатастрофы, — в последний раз шмыгнула носом.

— Вот что происходит в твоей голове? — Пораженно спросил Илья, глядя на меня, будто видит впервые.

— Какой трап, Илья? — Спросила устало, — даже спрашивать ничего не хочу. Я никуда не полечу, да и нет ничего с собой.

— Айрин собрала твою сумку, — из кабины микроавтобуса вышел Костик.

— Только давай не спорь. Неужели тебе не интересно, чем все закончится?

А действительно. Что я теряю? А такого приключения в жизни может больше и не быть.

В самолете кроме меня пассажиров не было. И никто не отвечал, куда мы летим. Глупо было спрашивать, кто уладил все вопросы с документами. Ответ я знала.

Может, стоило насладиться моментом, когда роскошный частный самолет только в моем распоряжении, но я просто уснула. Вот без задних ног.

В холл аэропорта Хельсинки я вышла вполне отдохнувшая и посвежевшая.

Меня встретил хмурый мужчина с многоговорящей табличкой в руках «Сеня». По всей видимости, он знал, как я выгляжу, потому что направился мне навстречу раньше, чем я заметила эту самую табличку.

Даже, если, это все чудовищное совпадение, и это все подстроил не Марк, и меня везут на разбор органов — оно того стоило. Улицы Хельсинки встретили меня самым настоящим новогодним волшебством: повсюду уличные музыканты играли волшебные мелодии на флейтах, так много лавочек продавали горячий глинтвейн, что аромат долетал даже сквозь закрытые окна.

Наверное, мой рот открылся от восхищения как только мы въехали в город, так и не закрылся, когда меня привели в мой номер.

Из окон я впервые в жизни видела море. Снежное, холодное, но самое настоящее море!

Марка нигде не было. Не было ни записок, ни смс, ни распоряжений, вообще ничего! Поэтому с визгом восторга и с чистой совестью я запрыгнула в готовую ванну. И да, отсюда тоже был вид на море.

Я совсем потеряла счет времени, даже подливала горячую воду в уже остывающую. Да что уж там, я заказала шампанское в номер! Дико дорогое, но вдруг такого волшебства больше не повторится в жизни?

Я уже успела выпить два бокала, как в дверь постучали.

— Иду! — Громко крикнула, быстро обтираясь полотенцем.

К шампанскому заказала тарелку фруктов и сыра, видимо принесли.

Но за дверью был Архаров. Собственной прекрасной персоной. Он возвышался над мной мощной фигурой, затянутой шикарным вечерним костюмом, а я стояла растрепанная в огромной белом халате.

— Есения, — он выглядел слегка удивленным, — я отправил цветы с приглашением на ужин, — он еще раз осмотрел меня, — два часа назад.

А, так вот о чем говорила официантка, когда принесла ведро с шампанским.

Кстати, вот шампанское слегка успело ударить в голову.

Марк почти незаметно переменился в лице. Если бы я так часто не вглядывалась в его лицо при каждом удобном случае, могла бы и пропустить. В голове мигом пронеслось все, что он делал все это время: как ревновал меня к Максиму, как увозил за город, как пытался защитить до всего. А после, сколько он приложил усилий, чтобы показать, насколько действительно он сожалеет. И ни разу не перешагнув черту. Не приближаясь, на давя. Почти что.

А похищение... да и черт с ним.

— Сеня? — Неуверенно позвал Архаров.

Кажется, пауза затянулась.

Внутри взорвался некий фейерверк.

Резким движением я прильнула к нему и впилась поцелуем в плотно сжатые губы.

Марк с легким стоном выдохнул и моментально жадно ответил на поцелуй.

— Как же я скучал, моя девочка, — он покрывал поцелуями лицо, шею и вновь вернулся к губам.

Я же ничего не могла ответить, просто задыхалась.

Мне нужно было почувствовать его кожу. Неловкими движениями, не отрываясь от его губ, начала срывать с него пиджак и рубашку. А Марк и не сопротивлялся.

Только чуть остановил наше сумасшествие, чтобы аккуратно уложить меня на огромную кровать.

Его волосы чуть растрепались, на подбородке аккуратная щетина. Я потянулась ладонью к любимому лицу, он тут же прильнул и поцеловал ее, закрыв глаза.

Весь мир сузился лишь до нас двоих. До наших движений. До моих стонов, которые срывались с губ от наполненности им, которые Марк ловил поцелуями, до дрожи в теле.

— Я люблю тебя, — простонала ему в губы, когда он держал меня в объятиях, будто я самое хрупкое сокровище.

Марк поцеловал меня еще глубже.

— Я боялся никогда этого не услышать, мое сердце.

На ужин мы не попали. По крайней мере, в тот вечер. И завтрак заказали в номер.

Мы пытались наговориться. В голове больше не было барьера, который я когда-то выстроила. Он больше не мой босс, а мой мужчина. Марк рассказал, как восстановил империю, чтобы продать ее.

— И чем ты будешь заниматься? — удивленно спросила я.

— Подумываю о клинике, — он уткнулся носом мне в шею, — я знаю, что ты взяла пару репетиторов и готовишься к восстановлению.

Глупо спрашивать, как он узнал.

— А откуда тот котенок?

— К ангару приткнулся. На меня похож, не так ли?

— Так, — нетерпеливо воскликнула Настюша, — папа тебя похитил, ты купалась в ванне, а что дальше?

Я неловко кашлянула.

— Мама пошла со мной на ужин, где согласилась, что слишком долго бегала от папы, — ухмыльнулся Архаров, — и сейчас по лицу вижу, что она называет про себя меня Архаровым. Я прав, Архарова?

Больше книг на сайте - Knigoed.net